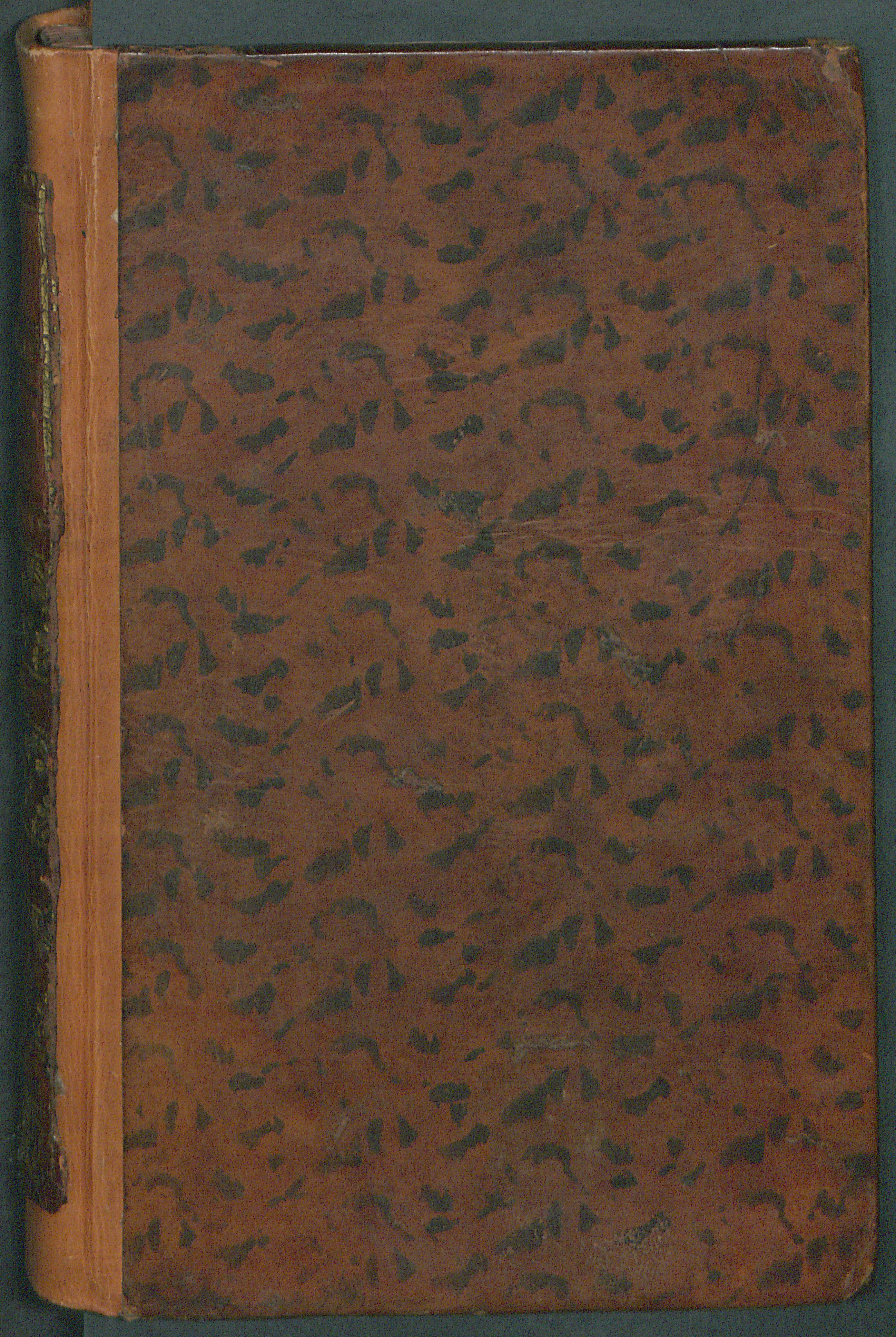
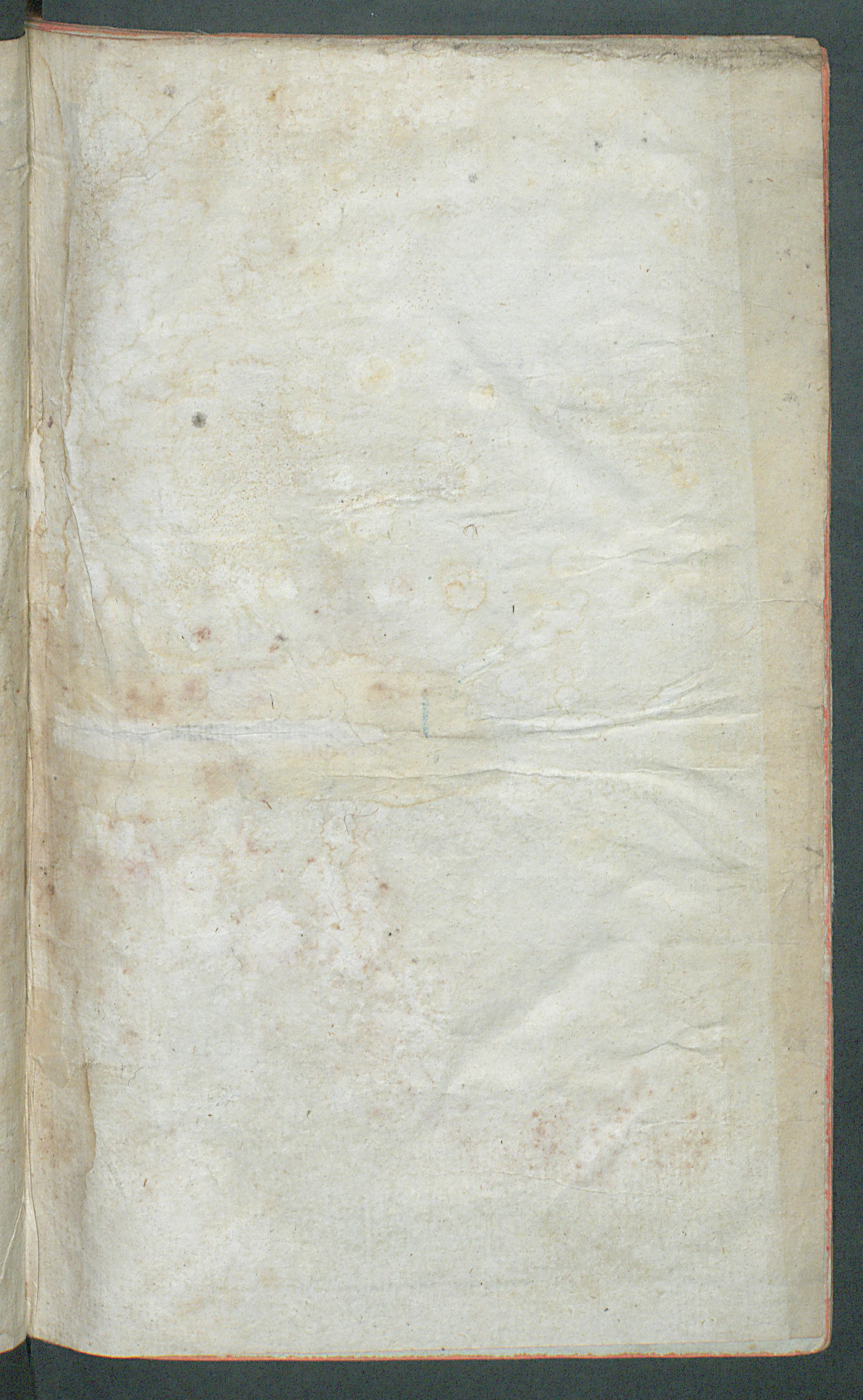

ЕВЕЛИНА,

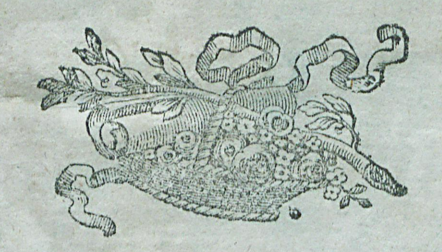
ИЛИ

ВСТУПЛЕНІЕ

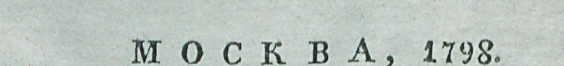
МОЛОДОЙ ДѢВИЦЫ

ВЪ СВѢТЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Съ одобренія Московской Цензуры.

МОСКВА, 1798.
Въ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.

ЕВЕЛИНА.

ПИСЬМО LVI.

Евелина къ Г. Вилларсу.

Первыя двѣ недѣли мною при водахъ препровожденныя прошли въ совершенномъ спокойствіи: я ласкалась наслаждаться тамъ онымъ и впредь постоянно; но уже вижу себя въ сей моей надеждѣ обманутою, и всякую причину имѣю опасаться, чтобъ жестокое обуреваніе не воспослѣдовало за сею скоротечною тишиною.

Однимъ утромъ вышли мы, я и Гжа. Сельвинъ, слѣдуя къ водамъ; на дорогѣ встрѣтили мы многихъ молодыхъ мущинъ, которыхъ по ихъ поступкамъ буйнымъ и безпутнымъ легко почесть можно было за шальныхъ изъ Лондона сюда пріѣхавшихъ, въ единственномъ намѣреніи, чтобъ только время въ праздности проживать. Они взяли смѣлость къ намъ приставать, и мы принуждены были много сносить отъ ихъ нескромныхъ вопросовъ и глупаго любопытства. Гжа. Селвинъ принятымъ на себя сколь колкимъ, столь притомъ грознымъ голосомъ

предуспѣла насъ отъ нихъ избавить. Одинъ только, смѣлѣе и упорнѣе всѣхъ другихъ, не усумнился назадъ къ намъ поворотиться насъ безпокоить, и мы принуждены были противъ нашей воли согласиться, чтобъ насъ провожать. Я не хочу вамъ объяснять подробно нашихъ съ нимъ вмѣстѣ разговоровъ.

И такъ наконецъ я избавилась отъ его грубостей по милости Гжи. Селвинъ, которая присоединилась къ многолюдному собранію Госпожъ. Мы желали узнать о имени сего невѣжливаго вертопраха, и намъ сказали, что называется онъ Милордъ Мертонъ; что недавно получа сей титулъ, промоталъ уже болѣе половины своего имѣнія; впрочемъ великой охотникъ до нѣжнаго пола: его считаютъ человѣкомъ худаго поведенія, и ничѣмъ инымъ не забавляется, какъ игрою и лошадинымъ бѣгомъ. Впрочемъ, продолжала Госпожа, которая намъ сіи свѣденія сообщила, не много уже времени ему остается сію распутную жизнь вести, и скоро вступитъ съ богатою невѣстою въ бракъ, которой однако же подверженъ былъ затрудненіямъ. Родныя той дѣвицы не соглашались на оной, пока она не выдетъ изъ опекунства; особливо братъ въ томъ всячески препятствовалъ: да такъ

какъ нынѣ сестра уже сама властна, то онъ болѣе въ то и не вмѣшивается. Невѣста хороша и будетъ весьма богата. Мы всякой день ожидаемъ ее къ водамъ. Какъ ее зовутъ? спросила Гжа. Селвинъ. Ларпентъ, Лади Луиза Ларпентъ, сестра Милорда Орвиля. — Орвиля! повторила я съ крайнимъ удивленіемъ. — Да, сударыня, и Милордъ съ нею будетъ, такъ мнѣ пишутъ. Они жить будутъ въ Клифтонъ-Гилѣ у Гжи. Бомоны, ихъ сродственницы. — *Милордъ съ ней будетъ!* О! естьли бы вы знали, какое движеніе произвели во мнѣ сіи слова! какое странное приключеніе, любезный государь! Какъ будто нарочно онъ сіе время выбралъ, чтобъ пріѣхать въ Бристоль! Мнѣ нѣтъ способа его избавиться, причиною тому, что Гжа. Сельвинъ дружна съ Гжею. Бомоною. Чуть не случилось намъ съ Милордомъ Орвилемъ вмѣстѣ жить. Гжа Бомонъ предлагала свой домъ Гжѣ. Сельвинѣ, и она отказалась только по причинѣ отдаленности отъ источниковъ Бристольскихъ водъ.

Какъ я ужасаюсь перваго свиданія! — О! какъ бы мы изъ Бристоля уѣхали до его пріѣзда! присутствіе его меня устрашитъ. Ахъ! естьли изъ глазъ его то же примѣчу, что доказываетъ его жестокое письмо, какъ

буду я въ состоянiи сносить взоръ его! Ежелибъ я, по вашему мнѣнiю, возвратила письмо, гораздо бы была спокойнѣе; онъ бы по крайней мѣрѣ зналъ, какихъ я мыслей о его поступкѣ; но теперь онъ судить будетъ обо мнѣ по моему поведенiю, и кто мнѣ за то отвѣчаетъ, что въ прямомъ смыслѣ оное толковать будетъ? Негодованiе мое, статься можетъ, принято будетъ смятенiмъ, а уклонность моя замѣшательствомъ. Къ тому же можетъ ли статься, чтобъ я совсѣмъ отвергла то уваженiе, которое я къ нему имѣла, и совсѣмъ забыла удовольствiе, кое я предъ симъ въ его присутствiи находила?

Было время, въ которое бы мысль одна меня отвращала, чтобъ человѣкъ подобной Мертону могъ быть такъ ему близокъ; однакоже я съ нѣкоторымъ удовольствiемъ услышала, что онъ на предлагаемую свадьбу не соглашался. Чтобъ человѣка такъ распутнаго нрава могъ быть выборъ сестры Милорда Орвиля, это я съ трудомъ понимаю. Также не весьма ли безпонятно, что на канунѣ свадьбы сей своевольникъ волочится за другими женщинами? Въ какомъ свѣтѣ мы живемъ! не буду ли я права, ежели на вѣкъ отъ него откажусь? Ежели найду, что сердце Милорда Орвиля соотвѣтствуетъ его письму,

тогда я удостовѣрюсь, что изо всѣхъ смертныхъ знаю только одного человѣка, прямо добродѣтельнаго, и что сей единый мужъ пребываетъ въ Берри-Гилѣ.

ПИСЬМО LVII.

Продолженіе письма Евелины.

О! любезный мой государь, Милордъ Орвиль все одинаковъ, все таковъ же, каковымъ мнѣ показался въ первой разъ моего съ нимъ свиданія; и благополучная ваша Евелина опять спокойна, и сама съ собою помирилась, опять начинаетъ находить удовольствіе въ свѣтѣ; она уже не предвидитъ дней опредѣленныхъ провождать въ печали и въ сомнѣніи: бодрость вперяетъ ей новую надежду; она еще льстится найти добрыхъ людей.

Ваше мнѣніе было справедливо; такъ, письмо его было писано въ бреду; все меня въ томъ увѣряетъ. — Но Милордъ Орвиль въ состояніи ли когда либо трезвости духъ потерять?

Я сего дня по утру ѣздила въ Клифтонъ-Гиль съ Гжею. Сельвиною къ Гжѣ. Бомонъ. Я была грустна въ дорогѣ; отъ движенія разума я чувствовала болѣе противъ

обыкновеннаго разслабленіе моихъ силъ; всячески старалась всю бодрость совокупить, дабы не подать поводу Милорду Орвилю къ ложному смыслу о моей тогдашней унывности. Къ щастію застали мы Гжу. Бомонъ одну, и уже часъ спустя мы увидѣли пріѣхавшій фаетонъ. Кавалеръ и дама, вышедшія изъ онаго, вошли безъ всякихъ чиновъ, даже безъ предварительной обсылки о ихъ пріѣздѣ. Я тотчасъ узнала Милорда Мертона. Поклонившись Гжѣ. Бомонъ, онъ обратился ко мнѣ. Удивленіе его было весьма примѣтно; но онъ притворился, какъ будто меня и не примѣтилъ. Безъ сомнѣнія онъ хотѣлъ сперва узнать, какимъ образомъ я случилась въ томъ домѣ, въ которомъ присутствіе мое ему помѣхою было. Онъ подвинулъ стулъ къ окошку, и пребылъ тутъ не говоря ни съ кѣмъ ни слова.

Между тѣмъ молодая дѣвица, прыгая по горницѣ, и прошедъ, кивнула головою Гжѣ. Бомонѣ; по томъ ни мало насъ не примѣтивъ, кинулась на софу, говоря притворнымъ и слабымъ голосомъ, что она до смерти устала.

Не встрѣтили ли вы братца вашего, Лади Луиза? сказала Гжа. Бомонъ. Нѣтъ, сударыня, развѣ онъ выѣзжалъ по утру? Я тогда узнала то, о чемъ я прежде думала,

то есть, что Лади Луиза есть сестра Милорда Орвиля. Какая разница между сестрою и братомъ! Нѣкое, правда, сходство въ чертахъ лица, но ни малѣйшаго въ обхожденіи! Такъ возразила Гжа. Бомонъ: я думаю, что даже васъ искалъ. Ахъ! можетъ быть мы его встрѣтили, да не примѣтили. Никакого удовольствія нѣтъ ѣздить въ колясочкѣ съ симъ Мертономъ; онъ такъ скачетъ, что у меня отъ того всякой разъ голова кружится.

Гжа. Сельвинъ сбиралась уже ѣхать, какъ Гжа. Бомонъ предложила ей въ садъ прогуляться; на что она отвѣчала, что съ радостію бы согласилась, ежелибъ не опасалась, что Мисъ Анвиль слишкомъ устала. Услышавъ сіи слова Лади Луиза, которая облокотила голову на ручку, приподнявъ оную взглянула на меня, и посмотрѣвъ на меня съ любопытствомъ, опять легла, не сказавъ ни слова.

Я промолвила Гжѣ. Бомонъ, что прогулка ни мало меня не безпокоитъ, и просила даже позволенія съ ней итти. Она звала Лади Луизу, не хочетъ ли вмѣстѣ проходиться; но она отъ того отговорилась подъ видомъ жара. Милордъ Мертонъ съ ней остался.

Не успѣли войти въ садъ, какъ я увидѣла Милорда Орвиля, сходящаго съ лошади;

видъ его привелъ меня въ смятеніе; однако же я старалась онаго не показать; лице мое долженствовало изъявлять сердце. Онъ подошелъ къ намъ съ обыкновенною своею учтивостію. Я отвернулась, дабы не видать сего перваго приступу: и онъ хотѣлъ навѣдаться отъ Гжи. Бомонъ о сестрѣ, но узнавъ меня, вскричалъ: Мисъ Анвиль! и тотчасъ меня привѣтствовалъ не тщеславнымъ и смѣлымъ видомъ, но пріятнымъ, веселымъ и, осмѣлюсь сказать, любезнымъ лицомъ, съ благосклонною улыбкою и глазами открывающими радость: совѣсть его не казалась ничѣмъ непріятнымъ встревожена; письмо какъ бы забыто было, и въ семъ свиданіи я одна чувствовала безпокойство.

Ахъ! естьлибъ вы видѣли, государь мой, съ какою благопріятностію онъ представился! съ какою умильностію онъ на меня глазами плѣненными смотрѣлъ, какъ меня узналъ! Все въ немъ восторгало, даже и тонъ голосу его. Онъ утѣшался, говорилъ онъ, своимъ щастіемъ; ласкался надеждою, что я нѣсколько времени пробуду въ Бристолѣ; но также считаетъ, что въ оной пріѣхала не по причинѣ нездоровья, ибо въ такомъ случаѣ, примолвилъ онъ, радость его превратилась бы въ страхъ.

Обольщенная сими словами и сбрадованная къ тому же, найдя Милорда Орвиля такимъ, какъ прежде его знала, не забыла я однакоже, что на него сердита, и сохраняла видъ холодной и скромной, глаза мои старались избѣгать Лордовыхъ, и я ему сдѣлала отвѣтъ короткой.

Таковая перемѣна должна была его удивить, и я надѣюсь, что онъ примѣтивъ, вспомнилъ, и раскаявался въ тожъ время въ тѣхъ поступкахъ, кои подавали мнѣ причину на него жаловаться.

Я прервала разговоръ, какъ скоро могла оное прилично сдѣлать, и дала почувствовать Гжѣ. Селвинѣ, что мы поздо домой прійдемъ; рѣчь сократили дорогою, и Милордъ уже болѣе ни слова не сказалъ. Онъ конечно удивился торопливости моего отбытія, и вѣрно того не ожидалъ. Сказать правду, я уже сожалѣла, что вѣжливость его приняла такъ холодно, хотя съ другой стороны я принуждена была показаться предъ нимъ своенравною. Прощаясь, я не могла упустить безъ примѣчанія, что Милордъ Орвилъ столько же здѣлался невеселъ, какъ и я; улыбки и веселыя его обхожденія уступили мѣсто важнымъ размышленіямъ.

Я боюсь, сказала Гжа. Бомонъ, что сія дѣвица не будетъ въ состояніи, не отдохнувъ прежде, дорогу продолжать. Ежели сіи госпожи не устрашатся фаетону, сказалъ Милордъ Орвиль, и понадѣятся на меня, я буду имѣть честь ихъ проводить.

Гжа Селвинъ спросила меня, вы какъ о томъ думаете? Я отвѣчала, что лучше бы желала итти пѣшкомъ; — но увидѣвъ, сколько сей грубой отвѣтъ прискорбенъ былъ Милорду, сочла за долгъ еще сказать, что я сожалѣлабъ нанесть ему сей трудъ.

Поправка сія имѣла дѣйствіе, и Милордъ возвратилъ опять прежнюю свою веселость, повторялъ предложеніе свое такъ пріятно и такъ убѣдительно, что не было способу отъ онаго отказаться: съ того времяни, любезный мой государь, холодность и скромность моя нечувствительно изчезли. Не браните меня за то; я-было крѣпко расположилась противъ того стоять, поставила-было оное себѣ закономъ; но какъ все сіе располагала, только помышляла о письмѣ, а не о Милордѣ Орвилѣ. Развѣ гнѣвъ не долженъ пройти, когда и обида миновалась? Однакожъ будьте увѣрены, что ежели бы Лордъ таковъ же былъ, какъ онъ казался по несносному своему письму, то

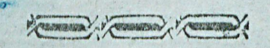
Евелина ваша не унизила бы себя до такой крайности, чтобы терпѣливо сносить обхожденія, отъ которыхъ она должна бы была краснѣть предъ вами.

При отъѣздѣ Гжа. Бомонъ опять повторяла Гжѣ. Селвинѣ предложеніе взять комнаты въ ея домѣ; но тѣ же самыя причины существуя, сіе предложеніе было отвергнуто.

Въ дорогѣ я не вмѣшивалась въ разговоры, и Гжа. Селвина за обѣихъ говорила. Лордъ мало говорилъ; но великой его умъ и крайняя вѣжливость придавали отмѣнное пріятство всему тому, что онъ ни сказывалъ.

Она находитъ, что неотмѣнно должно быть ошибкѣ въ рожденіи сего молодаго человѣка, и что вѣрно онъ родился еще въ прошломъ вѣкѣ. Онъ ей кажется безмѣрно учтивъ для нынѣшняго.

И такъ, не мните ли вы, что въ такомъ случаѣ можно отложить свою досаду, не страшась за то осужденія? Вы бы и сами то не оспорили. О! естьли бы вы видѣли, сколько поступокъ его былъ почтителенъ, вы бы первыя мнѣ совѣтовали не желать ему зла.

ПИСЬМО LVIII.

Продолженіе письма Евелины.

Вчерась мы были званы на обѣдъ къ Гжѣ. Бомонъ; надобно начать описаніемъ свойствъ сей госпожи. Я буду оное дѣлать по сказаніямъ нашей пріятельницы Гжи. Селвины: вотъ какъ она колко ее описываетъ.

Гжа. Бомонъ есть въ самомъ дѣлѣ изъ тѣхъ, которую назвать можно *придворною суевѣркою*, урожденною изъ старинной и знатной фамиліи. Она сдѣлала себѣ совсѣмъ отмѣнной образъ нравоученія: *рожденіе и добродѣтель* суть у нее слова одинакаго смысла. Она имѣетъ нѣкоторыя похвальныя качества, но кои больше происходятъ отъ ея тщеславія, нежели отъ настоящихъ ея правилъ; ибо она почитаетъ себя происходящею отъ знатнаго рода, воспрещающаго ей содѣлать что-либо недостойное себя и ея предковъ, коихъ достоинство поддерживать она должна. По нѣкоему щастливому случаю она взяла себѣ въ голову, что благопріятство есть изъ всѣхъ добродѣтелей, приносящее честь знатнымъ людямъ; такъ что то самое тщеславіе, на которомъ большая часть знатныхъ людей полагаютъ свое величіе, содѣлываетъ знакомство ея пріятнымъ. Но вѣжливость ея

слишкомъ соразмѣрна, не приносящая никакого удовольствія. Ежели она имѣетъ ко мнѣ нѣкоторую привѣтливость, я оною честію прямо одолжена случаю, котораго воспоминовеніе можетъ быть не очень для нее лестно; мнѣ случилось однажды ей уступить въ Сутгамптонѣ комнаты, въ коихъ ей нужда была; и мнѣ послѣ сказали, что она никакъ не приняла бы сей услуги, естьлибъ не считала меня благородною. Я полагаю, что она была безутѣшною, какъ узнала свою ошибку; однакожъ стараніе ея, во всѣхъ случаяхъ соблюдать наружную благопристойность, побуждаетъ ее оказывать ко мнѣ всякую благосклонность. Она ошибается, ежели считаетъ, что я оную за великое поставляю; ибо я увѣрена, что оною пользуюсь не изъ привязанности ея ко мнѣ, ниже изъ благодарности, но единственно по одолженіямъ, которыя по нещастію случилось ей получить отъ такой персоны, коея имя не находится въ придворномъ календарѣ.

Гжа. Бомонъ приняла насъ весьма ласково; но привела меня въ смятеніе своими вопросами о моемъ родѣ: она спрашивала между прочимъ, не того ли я дому Анвилей, которые находятся въ сѣверной провинціи Англіи? нѣтъ ли семейства моимъ имянемъ въ Линконширѣ, и проч.

По томъ разговорились о свадьбѣ Милорда Мертона. Гжа. Бомонъ говорила о томъ весьма осторожно: однакожъ изъ разговоровъ ея можно было примѣтить, что она осуждала выборъ Лади Луизы. Милордъ Орвиль въ великой у ней милости; она его называетъ, такъ какъ написано въ Мармонтелевыхъ сказкахъ, *молодой человѣкъ, коихъ мало есть.*

Нѣсколько времяни спустя явилась Лади Луиза; обхожденіе ея было все таково же; она сдѣлала весьма легкой поклонъ одной Гжѣ. Бомонъ, и не замедлилась занять опять свое мѣсто на софѣ, съ котораго обкинувъ быстро томными своими глазами всѣхъ въ комнатѣ находящихся, однакожъ ни на комъ оныхъ не останавливая.

Милордъ Мертонъ въ самое то время вошелъ, и подошедъ къ своей невѣстѣ, спрашивалъ весьма притворнымъ голосомъ о состояніи ея здоровья. Очень худо, отвѣчала Лади Луиза: ибо цѣлое утро болью головной промучилась. — Я отъ того въ отчаяніи; но вамъ бы надлежало о томъ съ Докторомъ посовѣтоваться, Государыня моя. — Мнѣ весьма прискучили совѣтованія. — Никто не знаетъ, чего мнѣ недостаетъ; а между тѣмъ я тончаю.

Посреди сего не дѣльнаго разговора Милордъ Орвиль вошелъ въ комнату, и послѣ обыкновенной учтивости, сдѣланной Гжѣ. Бомонъ и Гжѣ. Сельвинъ, онъ ко мнѣ подошелъ.

Мнѣ кажется, сказалъ онъ мнѣ, что Мисъ Анвиль часъ отчасу въ лучшемъ здоровьѣ находится; потомъ оборотясь къ Лади Луизѣ, въ удивленіи находившейся, что братъ со мною говорилъ, сказалъ ей: позвольте мнѣ сестрица, представить вамъ Мисъ Анвиль. Лади Луиза привставъ немного съ софы, сказала мнѣ холодною рѣчью, что рада будетъ имѣть честь со мною познакомиться, и тотчасъ что-то на ухо Милорду Мертону пошептала. Что до меня касается, я въ равномъ находилась смятеніи отъ неожидаемой учтивости Милорда Орвиля и непріятнаго отвѣта на то сестры его. — Какое несходство нравовъ! и какъ она сама того не примѣчаетъ, ибо всѣ удивляются безпринужденному и честному обхожденію ея брата?

Поступокъ Лади Луизы оскорбилъ его; онъ оставилъ ее, не сказавъ ни слова, и продолжалъ разговоръ свой со мною до самаго обѣда. Не должна ли я ему быть благодарна за его вниманіе? Такъ, безъ сомнѣнія, и

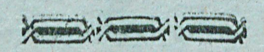
всѣ мои намѣренія отмщенія были отринуты.

Во время стола сидя подлѣ меня, тоже лицо поддерживалъ, а послѣ обѣда разговоръ вели мы о Гжѣ. Мирванѣ и ея дочери; объ красотѣ окружности загородной, о Клифтонѣ - Гильской найпаче; однакожъ ни слова не было о пакостномъ письмѣ. Но мнѣ ли первой начинать о томъ говорить? Нѣтъ, вѣрно; а сверьхъ всего я не имѣла ни силы, ни желанія къ тому.

Возвращаясь въ Бристоль, Гжа. Сельвинъ спрашивала меня, ежели я чувствую свое здоровье довольно облегченнымъ, могу ли я лѣкарства мои оставить? Гжа. Бомонъ ея неотступно проситъ провесть дней восемь въ Клифтонѣ. Сія бѣдная женщина, продолжала она, такъ совершенно старается задобрить меня своими одолженіями, что я расположена согласиться на ея предложеніе, хотябъ то было изъ одной жалости. Теперешнее состояніе моего здоровья не удерживая меня больше въ сосѣдствѣ водъ, я принуждена была повиноваться волѣ Гжи. Сельвины и съ завтрашняго дня мы считаемъ переѣхать въ Клифтонъ - Гиль. — Совсѣмъ тѣмъ сіе распоряженіе не весьма для меня угодно. Сколь ни ласкательны притомъ одолженія

и учтивости Милорда Орвиля, однакожъ мнѣ очень несносно будетъ жить съ его прегордою сестрою; равномѣрно тожъ съ Гжею. Бомонъ, естьли она не перемѣнитъ своей донынѣ ко мнѣ оказываемой холодности. Къ томужъ очень возможно, что я обязана за учтивости Милорда великодушному сожалѣнію, которое внушаетъ ему мое состояніе. Ахъ! кто за то отвѣчаетъ, что онъ таковъ же пробудетъ во всю недѣлю.

По отъѣздѣ моемъ изъ Берри-Гиль, я часто желала имѣть при себѣ здѣсь Гжу. Мирвану, не для того, чтобъ я могла жаловаться на Гжу. Сельвину; она ко мнѣ весьма благосклонна. Однакожъ признаюсь, что она моглабъ быть иногда для меня весьма полезна въ собраніи, но обыкновенно слишкомъ занята сама собою, чтобъ вздумать обо мнѣ, и стараться меня выставливать наружу. Однако же такъ и быть; надобно взять свои мѣры; хотя я ощущаю всякой день, что безъ знатнаго рожденія и безъ богатства весьма трудно обратить на себя вниманіе.

ПИСЬМО LIX.

Продолженіе письма Евелины.

Теперь я нахожусь, любезный мой государь, подъ одной кровлею съ Милордомъ Орвилемъ; безъ сего состояніе мое было бы весьма сожалѣнія достойно, и очень на то бы походило, чтобъ предана была въ снѣдъ моимъ размышленіямъ. Гжа. Бомонъ приняла насъ весьма ласково, а Милордъ особливо всячески старался сдѣлать намъ пріемъ самой пріятной. Лади Луиза напротивъ того ни шага не прибавила противъ своего обыкновенія.

У насъ были гости почти весь день, и я довольно весело свое время провела. Послѣ чаю сѣли за разные столы играть въ карты; Милордъ Орвиль не любитъ картъ, а я играть въ нихъ не умѣю, почему мы и не играли; за то награждена была я пріятнымъ разговоромъ. — Я примѣчаю, что начинаю смѣлѣе съ нимъ обращаться, нежели прежде; его честные и тихіе поступки возвращаютъ мнѣ нечувствительно природную мою веселость, и такъ какъ онъ нынѣ со мною говоритъ, я не примѣчаю ни въ немъ, ни въ себѣ ни малаго принужденія; и что всего больше меня въ томъ увѣряетъ, суть вѣр-

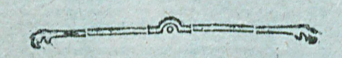
ные признаки, что я ничего въ разумѣ его не потеряла и въ очахъ его кажется напротивъ того нѣчто привлекательнѣе къ себѣ усматриваю.

Ввечеру, Милордъ Орвиль подавая мнѣ руку, чтобъ за столъ меня вести, сестра ему сказала: я считала, что вы ужинаете въ гостяхъ. Онъ ей на то отвѣчалъ, взирая на меня ласково, что занятъ другими обязательствами, и пребылъ съ нами.

Я провела три дни такъ пріятно, что лучше ничего желать не льзя, изключая, государь мой, удовольствіе, которое нахожу съ вами жить. Пребываніе мое въ Клифтонѣ-Гилѣ гораздо веселѣе, нежели я воображала. Милордъ Орвиль оказываетъ ко мнѣ безпрерывное уваженіе, и единое его добросердечіе оное въ него вселяетъ, а не своенравіе и тщеславіе тому причиною. Это безъ сумненія пренебреженію обо мнѣ прочихъ находящихся въ нашемъ собраніи особъ я обязана сею безпрерывною учтивостію, и по той причинѣ, надѣюсь, оная продолжится, пока буду нужду въ томъ имѣть. Не только я гораздо свободнѣе въ присутствіи Лордовомъ, но даже становлюсь веселѣе, когда вмѣстѣ съ нимъ бываю: таково-то дѣйствіе прямой учтивости!

оное истребляетъ безпокойствіе и всякое принужденіе. Въ гульбищѣ всегда онъ меня сопровождаетъ. Иногда мы занимаемся чтеніемъ, и тогда онъ мнѣ даетъ примѣчать самыя острыя мѣста, спрашиваетъ о томъ мое мнѣніе и свое сообщаетъ; за столомъ онъ всегда возлѣ меня, и по милости безчисленныхъ вѣжливостей, кои онъ мнѣ оказываетъ, я забываю преимущество, кое берутъ надо мною прочія особы. Наконецъ сіи четыре дни съ нимъ провожденные въ одномъ домѣ, произвели между нами родъ дружбы, которой можетъ быть никогда бы не существовалъ, ежелибы продолжала обходиться съ Милордомъ, какъ съ простымъ знакомымъ. Гжа. Сельвинъ одинъ другъ, которую я здѣсь имѣю, но и та занимается больше своимъ красноглаголаніемъ, нежели чтобъ обо мнѣ помышлять. Лордъ напротивъ того считаетъ меня чужестранною, отъ всѣхъ оставленною, которая имѣетъ право требовать его заступленія и услугъ, и ежели ему случалось когда-либо имѣть обо мнѣ неполезное мнѣніе, то я надѣюсь, что нынѣча совсѣмъ оное опровергла. Статься можетъ, что я и льщу себя; но видъ его веселой, уваженіе, желаніе меня удовольствовать, все соотвѣтствуетъ къ моему удостовѣренію, что я въ томъ не ошибаюсь;

однимъ словомъ, сіи четыре щастливые дни замѣняютъ нѣсколько мѣсяцовъ огорченія и заботы.

ПИСЬМО LX.

Продолженіе письма Евелины.

Я сошла сего дня очень рано; такъ какъ здѣсь завтракаютъ весьма поздо, я успѣла сдѣлать утреннюю прогулку по старому своему обыкновенію въ Берри-Гилѣ. Я проходила чрезъ садъ; и едва только затворила дверь, какъ вдругъ увидѣла человѣка, котораго лицо казалось мнѣ знакомо; и дѣйствительно это былъ нещастной Г. Макартней. Удивленная сею встрѣчею, я остановилась, чтобъ дать ему время меня настигнуть; онъ былъ еще въ траурномъ платьѣ, но въ здоровьѣ своемъ, кажется, онъ гораздо поправился, хотя остался тотъ печальной видъ, которой меня тронулъ въ первое мое съ нимъ свиданіе. Онъ сказалъ мнѣ, что только вчерась пріѣхалъ въ Бристоль, и ни о чемъ такъ не старался, какъ о засвидѣтельствованіи мнѣ своего почтенія. — Развѣ вы знали, что я нахожусь въ Клифтонѣ? — Такъ, сударыня, я пріѣхалъ изъ Берри-Гиля, гдѣ узналъ непріятную

вѣсть, что поврежденіе вашего здоровья принудило васъ ѣхать къ водамъ. Чтожъ васъ побуждаетъ, государь мой, такъ много трудиться? О государыня! есть ли такой трудъ, которой бы могъ сравниться съ желаніемъ, кое я имѣлъ принесть вамъ мою благодарность?

По томъ навѣдывалась я о Гжѣ. Дюваль и о семействѣ въ Сновъ-Гилѣ; онъ сказалъ, что оставилъ ихъ въ добромъ здоровьѣ, и что Гжа. Дюваль располагается скоро возвратиться въ Парижъ. Я поздравила также Г. Макартнея съ очевиднымъ поправленіемъ его здоровья. Это вамъ, милостивая государыня моя, отвѣчалъ онъ, долженъ я онымъ хвалиться; ибо ежели я еще на свѣтѣ, то тѣмъ обязанъ единому вашему благодѣянію. Онъ продолжалъ, что дѣла его теперь находятся въ лучшемъ положеніи, и надѣется, что съ помощію времяни и разсудка онъ достигнетъ сносить судьбу свою съ большею твердостію. Великодушное участіе, говорилъ онъ, кое вы принимали въ моемъ огорченіи, увѣрило меня, что вы узнаете съ нѣкоторымъ удовольствіемъ перемѣну моего состоянія; и по всей справедливости надобно, чтобы вы о томъ были увѣдомлены. Въ скоромъ времяни по вашемъ отъѣздѣ я

получилъ отвѣтъ изъ Парижа; другъ мой по полученіи моего письма тотчасъ оставилъ сію столицу, и вскорѣ пріѣхалъ меня утѣшить. Я принялъ его вспоможеніе; такъ, сдѣлалъ себѣ сіе насиліе, и первой мой долгъ есть очистить себя предъ той, которая своими благодѣяніями поддерживала меня въ нещастіи. Вотъ, милостивая государыня моя, (подавая мнѣ свертокъ бумаги) вотъ единая часть моихъ одолженій могущая быть очищена; я имѣю отъ васъ гораздо важнѣйшія; но тѣхъ не могу иначе заплатить, какъ благодарностію, и въ такомъ случаѣ очень охотно соглашаюсь пребыть должникомъ вашимъ во всю жизнь.

Я ему оказала, какое брала участіе въ перемѣнѣ его состоянія, и между тѣмъ просила оставить мнѣ удовольствіе быть его другомъ, и слѣдственно чрезъ то избавить меня отъ принятія заплаты его долга, пока дѣла его совсѣмъ поправятся.

Во время нашего о томъ переговора, я услышала голосъ Милорда Орвиля, которой спрашивалъ садовника, не видалъ ли онъ меня? Я отворила дверь, и Лордъ удивленной, найдя меня тутъ, сказалъ весьма поспѣшно: „однѣ ли вы сошли Мисъ Анвиль? Завтракъ уже давно готовъ, и

васъ во всѣхъ сторонахъ искали по саду. Вы весьма благосклонны Милордъ; но надѣюсь, что меня не дожидали. Какъ, государыня моя, развѣ вы думаете, что можно спокойно завтракать, когда находятся въ страхѣ о вашемъ побѣгѣ? но пожалуйте, подите, а то подумаютъ, что вы и меня заставили бѣжать по привлеченію. Я тотчасъ къ вамъ приду. По томъ оборотясь къ Г. Макартнею, съ нимъ распрощалась. Онъ слѣдовалъ за мною, держа свертокъ въ рукѣ. Нѣтъ, я ему сказала, это до другаго разу.

Но могу ли я надѣяться имѣть честь опять съ вами увидѣться?

Я не смѣла позвать незнакомаго въ домъ Гжи. Бомоны, а не имѣла довольно присутствія разума, чтобы извиниться; и такъ не зная, какъ отказать, сказала ему, что ежели онъ будетъ завтра прогуливаться въ сей сторонѣ и въ томъ же часу, то могу опять съ нимъ встрѣтиться.

Какъ Г. Макартней насъ оставилъ, то я примѣтила, что Милордъ Орвиль перемѣнился въ лицѣ, не подалъ мнѣ руки, и шелъ печально возлѣ меня, не говоря ни слова. Я тотчасъ усумнилась о томъ, что могло подать случай къ такой скорой пере-

мнѣ: не уже ли онъ имѣетъ какое-либо подозрѣніе, говорила я сама себѣ, найдя меня въ присутствіи съ молодымъ человѣкомъ? Какъ! не уже ли онъ вздумалъ, что свиданіе сіе было умышленное, и что я въ томъ намѣреніи такъ рано сошла? Мучившись такою мыслію, я разсудила воспользоваться вольностію, къ которой обхожденіе его меня пріучило съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь живу; и какъ онъ старался избѣгать навѣдаться о семъ приключеніи, я первая старалась склонить къ тому разговоръ, спрося смѣло, не удивился ли онъ, что нашелъ меня въ разговорѣ съ незнакомымъ? Съ незнакомымъ, отвѣчалъ онъ, возможно ли, чтобы сей человѣкъ совсѣмъ вами былъ незнаемъ! Не совсѣмъ, — ежели вы хотите, — однако же можетъ статься. — Извините, я никогда не повѣрю, чтобы Мисъ Анвиль была въ состояніи назначить свиданіе съ незнакомымъ. Что вы говорите, Милордъ? — Мнѣ кажется по крайней мѣрѣ, ежели я не ошибаюсь, что о томъ рѣчь была.

Слова сіи привели меня въ смятеніе и уже болѣе не имѣла духу окончить своего оправданія; однако же молчаніе мое только бы умножило его сумнѣніе, которое мнѣ весьма нужно было опровергнуть; и такъ я продолжала: Дѣйствительно, Милордъ, вы

ошибаетесь; Г. Макартней имѣетъ со мной сношеніе, — и такъ я не могла преминуть, чтобы его не видать; — но намѣреніе мое не было. . . Въ другой разъ пресѣкъ разговоръ. Истинно, сожалѣю, государыня моя, что не хотя поступилъ неосторожно. Ежели бы я зналъ, что у васъ были дѣла, то конечно бы за вами не слѣдовалъ; я думалъ, что вы просто за тѣмъ вышли, чтобы воздухомъ пользоваться. — Оное точно было мое намѣреніе, а свиданіе съ Г. Макартнеемъ есть самое нечаянное; и сіе такъ справедливо, что я лишусь завтрашняго моего съ нимъ свиданія, ежели вы мнѣ то присовѣтуете — Я не имѣю права подавать совѣта; Мисъ Анвиль сама лучше всѣхъ должна знать, что ей прилично дѣлать; она не права бы была въ томъ, естьли бъ требовала совѣта въ такомъ важномъ дѣлѣ отъ такого человѣка, которой ни малѣйшаго понятія не имѣетъ о связи ея съ симъ незнакомымъ. — Вы бы могли оную короче узнать, Милордъ, ежели бы чрезъ то не думала я во зло употребить ваше выслушаніе. — Я всегда удивлялся кротости вашего нрава, и предложеніе сдѣланное мнѣ ввѣрить ваши тайны приноситъ мнѣ много чести, которую принимаю съ великимъ моимъ усердіемъ.

Въ самое то время Гжа. Сельвинъ отворила дверь залы, и надлежало окончить нашъ разговоръ. Шутили немного о моемъ вкусѣ къ уединеннымъ прогулкамъ; но не было рѣчи о долгомъ моемъ отсутствіи.

Я надѣялась, что могу свободнѣе время имѣть къ объявленію тайны послѣ завтрака; но намъ въ томъ воспрепятствовало прибытіе Г. Мертона и прочихъ.

Намъ также въ томъ мѣшали и другіе гости, и такъ вов се утро не оставалось болѣе четверти часа свободнаго къ ближайшему объясненію съ Милордомъ Орвилемъ. Мнѣ тѣмъ болѣе было досадно, что я знала приглашеніе его на вечеръ въ гости: такимъ образомъ не предвидя удобнаго случая къ разговору прежде назначеннаго свиданія, я разсудила лучше не сдержать слово Г. Макартнею, нежели подать ему подозрѣніе. Но разсуждая о положеніи бѣднаго Шкотландца, нещастія его, огорченія, и особливо мнѣніе его, что онъ мною одолженъ, не могла рѣшиться преступить своего обѣщанія, страшась, чтобы онъ не счелъ оное презрѣніемъ, ибо всякой человѣкъ находящейся въ бѣдности слишкомъ склоненъ къ сумнѣнію, кое внушаетъ таковое чувствіе. Записка мнѣ казалась способною къ избавленію меня отъ сихъ хлопотъ и къ

спасенію моей нѣжности. Вотъ строки, кои писала я къ Г. Макартнею, и которыя доставила ему чрезъ человѣка Гжи. Сельвины.

„Государь мой!

„Мнѣ случилось препятствіе къ про„гулкѣ завтра поутру. И такъ не тру„дитесь приходить въ Клифтонъ; но не „забудьте, что надѣюсь имѣть удовольствіе „васъ видѣть прежде отъѣзда моего изъ „Бристоля.

Пребуду, Государь мой,
покорная во услугахъ
Евелина Анвиль.„

Я наказывала лакею отдать сіе письмо изъ рукъ въ руки, и потомъ опять вошла.

Гости уѣхали, а Госпожи пошли одѣваться; я осталась наединѣ съ Милордомъ Орвилемъ; какъ скоро примѣтилъ, что намѣревалась слѣдовать за Гжею Сельвиною, онъ меня удержалъ, говоря: Мисъ Анвиль, извинитъ ли нетерпѣніе мое, ежели я напомню обѣщаніе данное мнѣ сего утра? Прежде, нежели я успѣла отвѣчать, слуги вошли столъ накрывать, и пока я разсуждала объ отвѣтѣ, котораго онъ отъ меня требуетъ, я остановилась на томъ мнѣніи, что нималаго не имѣла права открывать тайны Г. Макартнея; очень понятно, что

оправдавшись отъ одной неосторожности, я содѣлывала другую.

Дабы не поступить слишкомъ поспѣшно, я сочла, что мнѣ не оставалось инаго средства, какъ выпти изъ комнаты; отговорившись туалетомъ, вышла очень скоро. Удаленіе мое не понравилось можетъ быть Милорду Орвилю; но что мнѣ было дѣлать? Случай меня всегда приводитъ въ такія для меня необычайныя положенія; самыя малѣйшія препятствія кажутся мнѣ вдругъ столь затруднительны, что по истиннѣ рѣдко знаю, какимъ образомъ поступать.

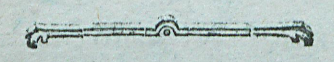
Мы собрались около обѣда, какъ лакей Гжи Сельвины принесъ назадъ мое письмо, говоря, что не могъ найти Г. Макартнея; однако же почтовые служители обѣщали его прислать, какъ скоро найдутъ. Меня привело въ смятеніе свѣденіе всѣми о семъ письмѣ; Милордъ Орвиль взглянулъ на меня съ примѣчаніемъ, и взоръ его довольно пронзительной не подалъ мнѣ способа къ успокоенію. Онъ мнѣ ничего не сказалъ за столомъ, а сама не имѣла духу говорить. Я встала, какъ скоро могла, и заперлась въ свою комнату: Гжа Сельвина за мною слѣдовала и по многимъ вопросамъ дошла до подробнаго свѣденія связи моей съ

Г. Макартнеемъ. Признаніе сіе было нужно для извиненія письма; но объявленіе мое не получило одобренія отъ Гжи. Сельвины. Она сочла дѣло сіе любовною повѣстью, и судила Г. Макартнея съ крайнею жестокостію; по ея разговорамъ этотъ человѣкъ былъ обманщикъ.

Сама не знаю, въ какомъ положеніи нахожусь, и заблуждаюсь въ сихъ размышленіяхъ. Что мнѣ дѣлать для удовольствованія Милорда Орвиля? Не сочтется ли за слабость и предательство разсказать исторію нещастную Г. Макартнея? Онъ положился на меня, надѣеться на мою скромность; просилъ меня содержать тайну какъ священную вещь. — Но съ другой стороны, какъ опровергнуть подозрѣнія Милорда Орвиля? Какой видъ дать симъ свиданіямъ, которыя ему кажутся странными и любовною завязкою, можетъ статься? Онъ, сталъ задумчивъ; я обѣщала его удовольствовать. — Вотъ причины довольно меня побуждающія сдѣлать ему сообщеніе, котораго онъ отъ меня ожидаетъ.

Напослѣдокъ увижу ли я, или нѣтъ Господина Макартнея завтре по утру? Это другой вопросъ, для рѣшенія коего не имѣю довольно разума. Для чего не могу я, го-

сударь мой, получать вашихъ наставленій, и тѣмъ избѣгнуть проступковъ? Но нѣтъ, — не предамъ Г. Макартнея, не преступлю въ томъ, чѣмъ я ему должна: честь моя отъ того зависитъ, и крѣпко буду стоять. Безъ сумнѣнія я бы рада была, ежели бы могла удовольствовать Милорда Орвиля; но снисхожденіе сіе не соотвѣтствуетъ съ спокойствіемъ моей совѣсти. Я увѣрена, милостивой государь мой, что за то удостоюсь вашего одобренія; оное болѣе всего стараюсь заслужить, и оставляю на попеченіе времяни меня оправдать.

ПИСЬМО LI.

Отъ нее къ нему же.

Я встала очень рано, и по разныхъ колебленіяхъ, по долгомъ сумнѣніи, увижу ли Г. Макартнея, или преступлю въ своемъ словѣ, я наконецъ на томъ остановилась, что буду исправна въ свиданіи, но что свиданіе сіе будетъ какъ возможно короче, и точно послѣднее. Таково было произведеніе моихъ размышленій; но не была еще увѣрена въ совершенномъ исполненіи, и проходила сквозь садъ съ великою боязь-

нію. Вообразите мое смятеніе, когда отворя дверь, первое, что представилось глазамъ моимъ, былъ Милордъ Орвиль. — Но онъ самъ былъ разстроенъ и сказалъ мнѣ заминаючись: Извините государыня, — я не ожидалъ: — не могъ вообразить себѣ, что такъ рано васъ здѣсь найду; — ежели бы я могъ оное чаять, конечно бы не пришелъ сюда, и поклонясь мнѣ, очень поспѣшно пошелъ прочь отъ меня.

Не зная, что дѣлаю, хотѣла-было его къ себѣ позвать; имя Милорда даже я сказала поневолѣ; онъ возвратился и спросилъ меня, желаю ли что съ нимъ говорить? Но не могла дать отвѣту, отъ того, что духъ занялся, и не въ состояніи была стоять, ежели бы не оперлась о дверь сада.

Милордъ Орвиль, принявъ тотчасъ весь прежней благопріятной свой видъ: я признаю себя, говорилъ онъ, виновнымъ, что нахожусь здѣсь въ сіе время; мнѣ будетъ трудно въ томъ оправдаться; знаю, что вы все право имѣете обвинять меня нескромнымъ любопытствомъ, и для того не остается мнѣ болѣе ничего инаго сдѣлать, какъ принесть вамъ свое извиненіе и удалиться. И дѣйствително исчезъ, какъ молнія.

Я пребыла неподвижною какъ статуя; первое мое движеніе было признаться чи-

стосердечно Милорду Орвилю во всемъ томъ, что поступокъ мой оказывалъ сокровеннаго: но тотчасъ оставила сіе предложеніе; благороднѣе сего мнѣніе внушило мнѣ содержать священно тайну Г. Макартнея; я даже рѣшилась избѣгать всякаго объясненія, развѣ къ оному принудитъ меня особливой какой случай. Милордъ Орвиль направилъ шаги свои къ дому: прежде нежели въ оной войти, оборотился я еще на мою сторону; но увидѣвъ, что слѣдую за нимъ глазами, онъ затворилъ дверь, и я уже болѣе его не видала.

Признайтесь, любезный мой государь, что я находилась въ весьма непріятномъ положеніи, бывъ подозрѣваемою Милордомъ Орвилемъ въ тайныхъ умыслахъ! мысль сія разрывала мое сердце. Я не была въ духѣ дожидаться Г. Макартнея, и также мало была расположена остаться въ томъ положеніи, такъ сказать, въ глазахъ Лорда. Такъ надлежало помышлять о возвращеніи, и для того шла весьма тихо вдоль аллеи. Я думаю, что Милордъ Орвиль видѣлъ приходъ мой изъ оконъ залы; онъ подбѣжавъ ко мнѣ, подалъ руку и навѣдывался, не занемогла ли я?

Я отвѣчала, что *нѣтъ*, выговоря оное со всевозможною по тогдашнему положенію твер-

достію; не упустила также, чтобЪ не почувствовать его ко мнѢ уваженіе, котораго не надѢялась. „Но по крайней мѢрѢ вы примете мою руку; — такЪ, государыня, вы не можете онаго избавиться; — я буду имѢть честь васЪ проводить. БезЪ дальныхЪ церемоній взялЪ мою руку, скажу, почти насильно. Я была вЪ великомЪ изумленіи и не привыкла кЪ таковымЪ уже важнымЪ поступкамЪ Милорда Орвиля, чтобы ему противиться; и такЪ мы возвратились вмѢстѢ домой. ОнЪ настоялЪ вЪ томЪ, чтобы я выпила стаканЪ воды, но за то отблагодарила, и увѢряла, что совершенно здорова.

Я рѢшилась не перемѢнять принятаго мною на канунѢ намѢренія, и такЪ уже меня болѢе не безпокоилЪ Г. Макартней; но равно мнѢ нужно было оправдаться вЪ мнѢніи Милорда Орвиля, а молчаніе и видЪ его задумчивой меня тревожили.

Положеніе мое часЪ отчасу становилось несноснѢе; я разсудила, что инаго средства не оставалось, какЪ итти вЪ свою комнату и пробыть вЪ оной до самаго завтрака; ибо страшилась, что пребывЪ долѢе сЪ ЛордомЪ, не подала бы случая дѢлать мнѢ вопросы, а такое предускореніе казалось мнѢ весьма не кстатѢ.

Какъ я уже приближилась къ дверямъ, онъ подошедъ ко мнѣ, спрашивалъ, не намѣреваюсь ли я отходить? Я отвѣчала, такъ, а между тѣмъ все стояла. „Можетъ быть, „возразилъ онъ, для возвращенія въ „ .... но, извините! не мудрено мнѣ было догадаться о послѣдующемъ; видъ смѣшанной Орвилевъ довольно доказывалъ, что это было *садъ*; а чтобы вывесть его изъ сумнѣнія, я сказала, что иду въ свою комнату. Я бы и въ самомъ дѣлѣ пошла, ежели бы Лордъ меня не удержалъ; отвѣтъ мой удостовѣривъ его, что поняла, къ чему клонилась рѣчь его, и страшась того, что оное мнѣ непріятно, старался исправить то, что въ ней было досадительнаго, сказалъ мнѣ съ принужденною улыбкою: „Не знаю, какой противоборной духъ во мнѣ сего утра дѣйствуетъ; что ни дѣлаю и ни говорю, все несходно съ разсудкомъ, и едва осмѣливаюсь, государыня моя, испросить прощенія. — Просить прощенія, Милордъ! въ правду ли вы это говорите? — Можете ли въ томъ сумнѣваться? Но ежели позволено мнѣ быть самому надъ собою судьею, то я читаю въ глазахъ Мисъ Анвили, что она мнѣ прощаетъ.— Я васъ не разумѣю, Милордъ; во всякомъ прощеніи должно сперва полагать обиду, а я отъ васъ никакой не получала. — Вы

есть примѣръ сущей благости; но я не меньше сего надѣялся отъ незлобія, всякое сравненіе превышающее; не назовете ли вы меня докучателемъ, ежели я воспользовавшись благосклоннымъ вашимъ расположеніемъ напомнить вамъ хочу еще разъ о обѣщаніи, коимъ вчера меня удостоили.

Никакъ, я даже рада буду исполнить долгъ, которымъ себя предъ вами обязанною почитаю. —

„Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны, государыня моя: а только касается до удовольствованія моего любопытства, которое, признаюсь, жестоко возбуждено. — Мы взяли кресла, и послѣ весьма короткаго молчанія, собравъ всѣ свои силы, продолжала въ сихъ израженіяхъ:

„Вы подумаете, можетъ быть, Милордъ, „что я вѣтреная и своенравная дѣвица, „ежели признаюсь, что имѣю причину сожалѣть о данномъ вамъ обѣщаніи; я должна даже васъ просить не поставить въ „худо, ежели въ точности онаго не исполню. — Я наложила на себя долгъ, не разсудивъ, во что себя подвергаю.„

Лордъ пребывалъ въ глубокомъ молчаніи, слушая меня съ превеликимъ вниманіемъ; и такъ я продолжала: „Ежели бы вы „могли знать, Милордъ, обстоятельства

„моей связи съ Г. Макартнеемъ, я „увѣрена, что вы бы и сами одобрили „мою скромность. Сей незнакомой есть „хорошей фамиліи, и находился въ нещастіи; „вотъ все, что могу о немъ сказать; однако „же ежели бы онъ зналъ, что вы принимаете „участіе въ его дѣлахъ, не думаю, чтобы „онъ отъ васъ потаилъ оное. Согласны „ли вы, чтобы я о томъ ему поговорила? — „Никакъ, дѣла его меня ни мало не безпокоятъ; я менѣе всего любопытенъ оныя „узнать. Можете ли себѣ вообразить, государыня моя, что я беру участіе въ „дѣлахъ такого человѣка, котораго со„всѣмъ не знаю?„

Видъ холодной и важной, съ коимъ онъ мнѣ сдѣлалъ сей вопросъ, нѣсколько меня ниспровергъ; но онъ смягчилъ обыкновенною своею нѣжностію все, что въ ономъ могло быть непріятнаго: „я не полагаю чрезъ „то, продолжалъ онъ, говорить совсѣмъ без„пристрастно о такомъ человѣкѣ, которой имѣетъ честь быть вашимъ другомъ; напротивъ того, сіе одно только внушить уже можетъ во мнѣ къ нему истинное доброжелательство. Однако же вы признаетесь, государыня моя, что имѣю причину къ удивленію, ибо въ самое то время, когда ласкался пользоваться вашею довѣренностію,

вы оной меня лишаете. Но не менѣе того почитаю ваши причины, и слѣпо оным повинуюсь.

Чуть-было не рѣшилась я открыть Лорду все, что онъ желалъ узнать; однако же рада, что отъ того удержалась; ибо, кромѣ настоящей вины, которою бы должна себя упрекать, онъ бы конечно не пропустилъ порицать меня за мою неосновательность. Размышленіе сіе рѣшило мой отвѣтъ: „разсудите сами, говорила я ему; обѣщаніе „мною вамъ данное, хотя и по волѣ, но неосновательно и безъ размышленія; однако же „ежели бы то одной меня касалось, ни „минуты бы не подумала оное исполнить; „но незнакомой, котораго бы надлежало объявить тайны... — „Извините, государыня „моя, ежели прерву вашу рѣчь; позвольте „себя увѣрить, что дѣла незнакомаго только тѣмъ возбуждаютъ мое любопытство, „что имѣютъ сношеніе со вчерашнимъ „утреннимъ происхожденіемъ.„ — Онъ остановился, но довольно было сего сказать, я думаю. — Ежели только это, возразила я, то вы будете удовольствованы; Г. Макартнею надлежало со мною говорить, — а я не осмѣлилась сюда его впустить. А для чего нѣтъ? Гжа. Бомонъ развѣ бы не...? Я боялась во зло употребить ея снисхожде-

ніе, и обѣщала Г. Макартнею вторичное свиданіе, также не одумавшись, какъ по томъ обѣщала сообщить вамъ его тайны. Но было ли сіе свиданіе? Нѣтъ, Милордъ; я прежде возвратилась, нежели онъ пришелъ."

Мы глядѣли другъ на друга, не говоря ни слова; но такъ какъ я хотѣла предупредить размышленія, кои бы мнѣ обратились во вредъ, за тѣмъ возразила смѣло: Никогда молодая особа болѣе меня не имѣла надобности въ совѣтѣ своихъ друзей; я еще нова въ свѣтѣ и мало привычна дѣйствовать сама собою; намѣренія мои не худыя, однако же дѣлаю проступки всякую минуту. До сихъ поръ я пользовалась щастіемъ имѣть другомъ человѣка весьма въ состояніи располагать и дѣйствовать мною; а нынѣ онъ отъ меня удаленъ, и не могу прибѣгнуть къ нему въ такихъ случаяхъ, въ коихъ бы совѣты его мнѣ нужны были, а здѣсь я не имѣю такого человѣка. — Да будетъ угодно Богу, вскричалъ Орвиль самимъ умилительнымъ голосомъ и видомъ, въ коемъ ни малаго знака холодности не находилось, благоволи, Боже! быть мнѣ въ состояніи замѣнить достойно друга Мисъ Анвили! Вы мнѣ слишкомъ много чести дѣ-

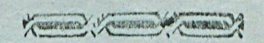
лаете, Милордъ, однако же надѣюсь, что снисхожденіе ваше проститъ мнѣ мои малыя преступленія, въ разсужденіи моей неопытности. Могу ли я тѣмъ ласкаться? Ахъ! можете ли вы въ томъ сумнѣваться! Могу ли теперь я самъ надѣяться, что вы забудете, съ какимъ непріятнымъ видомъ согласился я на ваши причины? Позволено ли мнѣ утвердить миръ между нами? (Между тѣмъ прижалъ руку мою къ своимъ губамъ) такъ, возразилъ онъ, я считаю оной заключеннымъ, и теперь мы лучшіе друзья въ свѣтѣ.

Я только что успѣла отнять руку, отворилась дверь, и дамы вошли для завтрака.

Я во весь сей день была сама щастливѣйшая. — Помириться съ Милордомъ Орвилемъ, и послѣдовавъ твердо намѣренію своему, — могла ли болѣе сего ожидать? Лордъ также былъ весьма веселъ; онъ удвоилъ стараніе и вѣжливость свою ко мнѣ, однако же не желала бы я, чтобы произшествіе сіе опять началось: сколько страхъ подать ему о себѣ худое мнѣніе меня терзалъ!

Но что подумаетъ бѣдной Г. Макартней? Среди радости я сожалѣю, что была принуждена не сдержать своего слова.

Прощайте, любезный мой государь!

ПИСЬМО LII.

Отъ Г. Виллорса къ Евелинѣ.

Удаленъ будучи отъ суетъ мірскихъ, нечувствителенъ къ забавамъ и трудностямъ онаго, давно уже инаго удовольствія и заботы не имѣю, какъ только касающіяся до моей Евелины, — которая есть источникомъ всего моего щастія на земли. И такъ весьма странно, что письмо, въ коемъ увѣдомляетъ она меня, что *находится самою щастливѣйшею дѣвицею*, приводитъ меня въ смертельное смятеніе. Ахъ! любезное мое дитя, какъ возможно, чтобъ перьвой, самой драгоцѣнной даръ отъ неба, невинность, столь подвержена была ослѣпленію въ тѣхъ опасностяхъ, въ которыхъ находиться, столь легко обманывается, и столь мало въ силахъ защищаться! возможно ли, что мы живемъ въ такомъ свѣтѣ, въ коемъ она столь мало вѣдома, столь мало уважена, и столь часто находится жертвою предательства!

Для чего ты не здѣсь находишся? — Я бы могъ подробно разсуждать съ тобою о дѣлѣ съ лишкомъ нѣжномъ для начертанія въ письмѣ, однако же оное столь же

притомъ не меньше и важно, а состояніе, въ которомъ находишся, весьма опасно, потому и не терпитъ замедленіе. — Такъ, моя Евелина, не страшусь тебѣ онаго сказать, ты находишся въ состояніи самомъ критическомъ; дѣло касается до спокойствія твоей жизни, и все твое счастіе можетъ зависѣть отъ настоящаго положенія.

До сихъ поръ я удерживался къ тебѣ писать о такомъ предметѣ, котораго важность однако же отъ меня не скрылась; я разумѣю, въ какомъ положеніи твое сердце. Ахъ, не было нужды тебѣ меня о томъ увѣдомлять; я ясно оное видѣлъ, не смотря на молчаніе, кое сохранялъ. Я примѣтилъ уже давно и съ сожалѣніемъ, какую силу имѣетъ надъ тобою Милордъ Орвиль. Ты удивишся, услышавъ меня произносящаго его имя; удивленіе твое еще болѣе умножится по прочтеніи каждой строки: я сожалѣю о томъ; и хотя весьма мнѣ прискорбно наносить неудовольствіе любезной моей Евелинѣ, но не во власти моей больше отъ того ее избавить.

Первое свиданіе съ Милордомъ Орвилемъ долженствовало быть рѣшительное. Человѣкъ, каковымъ ты мнѣ его описываешь, не могъ преминуть чтобъ не возбудить твоего почтенія, и дѣйствіе онаго тѣмъ становилось опаснѣе, что Лордъ кажется мнѣ

столько же сумнѣвается о своей надъ тобою власти, сколько ты сама сумнѣваешся о своей слабости; отъ сего происходитъ безопасность, на которой ты основываешся, отъ того и сія благосклонность, съ коею ты отзываешся объ Орвилѣ.

Въ твои лѣта, любезная моя, и съ твоею живостію, не радѣютъ часто о предосторожности, не разсуждаютъ о слѣдствіяхъ; тогда то мысль заблуждается, и голосъ разсудка не довольно силенъ къ удержанію въ предѣлахъ. Вотъ твое положеніе, моя Евелина; разсмотри пожалуй поспѣшное намѣреніе, коему слѣдовала; ты увидѣла Милорда Орвиля на балѣ, и онъ тебѣ показался самымъ любезнѣйшимъ человѣкомъ; встрѣтила его въ другой разъ, и кажется *преисполненной всѣхъ добродѣтелей*. Не для того, чтобы я желалъ охуждать достоинство Милорда Орвиля; напротивъ того, выключая одно только обстоятельство, которое еще осталось узнать, я думаю, что ты по справедливости взяла хорошее о его сложеніи мнѣніе: только я примѣчу, что ни время, ни точное понятіе о добрыхъ его качествахъ пріобрѣли ему отъ тебя почтеніе; умоначертаніе твое ни малаго не взяло терпѣнія къ содѣланію въ томъ пробы, и это было въ перьвомъ дѣйствіи

его стремленія, что оно представило тебѣ его съ такими совершенствами, съ такими превосходными качествами, кои только моглибъ открыться въ продолженіи времяни и въ весьма короткой связи.

Ты себя обольстила, считая, что предубѣжденіе твое было основано на почтеніи достоинства вообще, на основаніи праводушія: сердце твое отдано было, прежде нежели и ты усумнилась о его опасности.

Я сто разъ побуждался дать тебѣ чувствовать опасность, коей ты подвергалась; но надѣялся всегда, что самая таже неопытность, которая подала поводъ къ твоей ошибкѣ, принесетъ также поправленіе съ помощію времяни и отсутствія: я мешкалъ выводить тебя изъ заблужденія, ибо надѣялся, что оно будетъ способствовать къ твоему успокоенію, и для того что оставлялъ тебя въ невѣденіи о силѣ и опасности твоей привязанности, я можетъ быть чрезъ то предупреждалъ сію робость, которая въ глазахъ младости дѣлаетъ всякую жертву невозможною, хотя малая трудность въ ней покажется.

Такова была до сихъ поръ надежда, коею я льстился; но такъ какъ ты нынѣ опять свидѣлась съ Милордомъ Орвилемъ, какъ теперь болѣе къ нему привязана, нежели

когда либо, за тѣмъ мнѣ уже не позволены ни лесть ни молчаніе. Разкрой же глаза, дитя мое, и узришь страхи, тебя окружающія; старайся избавиться тѣхъ бѣдствій, которыя тебѣ угрожаютъ, — бѣдствій, каковыхъ сердце подобно твоему конечно страшиться должно, ибо оныя пріуготовляютъ угрызенія жестокія и начальное раскаяніе. Здѣлай себѣ насиліе для возвращенія своего покоя, которой, какъ я слишкомъ чувствую, ахъ! основанъ на одномъ присутствіи Милорда Орвиля. Насиліе сіе будетъ трудно; но повѣрь моей основательности, оное неизбѣжно.

Надобно оставить Лорда! — Присутствіе его для тебя есть гибельно, а обхожденіе съ нимъ гробомъ будущаго твоего спокойствія. — Трудно для меня, любезная моя Евелина, изрещи тебѣ грозное сіе рѣшеніе; но неотмѣнно предвижу въ томъ надобность, и ни на минуту не могу оное раздумать.

Ежели бы мы могли основываться на образѣ мыслей Милорда Орвиля, естьли бы мы могли вѣрить, что отдавая справедливость твоимъ добродѣтелямъ, онъ имѣлъ бы довольно великую душу къ соотвѣтствованію чувствіямъ, кои онъ тебѣ внушилъ, тогда бы ни на минуту не отвращалъ моей Евелины отъ

обращенія съ такимъ человѣкомъ, котораго она почитаетъ съ удивленіемъ; но мы живемъ не въ такомъ свѣтѣ, чтобъ на одни полагаться поверхности, и такъ лучше предупредить благоразумной поступокъ, нежели по томъ раскаяваться. Ты мнѣ пишешь, что здравіе твое гораздо поправилось, я очень оному радуюсь, а тѣмъ менѣе будешь имѣть препятствія къ оставленію Бристоля. — Согласна ли ты на то? Намѣреніе мое не есть, чтобъ спѣшить твоимъ отъѣздомъ; нѣсколько дней спустя по полученіи сего письма, вотъ все, что я требую. Я напишу къ Гжѣ. Селвинѣ, и дамъ ей знать, сколько желаю вашего возвращенія. Гжа. Клинтонъ будетъ сопровождать васъ въ дорогѣ.

Я весьма долго не могъ рѣшиться требовать отъ васъ сего снисхожденія; безъ сомнѣнія вы на оное согласитесь съ трудомъ, и я бы желалъ найти способъ согласить вмѣстѣ благополучіе и вкусъ вашъ; но произведеніе сіе мнѣ показалось невозможнымъ, и долженъ былъ принять надежнѣйшій способъ: время покажетъ, самое ли оное дѣйствительное; осмѣлимся по крайней мѣрѣ оное уповать.

Добрыя вѣсти, касающіяся до Г. Макартнея, принесли мнѣ великое удовольствіе. Про-

щай любезное дитя; да сохранитъ тебя Богъ и укрѣпитъ!

Артуръ Вилларсъ.

ПИСЬМО LIII.

Отъ Евелины къ Г. Вилларсу.

Я еще провела два дни во всякомъ благополучіи, послѣ послѣдняго моего письма; но слишкомъ обыкновенно, почему и не заслуживаютъ включены быть въ порядокъ ежедневной моей записки.

Сей день былъ не такъ спокоенъ, и находясь по утру въ гостиной комнатѣ, какъ вдругъ нечаянно вошелъ въ оную Милордъ Мертонъ; онъ надѣялся найти въ оной свою невѣсту, и даже начиналъ съ нею разговоръ; но увидѣвъ, что я одна, весьма поспѣшно обратился ко мнѣ, спросивъ, куда всѣ пошли? Я отвѣчала очень сухо, что не знаю. Тогда затворивъ дверь, онъ подошелъ ко мнѣ съ видомъ и вѣжливостію совсѣмъ отмѣнною отъ обыкновеннаго его обращенія, и сказалъ: какъ я доволенъ, прекрасное мое дитя, имѣть случай наконецъ говорить съ вами безъ свидѣтелей! я онаго случая давно старался получить; но можно

сказать, что какъ заговоръ былъ здѣланъ противъ меня, и мнѣ не оставили минуты свободной переговорить съ вами. Умноживъ сію дерзость, схватилъ мою руку. Послѣ всѣхъ презрѣній, полученныхъ мною отъ сего человѣка, весьма свойственно было мнѣ имъ сказанному удивляться. Я глядѣла на него быстро, не удостоивъ его отвѣтомъ. Ежелибъ вы не такъ жестокеньки были, продолжалъ онъ, вы бы могли мнѣ помочь къ снисканію случая съ вами скорѣе видѣться: вы не безъизвѣстны, какъ за мною здѣсь присматриваютъ; Лади Луиза не выпускаетъ меня изъ глазъ, и даетъ мнѣ изрядное предвѣщаніе о веселіяхъ домашнихъ; но къ щастію, оное не долго продолжится.

Я негодовала на него за сей гнусной нескладъ, и старалась какъ возможно скорѣе прервать разговоръ. Гжа. Бомонъ, которая въ то время вошла, вывела меня изъ сей суеты, а Милордъ Мертонъ ни мало не пришедъ въ смятеніе, оборотясь къ ней закричалъ: *доброе утро, государыня моя! гдѣ Лади Луиза? Вы видите, что я безъ нее не могу ни минуты прожить.* Не можно далѣе простирать дерзость, и какъ меня увѣряютъ, то большая часть знатныхъ людей такимъ образомъ воспитаны.

У насъ къ обѣду гостей было весьма много. Вечеръ былъ прекрасной, и предложили прогуляться въ саду.

Милордъ Мертонъ забылся до такой крайности, что опять началъ мнѣ докучать; не смотря на присутствіе той же Лади Луизы, которая до сихъ поръ заставляла его пренебрегать правила самой простой вѣжливости ко мнѣ. Привязывался ко мнѣ одной, всячески старался за мной волочиться, и насильно хотѣлъ взять меня подъ руку, отъ чего я уклонялась, подавая ему знаки довольно выразительныя моего неудовольствія. Милордъ Орвиль смотрѣлъ на насъ важнымъ видомъ, а Лади Луиза бросала взглядъ наполненной гнѣва и презрѣнія.

Я не могла терпѣть видѣть себя подверженною глупостямъ Милорда Мертона, и дабы отъ него избавиться, отговорилась усталостію и возвратилась итти домой. Онъ за мною слѣдовалъ, и удерживая меня за руку, сказалъ, что онъ вытерпѣть не можетъ, чтобъ я его оставила. Я все старалась отъ него избавиться, и просила всемѣрно пощадить меня отъ него. Гжа. Селвинъ повторяла ему обыкновенными своими шутками тотчасъ отъ меня отстать. Гжу. Бомону не менѣе смутило его худое поведеніе, и совѣтовала ему

помышлять о мирѣ съ своею красавицею, и перестать мнѣ докучать. Лади Луиза сказала, что она миръ уже совсѣмъ учинила, ибо она очень рада, что избавилась такого трубіяна; еще продолжала, что она совсѣмъ отъ него отказалась, и дабы его наказать, взяла брата за руку и просила ее сопровождать. Для чего у меня нѣтъ брата, вскричала я, которой бы могъ отмстить за претерпѣнныя мною обиды! Восклицаніе сіе было невольное, дѣйствіе страха, происходящаго отъ состоянія постыднаго, въ которомъ видѣла сего Мертона. Милордъ Орвиль, примѣтивъ оное, оставилъ сестру, спросивъ меня, не желаю ли я здѣлать ему честь принять его въ братья, и не дождавъ моего отвѣта прогналъ Милорда Мертона, представя меня Лади Луизѣ, сказалъ, что онъ будетъ заботиться *о обѣихъ своихъ сестрахъ*; подавъ намъ руки и той и другой, проводилъ насъ домой. Милордъ Мертонъ слишкомъ мало былъ увѣренъ въ своихъ ногахъ, чтобъ противиться нашему удаленію.

Какъ скоро мы вошли, я благодарила Орвиля весьма почтительнымъ поклономъ. Лади Луиза весьма огорчаясь за уваженіе, коимъ почтилъ меня ея братъ, и къ тому же раздосадована обхожденіемъ Милорда

Мертона, кусала губы въ молчаніи, и прохаживаясь гордо по комнатѣ съ видомъ весьма недовольнымъ. Милордъ Орвиль предложилъ ей войти въ гостиную комнату. Нѣтъ, отвѣчала она, я оставляю васъ съ мнимою вашею сестрою; и между тѣмъ пошла на лѣстницу.

Я была въ смятеніи отъ крайней грубости сего удаленія; Орвиль и самъ тѣмъ огорчился; но довольно имѣлъ присутствія разума, совсѣмъ отвратить отъ того разговоръ. Хорошо ли я сдѣлалъ, сказалъ онъ мнѣ, предложивъ вамъ свои услуги, или долженъ себя обвинять въ томъ, что прежде сего не исполнилъ? Милордъ! возразила я съ такимъ волненіемъ духа, коего не властна была удержать, отъ однихъ васъ должна я ожидать вѣжливостей въ семъ домѣ; всѣ со мной обходятся гордо, естьли не презираютъ.

Я сожалѣла потомъ, что не довольно скромно произнесла свои жалобы, ибо въ то время оныя казалось, будто прямо до Лади Луизы касались, и точно въ томъ смыслѣ Милордъ Орвиль ихъ принялъ. О Боже! вскричалъ онъ, возможно ли не воздавать тихости и достоинству вашему все почтеніе, и удивленіе имъ должныя! Я не могу, не смѣю изъявить, до которыхъ поръ прости-

раетcя мое негодованіе. — Я вЪ отчаяніи, МилордЪ, что оному причиною; но мнѣ нужна защита, и до сихЪ порЪ я не привыкла сносить уничиженіе. Любезная МисЪ Анвиль, позвольте мнѣ быть вашимЪ другомЪ; примите меня вЪ братья, и вЪ семЪ достоинствѣ чтобы я имѣлЪ право предлагать вамЪ мои услуги: во всѣхЪ случаяхЪ я буду гордиться, подавая вамЪ знаки моего уваженія и почтенія.

Собраніе возвратилось прежде, нежели я имѣла время на то отвѣчать. ТакЪ какЪ я не желала увидѣть Милорда Мертона, то и намѣревалась уйти вЪ свою комнату. МилордЪ Орвиль отгадавЪ мое намѣреніе, спросилЪ меня, не ухожу ли я? Думаю, отвѣчала я, что лучше всего здѣлаю. Ежели я долженЪ вамЪ говорить какЪ *братЪ*, возразилЪ онЪ, то думаю, что вы справедливо разсуждаете; но примѣтьте по крайней мѣрѣ, что вы можете ко мнѣ имѣть довѣренность, ибо совѣтую вамЪ противЪ собственной своей пользы.

По томЪ вышла, чтобы кЪ вамЪ писать, государь мой. Мнѣ бы чрезвычайно были досадны грубости сего Мертона, естьли бы оныя не послужили кЪ подтвержденію почтенія моего кЪ Милорду Орвилю.

ПИСЬМО LIV.

Продолженіе письма Евелины.

Я имѣю донесть вамъ, государь мой, странное произшествіе, которое открываетъ пространное изъясненіе къ нашему мнѣнію.

Мы вчера ввечеру были въ собраніи. Милордъ Орвиль открывалъ балъ; онъ танцовалъ минуетъ съ молодою дѣвицею, которая тѣмъ больше обратила на себя вниманіе, что показалась здѣсь въ первой разъ. Она хороша, осанка пріятная и привлекательная. Лади Луиза любопытствовала узнать, кто она, и ей сказали, что ее называютъ Мисъ Белмонтъ, что она чрезвычайно богата, и вчерашній день пріѣхала къ водамъ. Я весьма удивилась, услышавъ произношеніе сего имяни, но еще болѣе оное умножилось, узнавъ, что сія пріѣзжая была *дочь и единая наслѣдница Сира Жонъ Белмонта*. Вы понимаете, милостивой государь мой, что сіе открытіе долженствовало быть для меня громовымъ ударомъ. Гжа. Селвинъ примѣтивъ мое смятеніе, подошла тотчасъ ко мнѣ, и сказала, чтобы я успокоилась; она постарается узнать сію тайну. До сихъ поръ я не знала, что Гжа. Селвина извѣстна о моихъ дѣлахъ; она мнѣ

призналась сего дня, что очень знала мою мать, также и всѣ наши нещастія. По ея развѣдываніямъ она узнала, что сія дѣвица теперь только возвращается изъ путешествія вмѣстѣ съ Сиромъ Жономъ Белмонтомъ, которой такожде въ Лондонъ возвратился; она живетъ у тетки, называемой Гжа. Петерсонъ, и сказываютъ, что она вскорѣ получитъ богатое наслѣдство.

Не могу вамъ описать, государь мой, чувствіе, отъ сего разговора надо мною произведенное. Что все сіе значитъ? Увѣдомляли ль васъ когда о вторичномъ бракѣ Сира Белмонта? Должна ли я думать, что онъ принялъ за дочь чужую, когда въ тожъ самое время отрекается отъ своего законнаго дитяти? — Не знаю, что думать, и теряюсь въ пропасти размышленій, одно другова страшнѣе.

Гжа. Селвина пробыла болѣе часа со мною въ моей комнатѣ для принятія мѣръ, какія употребить должно въ такомъ обстоятельствѣ. Она совѣтуетъ мнѣ немедленно ѣхать въ Лондонъ, найти тамъ отца, и требовать отъ него объясненія. Я имѣю, говоритъ она, великое сходство съ моею матерію, и Сиръ Белмонтъ не можетъ ни на минуту отложить, чтобъ меня не признать, сколь скоро меня увидитъ.

Между тѣмъ я ни чемъ не рѣшусь, и буду дѣйствовать по вашему опредѣленію.

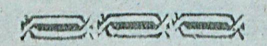
Не увѣдомляю васъ о вчерашнемъ вечерѣ. Я сего дня озабочена однимъ предметомъ, которой занимаетъ все мое помышленіе.

Я просила Гжу. Селвину содержать все сіе въ совершенной тайнѣ; она мнѣ на то дала свое обѣщаніе, и я въ разсудительности ея никакъ не сомнѣваюсь, чтобъ не чувствовала всю важность онаго.

Милордъ Орвиль могъ примѣтить мое смущеніе; по никакъ не поступлю на то, чтобъ ему открыть причину онаго. Щастіе для меня, что онъ не былъ съ нами тогда, какъ намъ то извѣстіе обьявили.

Гжа. Селвина мнѣ сказала, что ежели вы одобрите путешествіе мое въ Лондонъ, она согласна меня туда сопровождать. Я желала бы, чтобы она меня избавила отъ сего предложенія; мнѣ бы гораздо было пріятнѣе исполнить оное подъ предводительствомъ Гжи. Мирваны.

Прощайте, любезной мой государь, я увѣрена, что вы не замедлите ко мнѣ писать. Ожидаю вашихъ писемъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ.

ПИСЬМО LV.

Продолженіе письма Евелины.

Приготовьтесь, любезной мой государь, услышать еще новое приключеніе, которое вамЪ принесетЪ великое удивленіе.

Вчера по утру, по отправленіи очень поспѣшномЪ кЪ вамЪ моего письма, сдѣлали мнѣ предложеніе итти прогуляться кЪ водамЪ. Гжа. СелвинЪ и МилордЪ Орвиль только вЪ семЪ участіи находилися; онЪ мнѣ подалЪ руку вЪ дорогѣ; пріятной его разговорЪ не много убавилЪ мое безпокойствіе и возвратилЪ нечувствительно покой.

Я увидѣла у водЪ Г. Макартнея; два раза прежде ему кланялась, нежели онЪ со мною зачалЪ говорить; а какЪ скоро онЪ кЪ намЪ подошелЪ, я извинялась, что не сдержала слова вЪ послѣднемЪ свиданіи. Я обязана была ему сею вѣжливостію, но желала бы, чтобы МилордЪ Орвиль не былЪ тому свидѣтелемЪ; ибо онЪ на насЪ весьма пристально смотрѣлЪ, и казалось, примѣчаніе его умножалось отЪ каждаго слова мною сказаннаго. Между тѣмЪ слишкомЪ была увѣрена я о своей винѣ предЪ Г. МакартнеемЪ, почему и старалася оное загладить; нѣсколько словЪ сЪ моей стороны были до-

вольны къ нашему примиренію, и онъ казался благодаренъ за средство, мною употребленное къ моему оправданію.

Онъ просилъ меня, чтобы завтра съ нимъ повидаться; но я уже болѣе не была столь неосновательна, дабы подвергнуть себя новымъ заботамъ; и такъ отвѣчала ему чистосердечно, что нынѣ не отъ меня зависитъ принимать его посѣщенія, и дабы онъ не обижался моимъ отказомъ, сказала причину.

Во время сего разговора Милордъ Орвиль глядѣлъ съ нѣкимъ движеніемъ, кое явно показывалось на его лицѣ. Я бы желала съ нимъ о томъ объясниться, но не знала какъ начать; онъ предупредилъ меня, спрося съ принужденною улыбкою: не жалуется ли Г. Макартней на то, что я третьяго дни не сдержала своего слова. — Истинно нѣтъ, отвѣчала я. — Что же вы учинили для примиренія? Вы можете сдѣлать мнѣ въ томъ довѣренность, ибо въ достоинствѣ брата я имѣю преимущество навѣдаться въ томъ, что до васъ касается. — Развѣ такимъ образомъ, Милордъ, но ежели касается до такихъ дѣлъ, кои не стоятъ труда? Нѣтъ нужды! я всегда буду настоять въ своихъ правахъ; даже ихъ опять требую для извиненія вопроса, кото-

рой намѣренъ вамъ сдѣлать. Когда вы считаете опять увидѣться съ Г. Макартнеемъ? Я того не знаю, Милордъ. — Размыслите о томъ хорошенько; я не вытерплю, чтобы *сестра моя* имѣла тайныя свиданія. — Пожалуйте, Милордъ, не употребляйте сего произношенія, оное мнѣ весьма непріятно. — Я не стараюсь навлечь вамъ неудовольствіе; но вы не можете представить, государыня моя, съ какою горячностію принимаю участіе во всемъ томъ, что до васъ касается, и даже во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ.

Разговоръ сей самой странной, которой до сихъ поръ Милордъ Орвиль со мною имѣлъ, окончалъ на сей разъ рѣчь; ибо не имѣла духу оную продолжать.

Г. Макартней опять просилъ меня принять заплату его долга. Въ то время, какъ онъ со мною разговаривалъ, молодая дѣвица, бывшая вчера въ собраніи, прибыла къ намъ со многочисленнымъ обществомъ. Какъ скоро взглянулъ на нее Г. Макартней, то и поблѣднѣлъ, голосъ пропалъ, и не чувствовалъ уже болѣе, что дѣлалъ. Я сама пришла въ смятеніе отъ множества разныхъ мнѣній смѣшанныхъ, которыя представились моему разуму. Отъ чего въ немъ происходитъ, думала я, волненіе столь чрезвычайное? —

Мы скоро возвратились: я распрощалась съ Г. Макартнеемъ, но онъ столь былъ углубленъ въ своихъ размышленіяхъ, что онаго и примѣтить не могъ.

Прежде нежели возвратились въ Клифтонъ, мы сопровождали Гжу. Селвину въ лавку книгопродавца, гдѣ ей надобно было закупать; пока она занималась разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ новостей, Милордъ Орвиль спросилъ меня: до которыхъ поръ я отложила свиданіе съ Г. Макартнеемъ? Не знаю, отвѣчала я, увижу ли я его; но дала бы все въ свѣтѣ, чтобы могла съ нимъ поговорить хотя минуту. Я произнесла сіи слова съ прямымъ чистосердечіемъ, и не примѣчая силы словъ, кои употребляла. *Все на свѣтѣ*! возразилъ Милордъ Орвиль; и это вы мнѣ сказываете! — Я могу то еще повторить всякому, кто захочетъ слышать. Извините, государыня, я ничего не долженъ противорѣчить. — Не судите меня такъ жестоко, Милордъ Я не всегда размышляю о своихъ словахъ, и тѣ, кои теперь произнесла, менѣе бы вамъ удивительны казались, ежели бы вы могли знать жестокую неизвѣстность, въ коей обрѣтаюсь. — А свиданіе съ Г. Макартнеемъ могло бы васъ успокоить? — Двухъ бы словъ довольно было. — Для чего не

могу я удостоиться узнать важность оныхЪ? — О МилордЪ! естьли бы только было сіе препятствіе, оное бы весьма скоро было отвращено; будьте увѣрены, что ежели бы мнѣ возможно было говорить, то бы конечно старалась сЪ удовольствіемЪ предупредить всѣ ваши вопросы; но мнѣ не пристойно открывать тайны Г. Макартнея; вы также сами гораздо правосудны, для истребованія отЪ меня онаго. — Признаюсь, что не знаю, какЪ мнѣ мыслить о всемЪ томЪ; между сего скрытнаго вида находится нѣкое чисто· сердечіе, которое увѣряетЪ и подаетЪ мнѣ надежду, что вы ничѣмЪ не должны себя упрекать. По нѣкоторомЪ молчаніи продолжалЪ онЪ: и такЪ вы говорите, что свиданіе сіе нужно для вашего спокойствія? — Я не говорю того, МилордЪ, но желаю онаго единственно для того, что причины важныя содѣлываютЪ оное нужнымЪ. И такЪ вы увидите Г. Макартнея; — я самЪ буду стараться тому способствовать. МисЪ Анвиль, я увѣренЪ, не можетЪ имѣть иныхЪ желаній, какЪ справедливыя; не буду болѣе оному противиться, положусь на непорочность ея намѣреній; не увѣдомляясь о ея побужденіяхЪ, буду ей повиноваться слѣпо, и стараться ей служить по ея желанію. ПотомЪ онЪ присоединился кЪ Гжѣ. Селвинѣ

въ лавкѣ; благодарность и признаніе мое за нимъ слѣдовали; мы не замѣшкались возвратиться домой.

Какъ скоро отобѣдали, Милордъ Орвиль ушелъ и возвратился около ужина. Самое долговременное его отсутствіе съ тѣхъ поръ, какъ я въ Клифтонѣ; вы не можете себѣ представить, любезной мой государь, сколько я чувствовала, что его не доставало, и сколько тогда примѣтила, что одному ему обязана щастіемъ, коимъ наслаждаюсь въ домѣ Гжи. Бомоны.

Такъ какъ я имѣю привычку всегда послѣдняя сходить, когда идутъ за столъ, то Милордъ Орвиль дождавшись, чтобы я была одна, дабы спросить меня, буду ли сего дня дома? Отвѣчала, думаю, что буду. »Въ такомъ случаѣ желаете ли вы, чтобы »я вамъ привелъ гостя? — Вы, Милордъ? — »Такъ, я познакомился съ Г. Макарт»неемъ, и онъ обѣщалъ притти сего дня »ко мнѣ около трехъ часовъ.„

Какой человѣкъ этотъ Милордъ Орвиль! не признаетесь ли вы, государь мой, что онъ преисполненъ снисхожденія? У насъ были гости сего дня по утру; но Лордъ выбралъ часъ, когда Госпожи заняты туалетомъ, и въ которой гостиная комната пуста бываетъ обыкновенно. Гжа. Бомонъ одна-

ко же еще не пошла одѣваться, какъ увѣдомили о прибытіи Г. Макартнея; Милордъ Орвиль просилъ, чтобы его впустили, и извинялся предъ сею Госпожею въ смѣлости, съ коею онъ поступаетъ.

Г. Макартней вошелъ; онъ чувствовалъ съ нѣкоторымъ смятеніемъ, также какъ и я, къ кому клонилось его посѣщеніе; однако же Милордъ Орвиль принялъ его какъ своего знакомаго, и разговаривалъ съ нимъ съ такимъ видомъ во все время присутствія Гжи. Бомоны, и даже нѣсколько время и послѣ ея отсутствія. Сія тонкость избавила меня отъ смятенія, которое бы воспослѣдовало, ежели бы онъ насъ не мѣшкавъ оставилъ.

Я казалась занятою чтеніемъ, и Милордъ Орвиль выходя подалъ книгу Г. Макартнею, котораго просилъ просмотрѣть оную; онъ продолжалъ, что принужденъ отвѣчать на письмо, которое не терпитъ отсрочки, и обѣщалъ возвратиться немедленно.

Онъ не успѣлъ затворить дверей, какъ Г. Макартней возобновилъ прозьбу свою о принятіи должныхъ имъ мнѣ денегъ. Гораздо важнѣйшіе предметы принудили пропустить предложеніе сіе молчаніемъ. Пожалуйте скажите мнѣ, спросила я его, знако-

ма ли вамъ сія молодая дѣвица, которую мы вчера видѣли у водъ? Знакома ли она мнѣ? ахъ! гораздо довольно! Да къ чему, милостивая государыня моя, вы мнѣ дѣлаете сей вопросъ? Начните, я васъ покорно прошу, государь мой, удовольствованіемъ моего любопытства; кто она такова? — Я было намѣревался содержать оное втайнѣ; но ничего не могу отказать Мисъ Анвилѣ. Сія Госпожа есть дочь Жона Бельмонта, — дочь отца моего! — Праведный Боже! вскричала я облокотясь на его руку. *И такъ вы мой братъ* — хотѣла продолжать, но голосу не достало; возмущеніе духа моего заставило меня проливать слезы. — Государыня моя, что значитъ все сіе? отъ чего происходитъ чрезвычайное сіе волненіе? — Я ему протянула руку вмѣсто всего отвѣту; онъ казался чрезвычайно удивленнымъ, и изъявлялъ свою благодарность за оказываемыя мною къ нему милости.

Выведите, вскричала я ему, отирая свои слезы, выведите себя изъ сего заблужденія! вы имѣете *право* требовать всего того, что я для васъ могу здѣлать; наше состояніе имѣетъ великое сходство!

Тутъ разговоръ нашъ былъ прерванъ Гжею. Сельвиною, и Г. Макартней видя, что не льзя будетъ возобновить опять оной, счелъ за нужное удалиться. Я увѣрена, что онъ разстался съ сожалѣніемъ и въ жестокой неизвѣстности.

Гжа. Сельвинъ вопросами своими узнала отъ меня все происходящее; сія женщина столь проницательна, что не возможно отъ нее ничего утаить! Что вы думаете, государь мой, о семъ приключеніи? Могла ли я вообразить себѣ, что посѣщенія Брангтоновъ, дѣланныя мною съ толикимъ неудовольствіемъ, приближатъ меня къ брату? Не буду уже больше сожалѣть о скучномъ моемъ пребываніи въ Лондонѣ; ибо оное довело меня до открытія, могущаго впредь мнѣ служить источникомъ удовольствія.

P. S. въ самое сіе время, государь мой, получила я ваше письмо: — оное мнѣ раздрало сердце; — такъ! все свершилось, пріятность рушилась; признаюсь что заблуждалась, что постыдно ослѣплялась. Уже давно состояніе сердца моего мнѣ казалось загадкою, кою страшилась изслѣдовать; и въ самое то время, какъ я начинала считать спокойствіе свое твердо основаннымъ, когда надѣялась быть избавлена всѣхъ страховъ, когда льстилась, что позволено мнѣ будетъ

чувствовать и признать свободно почтеніе, кое внушаетъ мнѣ Милордъ Орвиль; въ самое сіе время открываю глаза и познаваю свою винность.

Видъ его для меня злощастенъ, общество его есть для меня гробомъ будущаго моего спокойствія. О Милордъ Орвиль! могла ли я думать, чтобъ дружба столь дорогая моему сердцу, столь утѣшительна въ моемъ нещастіи, со всѣхъ сторонъ мнѣ приносящая столь много чести, послужила только къ возмущенію моего благополучія! Возможно ли, чтобъ моя признательность, которую вы столь справедливо заслужили, здѣлалась пагубною для моего спокойствія?

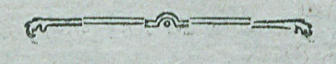
Такъ, подлинно, государь мой, я его оставлю: для чего не могу сей же часъ уѣхать не видавъ его, не подвергая себя новымъ поколебленіямъ, сердцу моему угрожающимъ О Милордъ! вы очень мало помышляете о бѣдствіяхъ, которыхъ вы содѣтель. Вы мало сумнѣваетесь, что въ самое то время, когда уваженія ваши меня возвышали, тѣмъ больше я была сожалѣнія достойна! — что въ самое то время, какъ я превозносилась отличными знаками вашей привязанности, тогда должна была васъ опасаться, какъ моего непріятеля!

Вы понадѣялись, государь мой, на мою неопытность, — а я, увы! полагалась на ваши совѣты. Часто, когда я сумнѣвалась о своей слабости, мнѣніе, что вы онаго не примѣчали, меня успокоивало, ободряло и подкрѣпляло въ моемъ заблужденіи. Не менѣе однакожъ чувствую мою къ вамъ благодарность за намѣренія, кои побуждали васъ сохранять молчаніе. Ахъ! для чего я васъ оставила! за чѣмъ искала я опасности, столь несоразмѣрныя моимъ силамъ! Но оставлю сіе пребываніе, оставлю Милорда Орвиля можетъ быть навсегда! Нужды нѣтъ! совѣты, милости ваши, могутъ возстановить спокойствіе и тишину, кою потеряла своею неосновательностію. Я на васъ на одного полагаюсь, и отъ васъ однихъ надѣюсь получить подкрѣпленіе, которое еще могу ожидать.

Чѣмъ болѣе разсуждаю я о сей разлукѣ, тѣмъ болѣе она мнѣ кажется несносною. Дружба Милорда Орвиля, его вѣжливость, пріятство его обхожденія, стараніе его меня удовольствовать, участіе, кое принимаетъ въ моихъ дѣлахъ, надобно будетъ отъ всего отказаться, все оставить. Онъ не узнаетъ, что оставляю его; не осмѣлюсь подвергнуться опасности съ нимъ про-

ститься, уѣду не видавъ его, и пребывая вѣрна вашимъ совѣтамъ, хочу избѣгать его общества, даже виду его. Завтра по утру пущусь въ путь къ Берри-Гилю. Гжу. Сельвину и Гжу. Бомону только увѣдомлю о своемъ отъѣздѣ. Сего дня пребуду цѣлой день въ своей комнатѣ, послушаніемъ своимъ должна загладить свои погрѣшности.

Можете ли вы, любезнѣйшій и почтеннѣйшій мой государь, увидѣвъ свою Евелину, не упрекать и не сердиться на нее? Ахъ! вы безъ сумнѣнія ожидали лучшихъ плодовъ отъ вашего воспитанія! Но будьте увѣрены по крайней мѣрѣ, что воспитанница ваша признаетъ свою вину и въ оной раскаевается; она страшится предстать предъ глаза своего благодѣтеля, однако же не находитъ себѣ иной подпоры; она еще полагается на вашу благосклонность и помилованіе.

ПИСЬМО LVI.

Продолженіе письма Евелины.

Я только имѣю время, любезной мой государь, написать вамъ два слова, и перемѣнить обѣщаніе, кое содержитъ въ себѣ

утреннее мое письмо. Отъѣздъ мой отсроченъ; Гжа. Сельвина, которую я о томъ увѣдомила, весьма твердо оспорила сіе намѣреніе; она мнѣ сказала, что очень будетъ странно оставить Клифтонъ-Гиль, прежде нежели яснѣе узнаемъ о прибытіи Сира Жона Бельмонта. Она полагаетъ, что я должна ожидать отъ васъ новыхъ наставленій.

Признаюсь, что мнѣніе ея мнѣ показалось неоспоримымъ; я вошла въ ея разсужденія, и надѣюсь, что вы меня въ томъ не похулите, ибо съ сожалѣніемъ соглашаюсь на сію отсрочку. Между тѣмъ я мало буду видѣться съ Милордомъ Орвилемъ; буду убѣгать его разговора и виду; никогда не буду сходить прежде завтрака; откажусь отъ своихъ прогулокъ въ сады, а за столомъ буду выбирать мѣсто возлѣ Гжи. Сельвины; буду дѣлать все то, что отъ меня зависитъ, дабы вести себя основательно, и избавить васъ отъ новыхъ огорченій.

Прощайте, любезной мой государь! приказанія ваши рѣшатъ мой отъѣздъ.

ПИСЬМО LVII.

Продолженіе письма Евелины.

Я крѣпко намѣревалась пробыть въ своей комнатѣ и болѣе не увидѣться опять съ Милордомъ Орвилемъ; но такъ какъ рѣшено, что пребываніе мое въ Клифтонѣ еще продолжиться имѣетъ, то и надлежало перемѣнить намѣреніе. За тѣмъ и не могла обойтиться, дабы не воспріять прежній образъ жизни, и показаться сего дня по утру въ общество. Я пріуготовилась, и сошла въ твердомъ расположеніи избѣгать Лорда, сколько возможно будетъ. Я пребывала во время завтрака, но была все занята вашимъ письмомъ, и присутствіе Милорда Орвиля столько же меня смущало, какъ бы онъ былъ извѣстенъ о всемъ томъ, что вы ко мнѣ писали.

Гжа. Бомонъ поздравила меня съ выздоровленіемъ, ибо я отговорилась нездоровою: Лади Луиза мнѣ ни слова не сказала; но Милордъ Орвиль, которой ничего не знавъ о причинахъ моего отсутствія, навѣдывался отъ меня о моемъ здравіи съ тою вѣжливостію, которою онъ всегда отличается. Я ему отвѣчала весьма коротко, и въ первой разъ старалась сѣсть далѣ отъ него.

Я примѣтила, что уклонность моя весьма его удивила; и всячески старался оную отвратить, но я крѣпко вЪ томЪ настояла; и вмѣсто того, чтобы забавляться чтеніемЪ, или прогулкою, тотчасЪ послѣ завтрака возвратилась вЪ свою комнату.

Гжа. СельвинЪ пришла меня увѣдомить, что МилордЪ Орвиль здѣлалЪ ей предложеніе попользовать меня воздухомЪ, и что онЪ желаетЪ насЪ покатать вЪ фаетонѣ. Лукавой видЪ, сЪ коимЪ она сіе сказала, заставилЪ меня покраснѣть; она продолжала, что прогулка вЪ екипажѣ Милорда Орвиля не можетЪ не принесть мнѣ великой пользы. НѣтЪ способа избавиться проницанія сей женщины; она уже давно шутила на щотЪ Лордовыхъ ко мнѣ стараній, и надЪ удовольствіемЪ, сЪ коимЪ, увы! ихЪ пріемлю. Я отринула вовсе Милордово предложеніе.

Согласіе ваше, возразила она, мнѣ однако же нужно; ибо, правду сказать, у меня есть дѣла требующія присутствія моего у водЪ. Я бы васЪ просила туда меня сопроводить; но какЪ МилордЪ Орвиль получилЪ отказЪ, то я не столь мечтательна, чтобЪ думать могла быть щастливѣе, нежели онЪ. Вы ошибаетесь, государыня моя; ежели касается сЪ одними вами ѣхать, то

я къ вашимъ услугамъ. Какое странное жеманство! истинно оно должно быть врожденно нашему полу; ибо не въ Берри-Тилѣ вы могли оному научиться. Между тѣмъ я одѣвалась, не отвѣчая ни слова. Я считаю по крайней мѣрѣ, продолжала она, что Милордъ Орвиль будетъ съ нами. Въ такомъ случаѣ, государыня моя, вы будете имѣть товарища, а я останусь. И такъ я принуждена буду ему сказать, что вы съ нимъ не хотите ѣхать. Пожалуйте не дѣлайте сего, государыня моя, или позвольте мнѣ съ вами не ѣхать. Я васъ севодни не разумѣю, любезная моя; можно сказать, что вы взяли урокъ отъ Лади Луизы.

Гжа. Сельвинъ оставила меня, и по скоромъ возвращеніи сказала мнѣ, что увѣдомила Милорда Орвиля о несогласіи моемъ ѣхать въ его фаетонѣ, и что для *перемѣны* предпочла оному прогулку съ ней одной.

Я весьма недовольна была сею ея невоздержностію, по тому безъ отвѣта оставила, и рѣшилась сойти. Милордъ Орвиль дожидалъ меня въ низу на крыльцѣ; спросилъ меня смущеннымъ видомъ о состояніи моего здравія, и хотѣлъ-было принять мою руку, но я отворотилась безъ принужденія и вошла въ залу. Я нашла въ оной Гжу.

Бомону и Лади Луизу, которыя разговаривали съ Милордомъ Мертономъ; они помирились, и Лордъ опять вошелъ въ милость.

Я сѣла по обыкновенію у окошка. Милордъ Орвиль не замѣшкался ко мнѣ притти: отъ чего происходитъ, сказалъ онъ мнѣ, что Мисъ Анвиль такъ грустна? Нѣтъ не грустна, Милордъ, лучше сказать одурѣла, и въ самое то время раскрыла книгу, которая близь меня находилась. Поѣдете ли вы сегодня ввечеру въ собраніе? — Нѣтъ, Милордъ, точно нѣтъ. — Такимъ образомъ и я тамъ не буду; гораздо много имѣвъ удовольствія въ послѣдній разъ, могу ли такъ скоро оное изъ мыслей моихъ истребить?

По возвращеніи Гжи. Сельвины все общество согласилось провесть вечеръ въ собраніи, только я одна не была приглашена; Милордъ Орвиль также отказался подъ видомъ нѣкоторыхъ недосуговъ.

Гжа. Сельвинъ была готова ѣхать со мной, но не могла удержаться, чтобъ не пошутить надо мною по обыкновенію. Милордъ Орвиль, громко возразила она, получилъ ли позволеніе насъ проводить? Онъ ей отвѣчалъ, что не осмѣлился онаго и требовать, и наконецъ мы поѣхали и мучила меня во всю дорогу немилосердно. Она мнѣ сказала, что какъ я

отринула принять въ наше сообщество столь любезнаго человѣка, по тому чаятельно и удостовѣрена я, что могу одна наполнять разговоръ въ собраніи, и въ такомъ случаѣ она надѣется, что приложу всякое старание къ произведенію онаго въ дѣйство къ общему удивленію. Я всячески старалась казаться веселою, но безпрестанныя насмѣшки, которыми я была отягчена, заставили меня многократно сожалѣть о согласіи моемъ на сію прогулку.

Мы прямо пріѣхали къ водамъ и вошли въ залу наполненную людьми; какъ скоро въ оную вступила, то и услышала смѣшенной шумъ: *вотъ она!* говорили между собою, и къ великому моему смятенію примѣтила я, что всѣ взоры обращались на меня. Нахнучила шляпу, чтобъ менѣе быть примѣтной; но увидя, что продолжаю быть предметомъ всеобщаго любопытства, просила Гжу. Сельвину поспѣшить нашимъ отъѣздомъ. Она между тѣмъ разговаривала съ однимъ Кавалеромъ ей знакомымъ, и отвѣчала мнѣ: что ежели устала я ее дожидавшись, отъ меня зависитъ возвратиться съ дѣвицами Вашкиными, которыя ѣдутъ закупать товары въ одну модную лавку. Я только по тому знакома съ сими дѣвицами, что видала ихъ нѣсколько разъ у Гжи. Бомоны.

Я приняла предложеніе, и тѣмъ избавилась отъ толпы, но не много успѣла; мы здѣлали только десять шаговъ, какъ увидѣли за нами слѣдовавшую *толпу* молодыхъ людей, которые предвѣщали великихъ невѣждъ; подошедъ, взглянули намъ въ глаза, по томъ удалились, и дѣлали между собою разсужденія сколь глупыя, столь и дерзкія.

Дождь насъ засталъ, а сіи господа старались какъ можно скорѣй подать намъ руки; наибольше же два изъ нихъ отличились своими докучливостями противъ меня, и въ движеніи, здѣланномъ мною для избавленія себя отъ нихъ, я упала по своей оплошности. Въ то время, какъ они помогали мнѣ одинъ передъ другимъ подняться, занимаясь предложеніями своихъ услугъ, вдругъ увидѣла я предъ собою Сира Клемента Виллугбія. Боже мой! вскричалъ онъ съ обыкновенною своею живостію: Мисъ Анвиль! — Надѣюсь, государыня моя, что вы себя не повредили. Я отвѣчала, что нѣтъ. Незнакомыя до сихъ поръ за нами слѣдовавшія удалились, дабы оставить на просторѣ Сира Клемента. Онъ просилъ меня, чтобъ я ему дала руку, и по моемъ въ томъ отказѣ онъ навѣдывался, кто таковы Кавалеры, теперь отъ насъ удалившіеся? Я ему

отвѣчала, что никогда ихъ до сего не видывала. Однакожъ они имѣли преимущество оказать вамъ свои услуги. О! Мисъ Анвиль, ко мнѣ ли одному вы столь жестоки? — Успокойтесь, сіе преимущество, ежели оное такъ назвать можно, было невольно похищенное. — Для чего я прежде сего не пришелъ? Я пріѣхалъ въ Бристолъ сего дня по утру, и только время имѣлъ свѣдать о вашемъ жилищѣ. — Развѣ вы знали, что я находилась здѣсь? — Какъ! будто я властенъ жить и не имѣть о васъ никакого свѣденія! отдайте мнѣ вашу холодность, и я буду спокойнѣе; не буду уже болѣе льститься пустою надеждою, и слонятся изъ города въ городъ, дабы только въ оныхъ обрѣтать отчаяніе. О ежели бы вы могли представить страданіе мое! Но холодность ваша и безпрерывное спокойствіе духа содѣлываютъ васъ неспособною къ чувствованію моего смятенія. — *Спокойствіе духа!* О! для чего онъ несправедливо говоритъ! Но, продолжалъ онъ, ежели бы я и *нечаянно* сюда пріѣхалъ, то немедленно бы свѣдалъ о вашемъ пребываніи; по общимъ слухамъ я бы дошелъ до того свѣденія, что вы здѣсь находитесь. — Какое же сношеніе, пожалуйте скажите, я имѣю съ общими слухами? — Имя ваше, государыня моя, есть

первое, что я услышалъ въ Бристолѣ, но при всемъ томъ и сіе отличіе излишне; ибо описаніе, кое о васъ дѣлаютъ, однимъ вамъ прилично.

Я предъявляла, что ничего не разумѣю въ семъ разговорѣ, и между тѣмъ мы вошли въ лавку, гдѣ дѣвицы Ваткины разсматривали нѣкоторые товары. Сиръ Клементъ продолжалъ свой разговоръ въ любовныхъ разсказахъ: не могу описать радость, кою чувствую, видя васъ въ добромъ здравіи; мнѣ было сказано, что вы нездоровы, но никогда не видывалъ васъ такъ свѣжу и такъ прекрасну. Прибытіе Гжи. Сельвины избавило меня отъ его привязчивости. Она знакома съ Сиромъ Клементомъ, и судя по пріему отъ нее ему здѣланному, онъ довольно пользуется ея благосклонностію. Знаете ли вы, Мисъ, сказала она мнѣ, что вы находитесь въ опасности въ Бристолѣ? Всѣ женщины объявили вамъ войну; все собраніе въ роптаніи, и вы причиною сихъ волненій, не смотря на видъ вашъ невинности. Будьте осторожны, ежели вы моимъ словамъ вѣрить хотите. — Что за причина тому, государыня моя? — Ходятъ стихи по городу, которые читали явно въ моемъ присутствіи; всѣ красавицы

Бристольскія вЪ оныхЪ имянованы; вы названы Венерою, и вамЪ преимущество надЪ всѣми дано. — Не видали ли вы сихЪ стиховЪ? прервалЪ рѣчь СирЪ КлементЪ. — Я даже не знала, государь мой, что они были здѣланы. — Гжа. СельвинЪ сказала, не припишите однакожЪ мнѣ сочиненіе оныхЪ; этой чести я не достойна. — Я списалЪ вЪ записную свою книжку стихи вЪ четырехЪ виршахЪ, вЪ коихЪ упомянута МисЪ Анвиль, и буду имѣть честь ей оныя представить сего же вечера. — Гжа. СелвинЪ, кЪ чему сіе преимущество стиховЪ вЪ четырехЪ виршахЪ, вЪ коихЪ упомянута МисЪ Анвиль? РазвѣЪ вы ее уже знали? — ТакЪ, государыня моя, я часто имѣлЪ честь ее видѣть вЪ домѣ Капитана Мирвана; очень часто! сказалЪ онЪ тихо; и Гжа. СельвинЪ отвернулась для покупки нѣкоторыхЪ вещей, онЪ продолжалЪ: Я имѣю тысячу разныхЪ дѣлЪ вамЪ разсказать, позволено ли мнѣ узнать, гдѣ вы живете? — У Гжи. Селвины — возможно ли это! — и такЪ случай только однажды мнѣ послужилЪ — а давно ли вы тамЪ? — Около трехЪ недѣль. Сколько я имѣлЪ труда васЪ опять найти послѣ скораго вашего изЪ Лондона отъѣзда! АхЪ! МисЪ Анвиль, ежели бы вы представили себѣ мое страда-

ніе, сколько ночей провелъ въ безсонницѣ; ежели бы вы знали сію нещастливую безъизвѣстность, которою безпрестанно терзался: нѣтъ, вы бы не могли никогда, не смотря на всю вашу строгость, принимать меня съ такою холодностію! — Какъ бы я могла васъ иначе принимать, и въ какомъ званіи? — Не для васъ ли однихъ я сюда пріѣхалъ? Путешествіе мое могло ли имѣть иной предметъ, какъ благополучіе съ вами видѣться? — Почему я это знаю, государь мой? столько людей пріѣзжаютъ въ Бристоль. — Жестокая! какъ будто вы не вѣдаете, что я васъ обожаю: вы единая обладательница моего сердца, повелительница моей участи.

Потомъ Гжа. Сельвинъ подошедъ къ намъ, Сиръ Клементъ принялъ обыкновенной свой видъ, спросилъ: будетъ ли онъ имѣть честь видѣть ее въ собраніи? Конечно безъ сумнѣнія, отвѣчала она, мы будемъ, и только отъ васъ зависитъ привезть туда стихи, ежели Мисъ Анвиль можетъ такъ долго вытерпѣть. Онъ просилъ меня потомъ принять его въ товарищи; я его отблагодарила сказавъ, что не думаю ѣхать. Какъ! вскричала Гжа. Сельвинъ, вы не поѣдете въ собраніе? можетъ вамъ надобно письмы писать?

Нѣтъ, государыня моя, ни одного. А для чего же вы хотите дома остаться? Развѣ *помогать*, или *мѣшать* тѣмъ, которые остаются? Я не о томъ стараюсь; и ежели вамъ то угодно, государыня моя, я и не останусь. И такъ надѣюсь имѣть честь съ вами танцовать, возразилъ Сиръ Клементъ. Я ему на то слегка поклонилась; страхъ насмѣшекъ Гжи. Сельвины избавилъ его отказа.

Мы возвратились скоро домой, сопровождаемы будучи Сиръ Клементомъ. Разговоръ его съ Гжею Сельвиною дѣйствительно былъ забавенъ; но я была не въ духѣ веселиться. Во всѣхъ случаяхъ имѣю нещастіе казаться Милорду Орвилю вѣтреною, прихотливою, неосновательною и нетвердою .... Я, правда, убѣгаю его, сколько могу, всячески стараюсь скрыть отъ него свои слабости; но со всѣмъ тѣмъ не въ состояніи вытерпѣть, чтобы онъ взялъ о мнѣ худое мнѣніе: онъ не вѣдаетъ причины, побудившей меня согласиться ѣхать въ собраніе; и такимъ образомъ онъ долженъ удивиться симъ безпрестаннымъ перемѣнамъ.

Милордъ Орвиль былъ первой человѣкъ, коего мы встрѣтили въ саду; онъ казался недоволенъ встрѣчею Сира Клемента, и

примѣтила я, что они оба перемѣнились въ лицѣ.

По возвращеніи нашемъ тѣже особы находились въ залѣ, коихъ тамъ оставили; Гжа. Сельвинъ представила Сира Клемента Гжѣ. Бомонъ; онъ уже былъ знакомъ съ Лади Луизою и Милордомъ Мертономъ. Разговоръ былъ самой простой, о хорошемъ времяни, о пріѣзжихъ, у водъ находящихся, настоящія новости занимали всѣхъ: одинъ Сиръ Клементъ старался вести со мной посторонній разговоръ.

Какое различіе между Милордомъ Орвилемъ и имъ! одинъ отличается тихостію своего поведенія, нѣжностію своихъ поступковъ, почтительнымъ видомъ, которой, между самыхъ лестныхъ разговоровъ, не приводитъ меня въ смущеніе: другой *отягчаетъ* меня *надмѣрною* вѣжливостію; старанія его чрезвычайныя становятся неловкими, и присоединяетъ къ нимъ важность, которая всякому весьма примѣтна. Можно сказать, что явность сія ему нравится; ибо всячески старается отводить вступающихъ со мною въ разговоры.

Какъ скоро онъ поѣхалъ, Милордъ Орвиль подошелъ ко мнѣ съ лукавою улыбкою: Мисъ Анвиль позволитъ ли мнѣ занять мѣсто Сира Клемента? Могу ли я думать... —

Посѣщеніе столь не важное не стоитъ труда, Милордъ, вамъ о томъ и думать. — Извините, государыня моя; все до васъ касающееся для меня важно.

Потомъ онъ мнѣ болѣе уже ничего не говорилъ до тѣхъ поръ, какъ Госпожи пошли одѣваться; тогда онъ просилъ у меня позволенія на одну минуту со мною изъясниться: страшусь, государыня моя, что я имѣлъ нещастіе васъ прогнѣвать; я былъ бы въ отчаяніи, ежели бы могъ въ томъ себя упрекать; ежели того и достоинъ, по крайней мѣрѣ будьте увѣрены, что оное невольно. — Нѣтъ, Милордъ, безъ сумнѣнія вы не заслуживаете никакого упрека — Вы вздыхаете, (взявъ мою руку) могу ли по крайней мѣрѣ раздѣлить вашу печаль, какова бы тому причина ни была! съ какою поспѣшностію старался бы я оной помочь! откройте мнѣ оную, дражайшая Мисъ; вспомните, что вы пріемная моя сестра; скажите мнѣ, пожалуйте, любезной мой другъ, въ состояніи ли я вамъ оказать услуги? — Нѣтъ, Милордъ, я вамъ благодарна. — Какъ! я не могу ни въ чемъ вамъ быть полезнымъ! можетъ быть желаете вы опять увидѣться съ Г. Макартнемъ? Я опять отвѣчала: нѣтъ, Милордъ. — Правду вамъ сказать, не сіе точно прямо меня

безпокоитъ. — Я имѣю сумнѣніе гораздо важнѣе сего; но мнѣ стоитъ много вамъ о томъ говорить, ибо не невозможно, чтобы предугадыванія мои не принесли вамъ неудовольствія. Вы теперь спѣшите; не хочу васъ удерживать; можетъ быть севодни буду имѣть случай изъясниться съ вами подробнѣе: — только позвольте мнѣ сдѣлать одинъ вопросъ: — Знали ли вы сего дня по утру ѣдучи въ Бристоль, съ кѣмъ вы тамъ увидитесь? — Я, Милордъ! — Извините, пожалуйте извините мое любопытство, мою нескромность. Оставимъ мой вопросъ, не будемъ болѣе о томъ говорить.

Дѣйствительно я ушла, и спѣшила притти въ свою комнату. Это Сиръ Виллугбій его безпокоитъ; мнѣ бы легко было опровергнуть сумнѣнія Лордовы, но я положила себѣ законъ избѣгать его, и удаляться сколько возможно отъ него. Я бы желала однако же объявить ему о данномъ согласіи моемъ ѣхать въ собраніе, ибо, казалось, онъ надѣется видѣться со мною въ вечеру.

Я сошла къ самому обѣду, только какъ всѣ уже собрались. Милордъ Орвиль удивился, увидѣвъ меня нарядною, я и сама того стыдилась. Не послышилось ли мнѣ, спросила Гжа. Бомонъ, что Мисъ Анвиль никуда сего

дня не ѣдетъ? — Такъ, отвѣчала Гжа. Сельвинъ, сего дня по утру это было ея намѣреніе; но въ семъ собраніи находится родъ колдовской силы, противъ которой нельзя противиться.

Лордъ Орвиль не могъ удержаться, не оказавъ своего удивленія. Сѣли за столъ; прискорбно мнѣ было оставить старинное свое мѣсто возлѣ Лорда; стараніе, кое я употребляла для избѣжанія онаго, явно привели его въ смятеніе; однако же я твердо то исполнила, и пребыла вѣрна обѣщанію данному вамъ во вчерашнемъ моемъ письмѣ.

Послѣ обѣда мы всѣ вошли въ гостиную комнату, гдѣ мнѣ не возможно было избавиться Милорда Орвиля: и такъ вы въ самомъ дѣлѣ ѣдете въ собраніе? сказалъ онъ мнѣ, и танцовать также будете? Не знаю, Милордъ. — Ежелибы я не опасался, что вамъ скучно будетъ имѣть два раза сряду одного Кавалера, имѣлъ бы честь просить васъ принять меня; письма, кои долженъ я писать, могутъ быть отсрочены до завтра. — Ежели мнѣ необходимо должно будетъ танцовать, то я уже почти и слово дала. — А кому, ежели осмѣлюсь спросить? — Сиру Клементу Виллугбію. Сіе имя заставило его молчать; онъ казался недоволенъ, и не го-

ворилЪ со мною ни слова во все время послѣ обѣда. — АхЪ! государь мой, и я также не вЪ весьма пріятномЪ положеніи была.

СирЪ КлементЪ пріѣхалЪ очень рано для сопровожанія насЪ вЪ собраніе, и какЪ скоро вошелЪ, то и началЪ свои докучливости; сѣлЪ подлѣ меня и не переставалЪ отягчать меня своими глупостями. МилордЪ Орвиль не раскрывалЪ рта, глядѣлЪ на меня скромнымЪ и задумчивымЪ видомЪ, и всякой разЪ потуплялЪ свои глаза, какЪ я свой взорЪ на него обращала. СирЪ КлементЪ вынулЪ изЪ кармана сложенную бумагу, кою онЪ мнѣ подавалЪ, говоря тихимЪ голосомЪ: вотЪ, любезная МисЪ, слабое описаніе той, которую я обожаю; вы найдете сіи стихи гораздо недостойнѣе предмета; но каковы они ни есть, я завидую тому щастливому смертному, которой дерзнулЪ сдѣлать сію попытку. Мы то разсмотримЪ, отвѣчала я вЪ другой разЪ. Я опасалась, чтобЪ МилордЪ Орвиль не примѣтилЪ того, что принимаю отЪ Сира Клемента бумагу, поданную сЪ таковою предосторожностію. Но этотЪ СирЪ КлементЪ не такой человѣкЪ, сЪ которымЪ бы можно легко было сладить, и лишь только предприметЪ какое намѣреніе, то уже и никакЪ не можетЪ онаго отвергнуть. НѣтЪ, продолжалЪ онЪ, спрячте

сію бумагу какъ можно скорѣе, пока Лади Луиза не вошла, (она вышла въ то время съ Гжею. Сельвиною) и пуще всего старайтесь, чтобъ она о томъ не свѣдала. Я увѣряла его; что не имѣла намѣренія показывать ей сихъ стиховъ. Вы лучше всего сдѣлаете, государыня моя, принять оныя тотчасъ. Я бы весьма желалъ ихъ вслухъ прочесть; но вы признаетесь, что они здѣсь никому не должны быть извѣстны, кромѣ васъ и Гжи. Сельвины.

И такъ примѣтивъ, что отказъ мой былъ бы безполезенъ, я и приняла стихи. Бумага, поданная съ нѣкоторою предосторожностію, разговоръ нашъ происходящій почти шептомъ, подавали поводъ къ примѣчаніямъ.

Сиръ Клементъ просилъ меня прочесть стихи въ четырехъ виршахъ, и продолжалъ, что онъ для того не смѣлъ оныя явно читать, что Лади Луиза въ оныхъ тронута. Сіе приключеніе меня безпокоитъ, и я подвергаю себя сердцу съ стороны сей Госпожи, ежели стихи сіи когда либо ей будутъ извѣстны. Я посылаю вамъ копію съ оныхъ, любезной мой государь; это такая излишняя похвала приписываемыхъ мнѣ совершенствъ, что былъ бы видъ тщеславія пре-

возноситься тѣмъ, чего, какъ я думаю, не заслуживаю.

Я еще не успѣла спрятать сіе прекрасное сочиненіе стиховъ, какъ сіи Госпожи уже возвратились. Гжа. Сельвинъ имѣла любопытство спросить меня, что держу въ рукахъ? Я отвѣчала, что *ничего*, и какъ возможно скорѣе оное положила въ карманъ. — Ничего, возразила она, и *ничто* заставляетъ васъ краснѣть. Я не знала, что отвѣчать: между тѣмъ вздохъ Милордомъ Орвилемъ испущенной произвелъ во мнѣ такое впечатлѣніе, коего не имѣю духу вамъ описать.

Милордъ Мертонъ подалъ руку Лади Луизѣ, и онѣ сѣли въ карету съ Гжею. Бомоною. Гжа. Сельвинъ сѣла въ карету Сира Клемента, и я принуждена была ей послѣдовать.

Я во всю дорогу ни слова не говорила: но не успѣли пріѣхать въ собраніе, какъ Сиръ Клементъ нашелъ способъ къ прерванію моего молчанія. Онъ тотчасъ просилъ меня танцовать; я въ томъ извинилась, прося его искать другую даму; онъ отъ того отговорился, увѣряя, что весьма доволенъ остаться со мной спокойнымъ, ибо дѣравно множество дѣлъ, кой о чемъ со мной поговорить имѣетъ. По томъ онъ началъ раз-

сказывать всѣ страданія о моемъ отсутствіи, безпокойствіи его о моемъ отъѣздѣ изъ Лондона, несказанныя трудности, кои имѣлъ найти меня; удовольствіе, котораго не могъ иначе получить, какъ жертвуя еще недѣлею Капитану Мирвану.

Говардъ - Гровъ, продолжалъ онъ, которой казался ему земнымъ раемъ, обратился въ печальное пребываніе; околичности онаго казались ему иными; прогулки, кои находилъ столь пріятными, уже для него не имѣли никакого дѣйствія: Лади Говардъ, которую считалъ почтенною старухою веселаго нрава, становилась теперь по обыкновенію женщинъ въ ея лѣты; Гжа. Мирвана, которая казалась ему довольно сносною, становилась столь скучною, что съ трудомъ могъ вытерпѣть, чтобъ не засыпать въ ея бесѣдѣ; а дочь ея, которую считалъ довольно пріятною и обходительною, была уже не въ состояніи внушить ему ни малаго уваженія; наконецъ Капитанъ, коего всегда почиталъ грубымъ, представлялся уже глазамъ его дикимъ человѣкомъ. —

Ахъ! государь мой, возразила я, какъ вы поносите лучшихъ моихъ друзей! — Извините, государыня моя; но претительность сихъ посѣщеній весьма явственна была. По томъ спросилъ мое мнѣніе о сочинителѣ

сихъ стиховъ. Это такой человѣкъ, говорила я, которой желаетъ надо мною шутку вести, или можетъ быть самъ безумной. Я надѣялся, сказалъ онъ, что авторъ окажется самъ по глазамъ своимъ; но сіе средство съ вами невѣрное, государыня моя; ибо вы равно всѣ взоры на себя обращаете. Безъ сумнѣнія вы узнать можете сочинителя сихъ стиховъ. Я повторяла ему, что ничего о томъ не знаю. Между нами сказано однакожъ, любезной мой государь, сумнѣніе мое клонится на Г. Макартнея; онъ одинъ въ состояніи говорить о мнѣ съ таковымъ предубѣжденіемъ; къ томужъ мнѣ кажется я узнала слогъ его. Сиръ Клементъ еще мнѣ дѣлалъ тысячу вопросовъ касающихся до Милорда Орвиля, съ котораго времяни онъ въ Бристолѣ? — Давно ли я живу въ Клифтонѣ? — Выѣзжаетъ ли Лордъ по утрамъ въ колясочкѣ? Имѣла ли я когда столько бодрости, чтобъ прогуливаться въ такомъ экипажѣ? Сіи вопросы произносимы были съ смѣлостію и дерзостію свойственными Сиру Клементу.

Мнѣ уже балъ наскучилъ, и я ожидала съ нетерпѣніемъ того часа, въ которой можно будетъ изъ онаго уѣхать: по щастію Лади Луиза предупредила мое желаніе; она обыкновенно старается уѣзжать изъ собра-

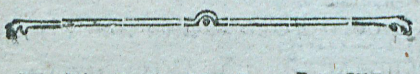
нія первая, и мы изъ онаго возвратились довольно рано. Милордъ Орвиль принялъ насъ съ отмѣнною холодностію: ни мало не оказывалъ того лестнаго уваженія, которымъ я столь превозносилась; ни малаго знака даже самой простой вѣжливости: сама Лади Луиза не могла меня принять равнодушнѣе сего. Сиръ Клементъ остался ужинать, и сѣлъ подлѣ меня, и Милордъ Орвиль не старался ни мало отъ того его отвратить; до сихъ поръ по крайней мѣрѣ онъ всегда искалъ быть моимъ сосѣдомъ за столомъ. Сіе произшествіе меня весьма тронуло; однако же я старалась быть онымъ *довольною*; забвеніе и холодность, вотъ чего я должна требовать для своего спокойствія. Но, ахъ! — такимъ образомъ лишиться его почтенія! — вдругъ потерять его привязанность! Сія мысль пронзила мое сердце; не знала, въ какомъ положеніи остаться, и не смотря на все усиліе не могла удержать моихъ слезъ. Лордъ Орвиль онаго не примѣтилъ, и я успѣла ободриться, чтобъ пробыть въ духѣ до конца ужина. Послѣ онаго я ушла въ свою комнату, не осмѣлившись подвергнуть себя опасности взглянуть на Лорда.

Я провела ночь въ писаніи къ вамъ; сонъ отъ меня убѣгалъ, почему и не помы-

шляла спать ложиться. Скажите мнѣ, любезной мой государь, возможно ли, чтобы вы одобряли мое поведеніе, — чтобы вы возбуждали меня къ перемѣнѣ, — что я имѣю причину убѣгать Милорда Орвиля и стараться избѣгать его взоровъ. — Скажите мнѣ все сіе, я васъ о томъ прошу, и утѣшусь таковою жертвою среди всѣхъ моихъ огорченій; поелику не могу скрыть, что никогда не престану сожалѣть о его пріязни; — я оную потеряла; — нѣтъ нужды, сія лестная связь не для меня была сдѣлана, и подвергала меня неизбѣжнымъ опасностямъ.

По совѣтамъ мною отъ васъ, государь мой, полученнымъ, я ни о чемъ болѣе не помышляю, какъ вести себя со всевозможною осторожностію; я должна преодолѣвать слабость моего сердца и огорченія, часто утробу мою снѣдающія; но надѣюсь ихъ побѣдить: ежели же и не снесу, по крайней мѣрѣ не буду сама по своей винѣ тому виновна. Желаніе въ точности исполнить, содержитъ во мнѣ совсѣмъ иную страсть, сколь она ни сильно дѣйствуетъ надъ моимъ поведеніемъ; и не должна ли я оное дѣлать, будучи вашею дочерью, воспитанною вашими попеченіями? Ахъ! отецъ и другъ мой, должна признаться, что чувствія мои сопротивляются

должности, и въ самое то время, какъ стараюсь успокоиться, часъ отчасу больше и больше ощущаю, что спокойствіе, надежда, благополучіе мое изчезли. Вы одинъ, государь мой, можете успокоить встревоженныя мои мысли; вы не откажете сожалѣніе ваше слабостямъ, васъ отчужденнымъ, и не увѣрена ли я въ томъ, что вы, хуля огорченіе, радуетесь утѣшая огорченнаго?

ПИСЬМО LVIII.

Отъ Г. Вилларса къ Евелинѣ.

Послѣднія твои извѣстія, любезное мое дитя, дѣйствительно странны. Что дочь признанная Сиръ Жонъ Бельмонтомъ была въ Бристолѣ, въ самое то время, какъ моя Евелина тамъ живетъ подъ принятымъ имянемъ Анвили, это такая задача, кою я не въ состояніи рѣшить. Какъ то ни есть, я ожидалъ инаго какого либо чрезвычайнаго приключенія при возвращеніи отца твоего; тайной смыслъ въ письмѣ его къ Лади Говардѣ нѣкоторымъ образомъ меня къ новымъ явленіямъ предуготовлялъ.

Я не знаю, кто можетъ быть та молодая особа, о которой ты говоришь; но не

менѣе и то вѣрно, что она похищаетъ званіе, принадлежащее тебѣ по всѣмъ правамъ. Никогда не слыхивалъ я о вторичномъ бракѣ Сиръ Бельмонта; положимъ, что оной и былъ, но то всегда въ своемъ существѣ останется, что Мисъ Евелина была первая его супруга; и слѣдственно дитя рожденное отъ сего брака неоспоримо имѣетъ право носить имя Бельмонта.

Либо я худо увѣдомленъ объ обстоятельствахъ сего дѣла, или же въ ономъ находится безстыдной обманъ; необходимо должно дойтить до истинны онаго. Какъ ни велико отвращеніе мое прибѣгать къ крайностямъ, чувствую однако же, что изысканія наши становятся необходимо нужны; мы должны попытать возстановить доброе имя матери твоей, или подвергнуть себя нанести оному жестокой ударъ.

Явленіе дочери Сиръ Жонъ Бельмонта должно неотмѣнно произвести воспоминовеніе приключеній Мисъ Евелины. Общество спроситъ, кто мать той, кою нынѣ называютъ его дочерью, и ежели отецъ твой тогда не признаетъ единой законной супруги, которую я зналъ, то рожденіе твое отъ того получитъ такое пятно, противъ котораго мы тщетно будемъ призывать честность, справедливость и невинность; сіе

пятно нанесетЪ посрамленіе памяти почтенной твоей матери, и подвергнетЪ тебя презрѣнію постыднаго типла, которое всѣ твои добрыя качества опровегнули бы сЪ трудностію. НѣтЪ, любезная моя, никогда не вытерплю, чтобы такЪ безчестно поносили пепелЪ твоей матери; добродѣтельныя ея свойства оправдаются предЪ глазами всего свѣта; бракЪ ея будетЪ признанЪ, и дочь ея будетЪ нести званіе, на которое она не неоспоримыя права имѣетЪ. Признаюсь, что Гжа. МирванЪ производила бы сіе дѣло сЪ большею нѣжностію, нежели Гжа. СельвинЪ; но мы не должны терять времяни: ибо чѣмЪ болѣе сія ложь подтвердится, тѣмЪ болѣе намЪ будетЪ стоить труда оную опровергнуть. Я тебѣ совѣтую выѣхать изЪ Клифтона какЪ можно скорѣе; дѣятельность твоя способствовать будетЪ кЪ нашимЪ извѣдываніямЪ.

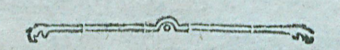
Не вдавайся, дитя мое, вЪ огорченіе, и старайся преодолѣть естественную свою застѣнчивость. БезЪ сумнѣнія положеніе твое для меня прискорбно. Свиданіе, тебя ожидающее, есть важно и славно; почему льщусь совершеннымЪ успѣхомЪ. Посылаю кЪ тебѣ при семЪ письмо, писанное нещастною твоею матерью на смертной постелѣ кЪ Сиру

Бельмонту; я оное сохранялъ для какого либо важнаго случая, и теперь то время, чтобъ употреблять оное въ дѣйство: Гжа. Клинтонъ должна сопровождать тебя въ дорогѣ; она ходила за матерью твоею въ послѣднюю ея болѣзнь, и доказательство ея можетъ быть тебѣ полезно. Наконецъ всего того Сиръ Бельмонтъ можетъ ли устоять противу великаго сходства лица твоего начертаній? Одно сіе обстоятельство должно будетъ его умягчить и истребить всѣ сумнѣнія, злосердіемъ его умышленно наводимыя.

Пріими, Евелина моя, въ страшное сіе время, какъ ты повергнешь себя въ объятія законнаго твоего отца, пріими молитвы, обѣты и благословеніе того, которой до сихъ поръ только названнымъ отцомъ тебѣ былъ! Да сохранишь, дитя мое, всю доброту твоего нрава въ перемѣнѣ будущаго твоего состоянія! Не забывай соблюсть себя покорною въ возвышеніи, въ коемъ надѣюсь тебя достиженною увидѣть; чтобы пріятство въ обхожденіи, въ разговорахъ, все поведеніе твое доказывало крѣпость души, и чувствія благодарности, которыя всегда должны пребывать съ нами въ благополучіи; оныя пріумножаютъ нашу славу. Да не постигнетъ въ пути жизни твоей никакое претновеніе

поношенія! Да пребудешь непоколебима въ праводушіи, простотѣ нрава, въ томъ любезномъ чистосердечіи, которымъ я всегда въ тебѣ удивлялся! Да предохранишь себя отъ тщеславія и гордости, поставляя все свое величіе въ содѣланіи добра!

Артуръ Вилларсъ.

ПИСЬМО LIX.

(Положенное въ предъидущемъ)

Отъ Лади Бельмонты къ Сиру Жону Бельмонту.

Въ твердомъ увѣреніи, что часъ послѣдняго издыханія, которой приближается, кончитъ мои страданія, хочу еще просить Сира Жонъ Бельмонта, въ разсужденіи того ребенка, которой ежели переживетъ мать свою, долженъ представить ему сіе начертаніе.

Но какими выраженіями, жестокой человѣкъ! нещастная Каролина можетъли тебѣ писать, ожидая какого либо успѣха? Нечувствителенъ къ гласу сожалѣнія, къ угрызеніямъ совѣсти, невѣренъ связи честности, — скажи, Бельмонтъ, какія выраженія могу употреблять, не

страшась отказа? Назову ли я тебя нѣжнымъ имянемъ своего супруга? — Ахъ! ты отъ того отрекаешься. — Наименую ли я тебя отцомъ моего ребенка? — увы! ты его предаешь безчестію; нареку ли тебя моимъ любовникомъ? — Ты самъ измѣняешь. — Наконецъ, приложу ли я тебѣ имя друга, отъ котораго ожидала помощи? — Нѣтъ, ибо ты самъ повергъ меня въ нищету, и причиною всего моего раззоренія.

Нещастная! что мнѣ остается дѣлать къ умягченію сердца нечувствительнаго къ справедливости, къ угрызенію, соболѣзнованію? Есть ли средство, котораго бы я не употребляла? Есть ли способъ, коего бы не испытала? Все употребляла; горесть упрековъ, силу прозьбы, все было тщетно.

Двадцать разъ уже перо выпадало изъ рукъ, и представляла себѣ въ отчаяніи, что ничего не должна отъ тебя надѣяться; — но нѣжность матерняя, которая страшится о судьбѣ ребенка ожидаемаго ею въ свѣтъ родить; — вотъ что мнѣ возвращаетъ бодрость.

Можетъ быть, когда меня не будетъ уже на свѣтѣ, когда злоключенія мои свершатся, смерть окончитъ нещастное

мое воспоминовеніе, когда уже ты не будешь страшиться моихъ упрековъ, ни силы доказательствъ, ни взора, тогда можетъ быть сердце твое почувствуетъ гласъ справедливости и вопли естества.

Бельмонтъ! не протився онымъ, не отрицай ребенка, какъ ты отринулъ матъ. Можетъ быть ты и будешь сожалѣть, но не во время, о нещастіяхъ, коихъ ты содѣтель; можетъ быть раскаешъся, но уже поздно, увы! что мучилъ и погубилъ нещастную; можетъ быть впредь вспомнишь всѣ тѣ пронырства, коими старался меня обманутъ, послѣднія издыханія и мученія сопровождающія меня во гробъ. О Бельмонтъ! сіе воображеніе умягчаетъ весь мой гнѣвъ. Что тогда съ тобою учинится, когда станешь раскаяваться о прошедшемъ своемъ поведеніи? Выслушай же торжественную прозьбу нещастной Каролины, послѣднюю, кою она осмѣливается тебѣ предложить.

Когда придетъ время, что ты будешь вопить о своихъ заблужденіяхъ; (а сіе время придетъ рано или поздно) когда ты признаешь свою винность, и мерзость своихъ ухищреній; когда разторгнутое твое сердце будетъ заглаж-

дать свои преступленія, — читай здѣсь уговоръ, на коемъ я тебя прощаю! —

Бельмонтъ! я твоя супруга, ты оное знаешь! — ускори же оправдать предъ свѣтомъ славу, кою ты затмилъ; пріими въ объятія свои нещастнаго ребенка, которой представитъ тебѣ прошеніе отъ своей матери.

Я нашла друга, которому обязана малымъ утѣшеніемъ, и спокойствіемъ, коимъ еще наслаждаюсь. Сей человѣкъ, самой почтеннѣйшій и достойнѣйшій изъ смертныхъ, далъ мнѣ обѣщаніе, что только съ симъ условіемъ отдастъ тебѣ залогъ нещастной нашей любви. Ахъ! ежели ты увидишь въ сей невинной твари черты лица нещастной Каролины, ежели ребенокъ напомнитъ тебѣ мать: Бельмонтъ! по сей одной причинѣ ты отринешь можетъ быть его! — Любезной предметъ моей любви, любезное дитя, къ коему я уже чувствую всю матернюю привязанность! не моги походить на твою мать; смерть похищаетъ одного изъ твоихъ родныхъ, а ненависть похититъ у тебя и послѣдняго.

Должна окончить! силъ уже недостаетъ, и чувствую тягость страшныхъ умоначертаній, душу мою обременя-

ющихъ. Прощай на вѣкъ. — Но въ сихъ послѣднихъ прощаніяхъ, кои не прежде до тебя дойдутъ какъ по прошествіи рвенія твоихъ страстей, какъ всѣ мои нещастія положатся со мною во гробъ, могу ли я забыть присоединить хотя слово утѣшительное тому, которой прежде столь дорогъ мнѣ былъ, которое бы могло его подкрѣпить въ нещастіи, коему онъ подвергается? Нѣтъ, Бельмонтъ, ты узнаешь, что сожалѣніе мое превышаетъ мой гнѣвъ; буду молиться о тебѣ въ послѣдній часъ, и воспоминаніе любви, которую я къ тебѣ имѣла, загладитъ зло, тобою мнѣ учиненное. Еще разъ, прощай!

Каролина Бельмонтъ.

ПИСЬМО LX.

Отъ Евелины къ Г. Вилларсу.

По открытіи ставней сего дня по утру я увидѣла Милорда Орвиля, прогуливавшагося уже въ саду: я однако же не сходила въ низъ прежде завтрака; онъ меня принялъ съ холодностію свойственною Лади Луизѣ. Гжа. Бомонъ, Лади Луиза и Гжа. Селвинъ, начали разговоръ по обыкновенію, въ которомъ Евелина ваша ни малаго участія не при-

нимала; презрѣнна, въ безмолвіи и задумчива, пребывала я въ отдаленіи, какъ такое твореніе, которое на всей поверхности земли уединено, и никому никакого дѣла до него нѣтъ.

Недовольная своимъ состояніемъ, вышедъ изъ терпѣнія, видя себя столь пренебреженною, удалилась я какъ можно скорѣе. Выходя встрѣтила на дорогѣ Сира Клемента Виллугбія, которой просилъ меня весьма прилѣжно опять съ нимъ возвратиться. Я на оное согласилась, хотя по неволѣ, но принуждена была оное учинить, ежели не хотѣла оставаться съ нимъ одна въ передней; онъ меня насильно удерживалъ. Однако же мнѣ не много стыдно, что нѣкоторымъ образомъ приписывала себѣ его посѣщенія, старанія его слишкомъ оное доказываютъ.

Онъ провелъ съ нами около двухъ часовъ: во все сіе время старался со мною особливо разговаривать; можетъ быть я отъ онаго и долѣе не избавилась бы, ежели бы Гжа. Бомонъ не предложила прогулку въ каретѣ. Лади Луиза на оное согласилась, Гжа. Сельвинъ сказала, что она очень рада будетъ быть въ семъ обществѣ, только чтобы Милордъ Орвиль, или Сиръ Клементъ также въономъ были; простое женское *тріо*, продожала она, кажется ей слишкомъ скучно.

Сиръ Клементъ, всегда стараясь угодить Гжѣ. Сельвинѣ, просилъ позволеніе, проводить госпожѣ; Милордъ отъ онаго отказался, а я пошла въ свою комнату, изъ которой не выходила прежде обѣда. Я удаляюсь, сколько могу, присутствія Лордова; холодность его для меня несносна, хотя къ оному подала поводъ собственнымъ своимъ поступкомъ.

Сиръ Клементъ съ нами обѣдалъ, онъ играетъ свою ролю чрезвычайно хорошо, и онъ успѣлъ войти въ милость къ Гжѣ. Бомонѣ, которую весьма не легко заслужить.

Мнѣ смертельно было скучно во весь день, я все вмѣстѣ должна была сносить, и дерзости Сира Клемента, и несносное молчаніе Милорда Орвиля. Одинъ не отступалъ отъ меня ни на минуту, а другой мнѣ не сказалъ ни слова; первой старался изыскивать случай со мною разговаривать, а другой оныхъ тщательно убѣгалъ.

Я начинаю думать, любезной мой государь, что поспѣшная перемѣна въ поведеніи моемъ съ Лордомъ была не кстатѣ. Разсуждая о всемъ, онъ мнѣ никакого случая не подалъ къ неудовольствію. И предметъ сей перемѣны будучи мнѣ одной извѣстенъ, я не должна была принуждать себя къ скромности, въ которой никакого истин-

наго извиненія принесть не могла; къ тому же очень естественно, что принужденіе, съ коимъ я избѣгала его общества, произведетъ худое дѣйствіе.

Ахъ! государь мой, размышленія мои всегда поздно приходятъ; должна признаться, что весьма мнѣ дорого становится малое знаніе, кое пріобрѣтаю, и предвижу, что еще болѣе претерплю, пока получу основательность, кою разумной употребляетъ для распоряженія поведеніемъ настоящимъ и предупрежденія будущихъ заботъ.

ПИСЬМО LXI.

Отъ тояже къ нему же.

Вчера по утру всѣ ѣздили прогуливаться въ каретѣ, а я оставалась одна дома съ Гжею. Селвиною; не на долго остановилась я въ ея комнатѣ, но какъ можно скорѣе изъ оной ушла. Я страшусь разговора сей госпожи; она находитъ удовольствіе немилосердно надо мною насмѣхаться, то надъ моею скромностію, то на счотъ Милорда Орвиля. Вышедъ отъ нее, я пошла въ садъ, гдѣ пробыла болѣе часа, сидѣла въ бесѣдкѣ на концѣ большой аллеи, вдавшись въ размышленія о предбудущемъ, какъ вдругъ

оныя прервались Сиромъ Клементомъ Виллутбіемъ.

Я его очень мало ожидала, и онъ конечно узналъ, что я была въ саду, ибо онъ весьма рѣдко туда ходитъ одинъ прогуливаться. Какъ скоро увидѣла, что онъ идетъ, то старалась удалиться; но онъ мнѣ кричалъ издали: остановитесь, любезнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ! я имѣю нѣчто вамъ сказать; и спѣшилъ сѣсть подлѣ меня — Какъ вы можете, продолжалъ онъ, мнѣ отказать малую милость, когда столь трудно получаю пріятность васъ видѣть? Не далѣе какъ вчера, не претерпѣлъ ли я лютое мученіе? — Вы, Сиръ Клементъ! — Такъ, жестокая красавица, не согласился ли я закабалить себя въ карету цѣлое утро съ тремя самыми скучными женщинами изъ всей Англіи? — Поистиннѣ, государь мой, сіи госпожи великую имѣютъ вамъ обязанность. — О! онѣ въ томъ не сумнѣваются, ибо слишкомъ великое имѣютъ мнѣніе о своихъ достоинствахъ, чтобъ вздумать могли, что должны сохранять уваженіе къ кому либо; по щастію ихъ отъ того избавляютъ. — Сіи госпожи конечно не воображаютъ, что вы такъ худо о нихъ говорите. — Я въ томъ также весьма увѣренъ, и само юбіе ихъ въ томъ меня удостовѣряетъ. Но

быть отринуту отъ сообщества Мисъ Анвили, для закабаленія себя такими женщинами, поистиннѣ таковое состояніе достойно сожалѣнія, и весь бы свѣтъ о мнѣ сожалѣлъ кромѣ васъ, государыня моя. — Какъ худо вы ни описываете сіе состояніе, не примѣчаю однако же, чтобы вы такъ жалки были, и въ глазахъ многихъ людей оное бы показалось болѣе завиднымъ, нежели сожалѣнія достойнымъ. — Свѣтъ о семъ думаетъ почти также какъ и я: насмѣхаются надъ Гжею. Бомоною и Лади Луизою, а Гжу. Селвину ненавидятъ. — Вы, государь мой, весьма строгой судья, и рѣшенія ваши весьма колки. — Обвиняйте сами себя, ангелъ мой, ежели совершенства ваши только служатъ къ выказыванію моихъ пороковъ. Увѣряю васъ, что во время сей прогулки думалъ я, что мы ѣдемъ не скорѣе, какъ черепаха ползетъ. Глупая гордость Гжи. Бомоны, и почтеніе, коего она требуетъ, суть несносны, тягостны; судя по ея важному виду, можно бы сказать, что она прогуливается впервые отъ роду въ каретѣ; желаю по крайней мѣрѣ, чтобы оное было впослѣдній. Повѣрьте мнѣ, государыня моя, что ежели бы не принужденъ былъ ею уважать для вѣзду въ ея домъ, то конечно бы бѣгалъ ее какъ язвы. Гжа. Сельвинъ, правду сказать,

старалась изключить церемоніи, но дерзость ея языка ... Какъ, государь мой, вы осуждаете сей порокъ? — Такъ, государыня моя, оной нахожу весьма противнымъ, особливо для женщины. Гжа. Сельвинъ, признаюсь умна, имѣетъ болѣе знанія, нежели половина ея пола вмѣстѣ; но она безпрестанно насмѣхается, а сія склонность безпокоитъ всѣхъ, кто съ нею обходится; къ тому-мужъ, безпрерывнымъ разговоромъ наскучиваетъ, и самыя ея прекрасныя изреченія становятся несносными. Что касается до Лади Луизы, она такъ жеманна, что нечего о ней и разсуждать: ежели бы она стоила порядочно о ней судить, я бы сказалъ, что она наполнена принужденія, грубости и тщеславія. — Вы меня удивляете, государь мой; какъ вы можете безъ угрызѣнія совѣсти такъ худо мыслить о сихъ госпожахъ, и оказывать къ нимъ столько стараній, столько вѣжливостей? — Вѣжливости! — Ахъ, ангелъ мой! я въ состояніи стать предъ ними на колѣни, обожать ихъ, дабы чрезъ то получить благополучіе васъ видѣть. Вспомните почтеніе мое къ грубому Капитану Мирвану, и къ несносной Гжѣ. Дюваль; могла ли быть на свѣтѣ такая скверная тварь, чтобы соединить вмѣстѣ всѣ пороки сихъ разныхъ нра-

вовѣ, такая тварь, которая бы вмѣщала вѣ себѣ гордость Гжи. Бомоны, трубость Капитана Мирвана, предубѣжденіе Гжи. Селвины, принужденіе Лади Луизы, и подлость Гжи Дюваль, то сему самому извергу оказывалѣ бы я почтеніе, ежели бы чрезѣ то могѣ получить хотя слово, хотя взглядѣ отѣ обожаемой мною Мисѣ Анвили. — Вы ошибаетесь, государь мой, ежели думаете, что таковое лукавство можетѣ вамѣ заслужить уваженіе вѣ моемѣ мнѣніи, кѣ томуже пользуясь симѣ случаемѣ, прошу васѣ избавить меня впредь отѣ такого разговора. — О Мисѣ! холодность ваша, упреки ваши произаютѣ мое сердце: обходитесь со мною не столь жестоко, и вы изѣ меня сдѣлаете все, что вамѣ угодно; вы будете управлять, распоряжать всѣми моими дѣйствіями. Вы сдѣлаете изѣ меня инаго человѣка, не буду имѣть желаній какѣ ваши; по крайней мѣрѣ сжальтесь надо мною, ежели уже совсѣмѣ рѣшились не оказывать мнѣ никакой милости. — Еще разѣ, государь мой, окончите сіи разговоры; оные слишкомѣ мнѣ досаждаютѣ; до сихѣ порѣ вы меня весьма мучили, и я васѣ предупреждаю, что ежели не перемѣните совсѣмѣ разговорѣ и поведеніе ваше со мною, вы меня прогоните изѣ всѣхѣ тѣхѣ мѣстѣ, гдѣ вы будете.

Я встала съ тѣмъ, чтобы удалиться; но Сиръ Клементъ удерживая меня, палъ къ ногамъ моимъ и вскричалъ самымъ страстнымъ голосомъ. Что вы осмѣливаетесь сказать, Мисъ! возможно ли, чтобы вы простирали холодность вашу, такъ чтобъ уже не оставить мнѣ ни малой лучь надежды? — Не знаю, государь мой, о какихъ надеждахъ вы говорите; и подавала ли я вамъ къ тому поводъ. — Ахъ! вы выводите меня изъ терпѣнія, и не могу долѣе сносить вашего презрѣнія. Умѣрьте сію чрезвычайную жестокость, ежели не хотите привесть меня въ отчаяніе: скажите по крайней мѣрѣ, неумолимая красавица, скажите по крайней мѣрѣ, что состояніе мое вамъ жалкимъ кажется. —

Въ самое сіе время нещастливой случай привелъ Милорда Орвиля въ бесѣдку, гдѣ мы сидѣли. Взоръ его для меня былъ громовымъ ударомъ; онъ самъ поблѣднѣлъ и казался изумленнымъ. Онъ располагался возвратиться, но я его призывала на помощь, и увѣщевала строго Сира Клемента покинуть мою руку; онъ всталъ, но между тѣмъ удерживалъ меня, а Лордъ не внимая моихъ криковъ, продолжалъ свою дорогу до тѣхъ поръ, какъ въ другой разъ я его позвала. Тогда возвратясь къ намъ, говорилъ

Сиру Клементу весьма хладнокровно: надѣюсь, государь мой, что вы не удерживаете Мисъ Анвиль насильно. — Во всѣхъ случаяхъ, Милордъ, отвѣчалъ тотъ, я могу обойтиться чести вашего ходатайства. — Вотъ все то, что я услышала, и между тѣмъ избавилась его рукъ и убѣжала какъ можно скорѣе. Страхи мои тогда обратились на слѣдствія, могущія произойти отъ сей встрѣчи, и твердо воображала, чтобъ уничиженная гордость Сира Клемента не побудила его вызвать къ бою Милорда Орвиля. Я сочла за долгъ прибѣгнуть въ такомъ случаѣ къ Гжѣ. Сельвинѣ, и пришедъ къ ней въ комнату весьма поспѣшно, просила ее почти безпонятнѣйшимъ образомъ итти къ бесѣдкѣ; того было довольно для возбужденія въ ней любопытства, и она летѣла какъ стрѣла.

Оставляю вамъ судить, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидала ея возвращенія; насилу могла удержаться отъ желанія за нею слѣдовать: она наконецъ возвратилась и увѣдомила меня о разговорѣ весьма важномъ, котораго я была предметомъ. Я васъ объ ономъ увѣдомлю, государь мой: но выключу толкованія и острыя рѣчи, которыми Гжа. Селвинъ наполняла свое повѣствованіе; воображеніе ваше легко можетъ оныя дополнить.

Гжа. Селвинъ нашла обоихъ кавалеровъ сидящихъ спокойно въ бесѣдкѣ, и примѣтивъ, что они разговаривали довольно важно, остановилась въ нѣкоторомъ разстояніи. Вотъ что она мнѣ о томъ разсказала.

Сиръ Клементъ сказалъ Лорду, что нѣкоторой вопросъ имъ ему сдѣланной его удивляетъ; но продолжалъ онъ, я на оной отвѣчать не буду инако, какъ развѣ ежели Милордъ Орвиль позволитъ теперь мнѣ вопросить его съ моей стороны. — Охотно, государь мой. — Вы спрашиваете меня, какія суть мои намѣренія; развѣ вы думаете, Милордъ, что я менѣе любопытенъ узнать и ваши? — Я никакихъ не показывалъ. — Къ чему же должно приписать желаніе узнать мои? — Истинному участію, кое пріемлю въ благосостояніи Мисъ Анвили. — Таковое участіе есть благородно и достойно великихъ похвалъ, но оное прилично отцу, — брату, — или любовнику. — Я васъ разумѣю, Сиръ Клементъ, и признаюсь, что не имѣю тѣхъ правъ, кои приличны симъ титуламъ родства, чтобы могъ позволить себѣ изслѣдованія, касающіяся до Мисъ Анвили; однако же между тѣмъ признаюсь, что ничего такъ не желаю, какъ оказать ей услугу и видѣть ее благополучною. Такъ извините ли вы меня,

ежели я осмѣлюсь повторить свой вопросъ? — Хорошо; только и вы мнѣ позвольте повторить, что оной мнѣ кажется весьма странной. — Пусть такъ! но состоянiе сей дѣвицы мнѣ кажется столь же странно: она весьма молода, свѣта еще не научена знать, и оставленная на собственное ея распоряженiе. Я повѣрю, что она не представляетъ себѣ тѣхъ опасностей, коимъ подвержена, и не утаю отъ васъ, государь мой, что чувствую нѣжное желанiе дать ей оное примѣтить. — Я васъ не очень разумѣю, Милордъ, но надѣюсь, что намѣренiе ваше не къ тому клонится, чтобъ ей дать обо мнѣ подозрѣнiе. — Не знаю, государь мой, что она объ васъ думаетъ; не знаю также, какiя суть и ваши намѣренiя. Можетъ быть, ежели бы я лучше былъ увѣдомленъ о взаимныхъ вашихъ чувствiяхъ, былъ бы менѣе услужливъ; но не имѣю предубѣжденiя спросить, въ какомъ смыслѣ у васъ оныя. — Вы знаете, Милордъ, что я не столь тщеславенъ также и въ томъ, чтобъ вамъ сказать, что *я на вѣрное иду*; однако же съ нѣкоторою твердою надеждою. И такъ вы рѣшились твердо надѣяться? Такъ, рѣшительно, Милордъ. — Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ, государь мой, говорить съ вами откровенно. У сей молодой дѣвицы, хотя отъ всѣхъ

оставленной и нѣкоторымъ образомъ безъ заступленія, однако же есть друзья; она совершенно хорошо воспитана, видно что жила въ хорошемъ обществѣ; добродѣтель и разумъ ея дѣлаютъ честь всѣмъ чинамъ, даже самымъ вышнимъ, и таковая особа не для того сотворена, чтобъ ею ругаться. Знаютъ ваше мнѣніе, Сиръ Клементъ; извините сей небольшей выговоръ. — О! это собственное ея дѣло, и она слишкомъ разумна, чтобъ имѣть нужду въ совѣтахъ. — Я не оспориваю въ ней здраваго и основательнаго разсудка, но лѣты ея и простодушіе ея нрава не довольно ее охраняютъ отъ нѣкоихъ сумнѣній, кои мнѣ кажутся весьма основательны. — Милордъ, похвалы выши приводятъ меня въ сумнѣніе о вашемъ безпристрастіи. Никого на свѣтѣ такъ не страшусь, какъ васъ имѣть соперникомъ: но позвольте же мнѣ сказать, что вы чрезвычайно обманули въ семъ дѣлѣ. — Помилуйте, государь мой, что вы чрезъ то разумѣете? — Вспомните, Милордъ, первой нашъ разговоръ о Мисъ Анвилѣ; вы изъяснялись тогда о ней въ выраженіяхъ совсѣмъ противныхъ нынѣшнему описанію; тогда вы ее называли простою дѣвицею, неразумною; я не могъ тогда представить, что вы о ней имѣете столь высокое мнѣніе. — Правда, въ первой

разъ не отдалъ справедливости ея достоинству; но не зналъ тогда, сколь она была еще нова. Нынѣ совсѣмъ иное, ибо я имѣлъ случай удостовѣриться, что все то, что ни было страннаго въ ея обхожденіи, происходило единственно отъ неопытности, застѣнчивости и удаленной жизни; я въ ней нахожу знанія, чувствительность и весьма много разума. Она не походитъ на большую часть молодыхъ нашихъ женщинъ, коихъ узнаешь въ полчаса. Хорошія качества Мисъ Анвили скрываются скромностію и тихостію; потребно время и смѣлость къ показанію ихъ въ свѣтъ. Прибавте же къ сему, что красота ея не вдругъ кинется въ глаза; она привлекаетъ сердце по немногу, и потомъ онымъ овладѣетъ какъ ворожея. — Остановитесь, Милордъ, онаго довольно для доказанія участія, кое вы принимаете въ ея благосостояніи. — Я не утаиваю привязанность и почтеніе, кое къ ней имѣю; но будьте увѣрены, государь мой, что ежели бы я показалъ Мисъ Анвилѣ другія чувствія, кромѣ самой простой привязанности, конечно бы сего разговора не начиналъ; но такъ какъ вы не желаете мнѣ сообщить ваши намѣренія, за тѣмъ мы сей разговоръ болѣе не распространимъ. — Правду сказать, я самъ оныхъ совер-

шенно не понимаю. Мисъ Анвиль весьма любезна; и ежели бы я имѣлъ намѣреніе жениться, то конечно изъ всѣхъ женщинъ въ свѣтѣ ее предпочелъ бы къ содѣланію ее своею супругою. Но сумнѣваюсь, чтобы и самая ваша философія присовѣтывала мнѣ таковое обязательство съ дѣвицею неизвѣстнаго рода, которая не имѣетъ инаго приданаго какъ красоту, и которая всеконечно отъ кого нибудь зависитъ. — Мы о семъ болѣе не будемъ разсуждать, и мы оба имѣя собственную свою волю, будемъ поступать, какъ намъ заблагоразсудится.

Гжа. Селвина опасаясь, чтобы ее не примѣтили, и увидѣвъ къ томужъ, что сумнѣнія мои не основательны, оставила свое мѣсто и пересказала мнѣ все ею слышанное.

Какой человѣкъ этотъ Сиръ Клементъ! какое вѣтреное сердце! сколько пронырства и лукавства! между тѣмъ онъ весьма сильно ошибается, ибо сія бѣдная и подлая дѣвица очень отдалена желать чести его соединенія, но напротивъ отринетъ оное съ презрѣніемъ отъ нынѣ и на вѣкъ. Что касается до Милорда Орвиля: — но не будемъ болѣе объ немъ ничего говорить. — Вы мнѣ сами, государь мой, скажете, что о немъ

думаете, поступокъ его не совершенно ли честнаго человѣка, и не имѣю ли я причины ему удивляться.

Я не много смутилась предстать на ихъ глаза послѣ страннаго разговора, котораго я была предметомъ: не могла однако же пристойно избѣгнуть, чтобъ не обѣдать съ ними. Сиръ Клементъ былъ задумчивъ и не по себѣ во время стола; видно было, что онъ мучился разумомъ: онъ меня присматривалъ, также примѣчалъ и за Милордомъ Орвилемъ. Я съ нимъ обходилась безъ всякаго уваженія, рѣшившись избѣгать малѣйшаго съ нимъ разговора; будучи крайне раздражена, могу ли сносить долѣе обидныя его старанія!

Ни одного раза не имѣла духу взглянуть на Милорда Орвиля: присутствіе его и воспоминаніе происшедшаго держало, такъ сказать, меня въ почтеніи; я страшилась его проницанія, и не покидала Гжу. Селвину во весь день.

Прощайте, любезной мой государь; ожидаю отъ васъ писемъ, оныя рѣшатъ, я думаю, мой отъѣздъ либо въ Берри-гилъ, или въ Лондонъ.

ПИСЬМО LXII.

Продолженіе письма Евелины.

Сегоднишнее мое письмо вѣроятно будетъ послѣднее изъ Клифтона; я оное пишу съ такимъ смущеніемъ, отъ котораго насилу могу дѣйствовать перомъ.

Я сего дня по утру сошла довольно поздно; не смотря на сію предосторожность, Милордъ Орвиль еще одинъ находился въ залѣ. Не много отъ того смутилась, что была съ нимъ одна; послѣ столь долговременнаго старанія избѣгать таковой встрѣчи, я хотѣла-было тотчасъ возвратиться; но Лордъ меня удержалъ. Ежели я васъ безпокою, сказалъ онъ, тотчасъ удалюсь. — Нѣтъ, Милордъ, не для того пришла, чтобъ оставаться на долго. — Я льстился однакожъ, что позволите мнѣ не много съ вами побесѣдовать. Я опять возвратилась почти по неволѣ. Онъ продолжалъ по краткомъ молчаніи: вы очень благосклонны, Мисъ, что склоняетесь на мою прозьбу; давно уже ищу случая съ вами говорить. Я ничего не отвѣчала, и онъ продолжалъ такимъ образомъ: Вы мнѣ позволили, государыня моя, осмѣлиться считать на вашу привязанность, принимать участіе въ томъ, что до васъ касается, называть васъ

нѣжнымъ имянемъ сестры. Я оную честь сохранялъ какъ должно; но не знаю, какимъ страннымъ случаемъ имѣлъ нещастіе оной лишиться. Все премѣнилось съ нѣкотораго времяни; вы меня убѣгаете, присутствіе мое вамъ тягостно, и стараетесь всячески избавиться моего разговора.

Сей упрекъ, сдѣланной важнымъ видомъ, меня много тронулъ: я стыдилась, но еще ничего не отвѣчала. Надѣюсь, продолжалъ Лордъ, что вы меня не осудите, прежде нежели выслушаете. Ежели имѣлъ нещастіе принесть вамъ неудовольствіе, скажите, какимъ образомъ? ничего такъ не желаю, какъ исправить свою вину, и всячески буду стараться получить прощеніе.

Милордъ, учтивость ваша превосходитъ мѣру; нѣтъ, вы ни въ чемъ не виновны: я не думаю быть вами обижена; и ежели касается до извиненія, то скорѣе я должна оное учинить, нежели отъ васъ ожидать.

Стыжусь быть столь докучливымъ, но можетъ быть оное нужно для извлеченія меня изъ моего заблужденія, и единственно отъ васъ, государыня моя, надѣюсь получить изъясненіе; къ тому же *начало времени* сей перемѣны меня страшитъ, — позволите ли вы мнѣ сообщить вамъ мое сомнѣніе? —

Для чего нѣтъ, Милордъ? — Скажите же мнѣ, — и простите между тѣмъ, вопросъ крайней важности: — Сиръ Клементъ Виллугбій не былъ ли нѣкоторымъ образомъ причиною сей перемѣны? — Совсѣмъ нѣтъ, Милордъ, отвѣчала я твердымъ духомъ. — Крайне благодаренъ! вы меня весьма облегчили, — но сдѣлайте милость, еще одно слово: — не Сиру ли Клементу долженъ я приписать нѣкоторую часть удаленности, вами на себя въ разсужденіи меня принятой? ибо ежели я въ своей смѣтѣ не ошибся, оная начало свое имѣетъ со дня пріѣзда его къ водамъ. — Ничего не приписывайте Сиру Клементу; онъ ни малаго не можетъ имѣть дѣйствія надъ моимъ поведеніемъ. — И такъ могу ли я надѣяться, что вы мнѣ возвратите сію же самую довѣренность и милость, коими удостоивали меня до его пріѣзда?

По щастію Гжа. Бомонъ воспрепятствовала намъ къ продолженію; — я уже не знала, что отвѣчать: мы вмѣстѣ завтракали. — Милордъ Орвиль былъ чрезвычайно доволенъ, никогда не видала его столь веселаго и столь любезнаго. Потомъ скоро Сиръ Клементъ прибылъ; онъ пріѣхалъ, говорилъ онъ, засвидѣтельствовать свое почтеніе Гжѣ.

Бомонѣ. Я удалилась вѣ свою комнату, гдѣ вдалась вѣ великія размышленія, вѣ коихѣ находила причины кѣ утѣшенію и кѣ новымѣ безпокойствіямѣ; вѣ семѣ положеніи получила ваше письмо.

Ахѣ, государь мой, сколь я тронута желаніями и молитвами приносимыми вами за вашу Евелину! Какѣ благодарна за благословенія вами мнѣ ниспосылаемыя! — *Я должна васъ оставить, чтобъ повергнуть себя въ объятія законнаго моего отца!* О вы, которые были путеводителемѣ, другомѣ и покровителемѣ моея младости! вы, кои пеклись о моемѣ ребячествѣ, исправляли мой разумѣ, которые сохранили мою жизнь! — одного васѣ сердце мое признаетѣ отцемѣ, однимѣ вамѣ клянусь повиновеніемѣ, благодарностію и вѣчною привязанностію!

Довольно худое имѣю я мнѣніе о свиданіи, кѣ коему влекусь; но какова ни есть важность сего предмета, теперь совершенно озабочена приключеніемѣ, о коемѣ немедленно должна вамѣ отчетѣ дать. Я увѣдомила Гжу. Сельвину о содержаніи вашего письма. Она казалась быть довольною, что мнѣнія ваши находятся сѣ ея сходными, и тотчасѣ положила отѣѣздѣ нашѣ завтра по утру; почтовая коляска должна быть готова кѣ часу по полуночи.

Потомъ она мнѣ сказала, чтобы я сбиралась, а она между тѣмъ будетъ пріуготовлять Гжу. Бомону къ нашему отъѣзду.

За обѣдомъ Милордъ Орвиль столь же былъ веселъ, какъ и прежде; сѣлъ подлѣ меня, шутилъ надъ вкусомъ моимъ къ уединенію, и онъ бы имѣлъ право повторить прежде мнѣ сказанное, то есть, что тщетно трудиться къ моему развеселенію. Дѣйствительно, предпріятіе бы было не легко; я была печальна и уныла; мысль о важномъ свиданіи, — о печальной разлукѣ, — слишкомъ огорчала мое сердце и не могли имѣть довольно власти надъ разсудкомъ. Даже сожалѣла о изъясненіи бывшемъ съ Милордомъ Орвилемъ; для чего мы оба отринули ту скромность, которую старались сохранить?

Говорили во время обѣда объ отъѣздѣ нашемъ въ Лондонъ, и вѣсть сія, казалось, привела Милорда Орвиля въ изумленіе. Грусть оказалась на его лицѣ, и онъ сталъ почти столь же задумчивъ и молчаливъ, какъ и я.

Гжа. Сельвина, будучи озабочена пріуготовленіями, тотчасъ удалилась послѣ обѣда, и просила меня собрать нѣсколько книгъ, кои она оставила въ гостиной комнатѣ. Я въ оную вошла для собранія оныхъ, но въ какое пришла удивленіе, увидѣвъ Милорда

Орвиля слѣдующаго за мною! Онъ затворя за собою дверь, и подошедъ ко мнѣ смущеннымъ видомъ, сказалъ: правда ли Мисъ Анвиль, что вы отъѣзжаете? — Думаю что такъ, Милордъ. — Могъ ли я ожидать разлучиться съ вами столь поспѣшно, когда менѣе всего о томъ помышлялъ? — Потеря не велика, Милордъ. — Возможно ли, Мисъ, чтобы вы сумнѣвались о моей искренности? — Не понимаю сего, отвѣчала я продолжая искать, куда дѣвались книги Гжи. Сельвины. — Ахъ! ежели бы я осмѣлился льстить себя, что вы мнѣ позволите доказать вамъ, сколь далеко простирается искренность моихъ намѣреній! — Позвольте, Милордъ, мнѣ итти къ Гжѣ. Сельвинѣ.

Какъ! вы меня покидаете, (и между тѣмъ удержалъ меня за руку) не подавая мнѣ уже никакой надежды васъ увидѣть? Научите же меня, любезной мой другъ, сносить отсутствіе ваше съ такою же бодростію, каковую вы сами оказываете. — Пожалуйте, Милордъ, оставьте меня. — Такъ, вскричалъ онъ, упадъ на колѣни; такъ, я васъ оставлю, ежели вы сего желаете. — Что вы дѣлаете, Милордъ? ради Бога встаньте! Милордъ Орвиль предо мною на колѣняхъ! нѣтъ, я никогда не считала васъ столь жестокимъ, чтобъ могли ругаться надо мною. —

Мнѣ надъ вами ругаться! Ахъ, какъ я отъ онаго отдаленъ! Нѣтъ, Мисъ, никто на свѣтѣ столько васъ не почитаетъ и не обожаетъ, какъ я. Вы другъ избранной моимъ сердцемъ, и къ которому все мое благополучіе относится. Вы самая любезнѣйшая и совершеннѣйшая изъ всѣхъ женщинъ, и вы для меня тысячу кратъ дороже, нежели могу оное изъяснить.

Не возьму на себя описать вамъ, государь мой, что чувствовала я въ сіе время; насилу дыхала, почти сумнѣвалась о своемъ существованіи, вся кровь обледенѣла въ моихъ жилахъ, и не имѣла болѣе силъ на ногахъ устоять. Милордъ Орвиль поспѣшно всталъ, подвинулъ креслы, и я въ оныя упала почти безъ памяти.

Мы пребыли нѣсколько минутъ не говоря ни слова. Милордъ Орвиль примѣтивъ, что я не много опамятовалась, прервалъ молчаніе, просилъ прощенія запинаючись за свою горячесть.

Осмѣлюсь ли я описать послѣдовавшее за симъ приключеніе? Какъ вамъ оное изъяснить, хотя оно твердо изображено въ моемъ сердцѣ? Но разговоры Орвилевы, увѣренія его слишкомъ были лестны, чтобъ не могла находить удовольствія оныя повторять. Нѣсколько разъ старалась я оста-

вить комнату, онѣ въ томъ упорствовалъ; однимъ словомъ, государь мой, не могла противиться безпрестаннымъ его прозьбамъ, — и онъ нашелъ средство узнать самую священную тайну моего сердца.

Не знаю, долго ли мы были вмѣстѣ, но Гжа. Сельвина вышедъ изъ терпѣнія отъ долгаго моего отсутствія, пришла ко мнѣ; и отворивъ дверь, нашла Милорда Орвиля стоящаго предо мною на колѣняхъ. Вообразите, государь мой, стыдъ и смятеніе мое! — Орвиль столько же былъ смущенъ, какъ я; онъ всталъ будучи не много изумленъ, а Гжа. Сельвина имѣла время взирать на насъ обѣихъ поодиначкѣ, не говоря ни слова. Наконецъ обратила рѣчь свою къ Лорду: развѣ вы были столь милостивы, спросила она его обыкновеннымъ своимъ насмѣшливымъ голосомъ, что помогали Мисъ Анвилѣ искать книги?

Съ великимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ онъ, стараясь шутить, и надѣюсь, что не долго оныхъ искать будемъ.

Вы слишкомъ снисходительны, Милордъ, и оное бы было дерзко заставить васъ терять время. Потомъ оборотясь къ окошку, взяла книги, коихъ требовала, и подавъ намъ обѣимъ по части, продолжала: вотъ, такимъ образомъ комисія моя всѣхъ насъ троихъ

займетъ, и мы весьма будемъ сходствовать на слугъ ночнаго барабана; она вышла взглянувъ на насъ весьма выразительно.

Мнѣ бы должно было ей послѣдовать, но Милордъ Орвиль просилъ меня остаться; ибо, говорилъ онъ, имѣетъ весьма много важныхъ вещей мнѣ сообщить. — Нѣтъ, Милордъ, отвѣчала я, мнѣ надлежитъ васъ оставить; ахъ! и такъ уже слишкомъ долго пребывала. — Не уже ли такъ скоро сожалѣете о милостяхъ, мнѣ вами оказанныхъ? — Милордъ, не знаю уже, что дѣлаю; я совсѣмъ внѣ себя. — Одинъ часъ разговора испровергнетъ всѣ ваши безпокойствія, и утвердитъ мое благополучіе. Когда могу надѣяться, Мисъ, увидѣться съ вами безъ свидѣтелей? Будете ли вы завтра поутру на гуляньѣ? — Нѣтъ, Милордъ, не хочу въ другой разъ подвергать себя упреку, что обѣщала свиданіе. — Развѣ одного Г. Макартнея удостоиваете сею милостію? — Г. Макартней бѣденъ, и онъ отъ меня имѣетъ одолженіе, такъ онъ по крайней мѣрѣ думаетъ, безъ чего бы .... Бѣдность, правду сказать, не могу себѣ приписать; но ежели можно назвать достоинствомъ быть вамъ *обязану*, болѣе права имѣю, нежели надобно, для истребованія отъ васъ свиданія наединѣ.

Милордъ, мнѣ не возможно пребыть долѣе съ вами. Что о томъ скажетъ Гжа. Сельвинъ?

Не лишайте ее удовольствія дѣлать свои *заключенія*; — но скажите мнѣ, пожалуйте, развѣ вы подъ ея предводительствомъ? — Такъ, на теперешнее время. — Я тысячу вопросовъ имѣю вамъ учинить, но особливо одинъ для меня нуженъ. Мисъ Анвиль отъ одной ли себя зависитъ, или есть такой на свѣтѣ человѣкъ, котораго я долженъ стараться получить согласіе? — Ахъ, Милордъ! сама почти не знаю, кому я принадлежу. — Позвольте же мнѣ поспѣшить той минутой, въ которую долженъ опровергнуть сіи сумнѣнія; минуту, въ которую будете принадлежать одному вѣрному Орвилю.

Еще вновь старалась я прервать сей разговоръ и ушла въ свою комнату. Въ крайнемъ волненіи духа не могла на глаза показаться къ Гжѣ. Сельвинѣ. Какое приключеніе, любезной мой государь! завтрашнее свиданіе не можетъ болѣе меня тронуть. — Бывши любима Милордомъ Орвилемъ! — имѣть честь быть избранною такимъ сердцемъ, какъ его, — о! щастіе сіе для меня слишкомъ велико; плакала отъ радости; проливала теплыя слезы.

Въ семъ щастливомъ смятеніи ожидала я полдника. Надлежало сходить, и къ вели-

кому моему удовольствію нашла залу, наполненную людьми; менѣе примѣтно было мое смятеніе.

Играли до самаго ужина; Милордъ Орвиль воспользовался симъ времянемъ для особливаго со мной разговора.

Онъ примѣтилъ, что у меня глаза были красны, и просилъ сказать тому причину; когда призналась ему въ своей слабости, слезы готовы были опять проливаться, сколь онъ наполнялъ благосклонности въ выраженіяхъ своея благодарности. — Хотѣлъ также узнать, не можетъ ли отъѣздъ мой быть отсроченъ? Я отвѣчала, что нѣтъ, и тогда просилъ позволенія слѣдовать за мною въ городъ. — Что осмѣливаетесь вы предлагать, Милордъ? Такъ, я хочу, чтобы связь наша была извѣстна, какъ можно скорѣе; я обязанъ симъ вниманіемъ вашей нѣжности, и общество увидитъ по крайней мѣрѣ, что вы не для того были сотворены, чтобы терпѣть обожателей недостойныхъ васъ. — И такъ мнѣ бы надлежало подвергнуть себя вновь пререканіямъ сего самаго общества, ежели я соглашусь на вашу прозьбу. — Развѣ несправедливо мнѣ спѣшить той минутой, въ которую сумнѣнія, пристойности не будутъ уже болѣе противиться нашему соединенію, въ которую мнѣ позволе-

но будетъ быть вашимъ навсегда и никогда съ вами не разставаться?

Я ничего не отвѣчала на сіе разсужденіе; а Милордъ Орвиль повторялъ мнѣ, сколько онъ желаетъ быть съ нами спутникомъ. Чего вы требуете, Милордъ, есть совсѣмъ не возможно и даже не въ моей власти. Дорога, кою предпринимаю, лишитъ меня вѣроятно вольности поступать по собственному моему желанію. — Для меня не очень ясно то, что вы чрезъ сіе разумѣете. — Теперь не могу лучше изъяснить; къ томужъ трудъ былъ бы слишкомъ тягостенъ. — Долго ли будете сохранять, наилюбезнѣйшая Мисъ, сію жестокую скромность? Когда начнете удостоивать меня довѣрчивостію, кою мнѣ обѣщали? — Будьте увѣрены, Милордъ, что скромность моя не есть принужденная; дѣла мои суть въ положеніи самомъ смутномъ; повѣствованіе оныхъ длинно и плачевно. Однако же, Милордъ, ежели краткая отсрочка можетъ вамъ принесть трудъ . . . Извините нетерпѣніе мое; вы мнѣ ничего не скажете того, что желаете утаить; буду спокойно ожидать вашей довѣренности: однако же надѣюсь на вашу благость, что вы не долго меня заставите страдать. — Я не думаю, Милордъ, скрывать отъ васъ

своихъ тайностей, только должно отложить сіе изъясненіе.

Милордъ Орвиль увидѣвъ, что рѣшилась отказать ему позволеніе слѣдовать за мною въ Лондонъ, просилъ по крайней мѣрѣ согласиться на то, чтобы онъ ко мнѣ писалъ. Онъ продолжалъ, что льститъ себя надеждою, что удостою въ отвѣтѣ на его письма хотя однимъ словомъ.

Воспоминовеніе двухъ прежнихъ писемъ тотчасъ рѣшило отвѣтъ, которой состоялъ въ отрицаніи сей малой переписки.

Ежели бы не страшился прослыть высокомысленнымъ, признался бы я вамъ Мисъ, что никогда не могъ воображать себѣ, чтобы сіе предложеніе вамъ противно было. Я считалъ, что оное намъ будетъ облегченіемъ къ сношенію горести отсутствія.

Я удивилась важному голосу сего примѣчанія. И можете ли вы требовать, отвѣчала я, чтобы я была столь вѣтрена, подвергая себя писать къ вамъ въ другой разъ? — Въ другой разъ! вы меня удивляете. — Развѣ вы такъ скоро забыли то глупое письмо, кое имѣла я неосторожность послать вамъ въ послѣднее мое въ Лондонѣ пребываніе — Ни малаго понятія о томъ не имѣю, что все сіе значитъ. — Лучше, Милордъ, пресѣчь сей разговоръ. — Нѣтъ,

нѣтъ, никакъ не возможно, и до тѣхъ поръ не буду спокоенъ, пока не изъясните мнѣ сей тайны. — Дѣйствительно онъ меня такъ убѣдилъ, что наконецъ я ему сообщила о произшествіи сихъ двухъ писемъ. Вообразите же удивленіе мое, государь мой, когда онъ меня увѣрялъ самымъ твердымъ образомъ, что вмѣсто того, чтобы когда либо писалъ ко мнѣ хотя строку, но даже не видывалъ и не получалъ отъ меня никакого письма.

Странное сіе открытіе занимало насъ обѣихъ во весь вечеръ. Я обѣщала показать Милорду Орвилю письмо, подписанное ко мнѣ отъ его имяни; оное можетъ ему послужить къ узнанію сочинителя.

Послѣ ужина разговоръ былъ общей. Не правда ли, любезной мой государь, что вы меня поздравляете чистосердечно съ приключеніями сего благополучнаго дня? Я оной всегда буду вспоминать съ радостію и благодарностію Я знаю, что Милордъ Орвиль состоитъ у васъ въ добромъ расположеніи; вы о немъ хорошаго мнѣнія: и такъ надѣюсь, что вы не похулите откровенное поведеніе, кое я съ нимъ имѣла. Слѣдственно, что выборъ вашей Евелины получитъ соизволеніе лучшаго ея друга; единственное сіе желаніе остается ей дѣлать.

Думаю впрочемъ, что избавилась тѣмъ всѣхъ упрековъ; соединеніе мое съ Милордомъ дѣлаетъ честь тѣмъ, кому я принадлежу, или можетъ быть въ послѣдствіи принадлежать буду. Прощайте, любезной мой государь! я буду къ вамъ писать, какъ скоро пріѣду въ Лондонъ.

ПИСЬМО LXIII.

Отъ нея къ нему же.

Я ошиблась, любезной мой государь, увѣдомивъ васъ, что не буду уже болѣе къ вамъ писать изъ Клифтона; отъѣздъ нашъ отсроченъ, не знаю до котораго времени. Я увидѣла сегодня Милорда Орвиля за завтракомъ; онъ просилъ позволенія переговорить со мною до моего отъѣзда, и чтобъ я согласилась свидѣться съ нимъ въ саду. Я ничего на то не отвѣчала; но можетъ быть изъ глазъ моихъ примѣтилъ, что не противилась сему намѣренію. Мнѣ нужно было узнать яснѣе о письмѣ; и такъ я какъ можно скорѣе ушла въ свою комнату и поспѣшно одѣлась; но не вошедъ еще въ свою комнату, услышала, что Гжа. Селвинъ мнѣ кричала съ низу: Мисъ Анвиль! ежели вы

идете гулять, я буду тамъ товарищемъ: скажите пожалуйте Женни, чтобы она принесла мою шляпу.

Для избѣжанія сея перечности я ушла въ переднюю, ни кѣмъ не будучи видима, гдѣ расположилась ожидать спокойно до тѣхъ поръ, пока Гжа. Селвинъ перемѣнитъ сіе свое намѣреніе; но въ томъ худо успѣла, ибо Сиръ Клементъ воспрепятствовалъ оному. Въ самое то время, какъ онъ вошелъ, я держала въ рукахъ письмо, которое несла показать Милорду Орвилю: но оплошностію своею его уронила, а Сиръ Клементъ, будучи проворнѣе меня, поднялъ оное, и хотѣлъ-было уже отдать мнѣ его, но по нещастію примѣтилъ подпись, и громко прочиталъ имя Орвилево. Разсердившись за сію дерзость, я хотѣла вырвать у него письмо; но онъ былъ столь смѣлъ, что въ томъ отказалъ, и примѣтивъ, что я онаго требую съ горячностію, осмѣлился мнѣ сказать: *Боже мой! Мисъ Анвилъ, возможно ли, чтобы вы за столь драгоцѣнную вещь поставляли сію грамотку?*

Сіе глупое произнесеніе правда не стоило отвѣта, но Сиръ Клементъ симъ еще

не удовольствовался; онъ хотѣлъ спрятать письмо, и тогда я ему дала почувствовать, что неотмѣнно требую оное мнѣ возвратить. Скажите же мнѣ сперва, получали ли вы послѣ сего письма другія отъ той же особы? — Нѣтъ, никогда. — И обѣщаете ли вы мнѣ, Мисъ, что впредь не будете отъ него никакихъ принимать? Одно сіе слово, любезная моя, и я буду самой щастливѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ. — Государь мой, вы мнѣ должны тотчасъ возвратить письмо. — Какъ! не уничтоживъ моихъ сумнѣній, не выведя меня изъ жестокой неизвѣстности, въ которой вы меня видите? По крайней мѣрѣ я напередъ узнаю, подлинно ли правда то, что скверной Орвиль болѣе къ вамъ не писалъ, какъ сей разъ. — А какое вы право имѣете предписывать мнѣ договоры? — Сколько безпокойствія, любезная моя, отъ сего пропастнаго письма! по истиннѣ стоитъ ли оно труда, чтобы вы огорчались хотя минуту? — Но еще повторяю, государь мой, оное мнѣ принадлежитъ, и я хочу однажды навсегда.... — И такъ я долженъ изъ сего заключить, что содержаніе онаго заслуживаетъ все ваше презрѣніе, и только важно по имяни сочинителя.

Какъ, Сиръ Клементъ? — Вы осмѣливаетесь! — подозрѣніи! — Пожалуйте, Мисъ, вы краснѣете, безпокоитесь. — О Небо! возможно ли, чтобы страхи мои были справедливы? — Не знаю, государь мой, что вы чрезъ то разумѣете; но прошу васъ неотступно возвратить мнѣ письмо и не много себя умѣрить. — Письмо! божусь, что вы болѣе онаго не увидите; оное надлежало сжечь въ самое то время, какъ оное получили; и тотчасъ разодралъ скрежетая зубами.

Я пришла въ изумленіе отъ крайностей сего бѣшенаго, и хотѣла-было отъ него уйти; но онъ меня удержалъ за платье. Нѣтъ, вскричалъ онъ, вы не уйдете; я не вовсе безъ ума, и вы должны докончить то, что начали. Милордъ Орвиль извѣстенъ ли о вашихъ чувствіяхъ? Отвѣчайте, скажите да, и я обѣщаю удалиться отъ васъ на вѣкъ. — Ради Бога, пустите меня, Сиръ Клементъ; вы меня принуждаете позвать къ себѣ на помощь. — О! требуйте, требуйте оной, жестокая! вамъ потребны свидѣтели вашего торжества, пусть придутъ! но вы можете собрать сюда цѣлой свѣтъ, однакожъ я отъ васъ не отступлю, пока отвѣту не дадите. Еще разъ,

Орвиль знаетъ ли, что вы его любите? — Во всякое другое время сей столь грубой вопросъ меня смутилъ бы; но въ сію минуту оной меня укротилъ, и я удовольствовалась отвѣчать на наглости Сира Клемента, что впредь можетъ быть могу удовлетворить его любопытству, но теперь прошу его меня оставить. — Довольно сего, возразилъ онъ, я васъ разумѣю: обманъ Орвилевъ превозмогъ, я обманулся въ его хладнокровіи, и вы его сдѣлали самымъ щастливѣйщимъ человѣкомъ. — Еще слово, и окончу. — Обѣщалъ ли онъ на васъ жениться? — Извергъ! дерзской сей вопросъ заставилъ меня покраснѣть отъ негодованія, и имѣла довольно гордости не отвѣчать.

Теперь ясно понимаю! вскричалъ онъ, я на вѣкъ пропалъ. Выговоря сіи слова, ударилъ себя по лбу, и ходилъ по комнатѣ большими шагами въ чрезвычайномъ волненіи. Я въ то время властна была уйти, но не имѣла духа; нѣкое дѣйствіе сожалѣнія меня удержало, и въ самую сію минуту вошла Гжа. Бомонъ, за нею Лади Луиза.

Извините, сказала первая изъ нихъ, что заставила васъ дожидаться; но... Она еще не успѣла окончить рѣчь, Сиръ Клементъ, будучи слишкомъ смущенъ и не знавъ, что дѣлаетъ,

схватилъ шляпу и ушолъ скоропостижно, не сказавъ никому ни слова.

Я о немъ пожалѣла; однако надѣюсь, и желаю съ нимъ такъ скоро не увидѣться. Но что должна я думать, любезной мой государь, о странныхъ его рѣчахъ касающихся до письма? Не можно ли сказать, что онъ самъ того сочинитель? Какъ бы онъ могъ иначе узнать, что оно содержанія столь гнуснаго? Къ тому же, кромѣ Сира Клемента никого не знаю изъ земнородныхъ, кто бы могъ стараться получить пользу отъ сего обмана. Также помню, что онъ въ самое то время прошелъ мимо дверей, какъ я отдала свое письмо домашней дѣвкѣ; слѣдственно онъ ее подкупилъ, дабы она ему оное отдала, и потомъ доставила бы мнѣ свойскій отъ него отвѣтъ. Единственное сіе только понятіе могу дать о семъ дѣлѣ. О Сирѣ Клементѣ! ежели бы ты уже самъ собою не былъ столь нещастливъ, какъ бы возможно было простить такое ухищреніе, которое было для меня источникомъ огорченій?

Поспѣшной его отъѣздъ причинилъ всеобщее удивленіе. Вотъ поступокъ самой странной! сказала Гжа. Бомонъ. По истиннѣ, продолжала Лади Луиза, я ничего сему подобнаго не видывала — оное страшно, —

этотъ человѣкъ съ ума сшелъ — онъ меня испугалъ!

Сіи госпожи неумолкно объ немъ говоря, пошли въ садъ прогуливаться, а я прямо вошла въ гостиную комнату, куды тотчасъ ввели Г. Макартнея, которой спрашивалъ Милорда Орвиля: онъ весьма обрадовался, нашедъ меня одну, и признался, что только для того употребилъ сей предлогъ, чтобъ чрезъ то получить случай къ разговору со мною.

Тотчасъ спросила я его, видѣлъ ли онъ отца своего? — Такъ, государыня моя, я считаю за долгъ извѣстить васъ о нашемъ свиданіи. Ни мало не оказывалъ противности къ признанію меня, какъ скоро прочелъ письмо моей матери. — Боже мой! какое сходствіе между нашихъ положеній! Да принялъ ли онъ васъ милостиво? — Не долженъ былъ тѣмъ льститься послѣ нещастнаго приключенія, которое выгнало меня изъ Парижа. — А дочь его, видѣли ли вы ее? — Нѣтъ, государыня моя, сіе утѣшеніе было мнѣ отказано — Какая тому причина, скажите, пожалуйте? — Можетъ быть отъ основательности, можетъ быть остатокъ сердца, которой отецъ мой содержитъ отъ обиды имъ полученной. Я просилъ единаго

позволенія представить меня предъ дочь его подъ имянемъ брата; осмѣлиться называть ее нѣжнымъ имянемъ сестры; но не могъ получить сего удовольствія. *У тебя нѣтъ сестры*, сказалъ мнѣ Сиръ Жонъ, *ты долженъ даже забыть, что она есть на свѣтѣ;* приказъ суровой и трудной къ исполненію! — Нѣтъ, у васъ есть сестра, я вамъ за то отвѣчаю, вскричала я съ движеніемъ, коего не имѣла силы удержать; сестра, которая принимаетъ великое участіе во всемъ до васъ касающемся, и которая только лишена случаевъ къ доказанію вамъ своей дружбы и почтенія. — Что все сіе значитъ, милостивая государыня моя? изъясните, пожалуйте, покорнѣйше прошу? — Истинное мое имя не есть Анвиль; Сиръ Жонъ Бельмонтъ есть мой отецъ, а я ваша сестра. Чрезъ сіе можете узнать, не должны ли мы имѣть другъ ко другу естественную привязанность. Не одна связь горячести насъ сопрягаетъ, также и кровь насъ связываетъ. Уже чувствую къ вамъ всю любовь сродную сестрѣ; можетъ быть уже оную чувствовала прежде, нежели знала, что вамъ принадлежу. Но братъ мой, любезной братъ, вы мнѣ не отвѣчаете! Не колеблетесь ли вы меня признать? — Истинно не могу опомниться отъ удивленія; все, что ни слышу, ка-

жется мнѣ сномъ. — Какъ! я васъ нахожу братомъ, а вы не хотите.... Онъ схватилъ мою къ нему обращенную руку: ахъ! позвольте мнѣ лучше спросить, возможно ли, чтобы вы меня удостоили признать? меня, сего незнакомаго, сего нещастнаго, которой не имѣлъ иной помощи, какъ вашу щедрость, меня, спасеннаго отъ погибели единымъ вашимъ благодѣяніемъ? О! государыня моя, возможно ли вамъ не стыдясь согласиться признать сего же самаго человѣка братомъ? — Такъ ли должно вамъ говорить съ сестрою? Развѣ мы не должны взаимныя одолженія исполнять? и развѣ вы мнѣ не позволите надѣяться отъ васъ всѣхъ услугъ, которыя въ состояніи мнѣ оказать? Но прежде всего скажите мнѣ, гдѣ вы оставили нашего отца? — Онъ здѣсь у водъ со вчерашняго утра.

Я бы далѣе распространила сіи вопросы, ежели бы Милордъ Орвиль не пришолъ. Онъ нѣсколько удивился, нашедъ меня одну съ Г. Макартнеемъ, и конечно бы удалился, ежели бы я его не просила войти.

Мы глядѣли другъ на друга не говоря ни слова, и думаю, что каждой изъ насъ былъ нѣсколько смущенъ. Г. Макартней наконецъ прервалъ молчаніе, и извинялся предъ Милордомъ Орвилемъ, что осмѣлился упо-

требить его имя. Лордъ принялъ привѣтствіе сіе весьма холодно, не разсудивъ за благо на то отвѣчать. Г. Макартней отъ насъ удалился. Не я ли сократилъ посѣщеніе Г. Макартнея? сказалъ Милордъ Орвиль. — Никакъ нѣтъ, Милордъ. — Я надѣялся найти Мисъ Анвиль въ саду, но не зналъ, что она другими обязательствами занята. — Не успѣла еще на то отвѣчать, какъ человѣкъ пришолъ мнѣ сказать, что почтовая коляска готова и Гжа. Селвинъ меня дожидается. Я велѣла ей сказать, что тотчасъ къ ней приду, и дѣйствительно хотѣла итти; но Милордъ Орвиль удержалъ меня поспѣшно: такимъ ли образомъ, Мисъ Анвиль, вы меня покидаете? — Что же мнѣ дѣлать, Милордъ! можетъ быть удобнѣе сего случай. . . . Нѣтъ, государыня моя, это несносно тяжело, не смотря на все хладнокровіе моей философіи. Гдѣ же я найду сей прекрасной случай, къ которому вы мнѣ подаете надежду? Коляска развѣ уже не у крыльца? Развѣ уже вы не на отъѣздѣ? я даже не знаю, куда вы отъѣзжаете. — Успокойтесь, Милордъ, отъѣздъ мой будетъ отсроченъ; Г. Макартней объявилъ мнѣ такія вѣсти, которыя содѣлываютъ оной безполезнымъ. — Г. Макартней, кажет-

ся мнѣ, имѣетъ надъ вами великую власть; но ежели не ошибаюсь, онъ весьма молодъ быть вашимъ совѣтчикомъ. — Возможно ли, Милордъ, чтобы Г. Макартней причинялъ вамъ хотя малѣйшее подозрѣніе? — Признаю и удивляюсь, любезная Мисъ Анвиль, непорочности вашихъ чувствій. Сердце ваше превозвышено надъ всемъ тѣмъ, что называется хитрость; оно даже не познаетъ сумнѣній. Почитаю я, чтобы то было нанесеніемъ для васъ, также и для меня самаго ругательства, естьлибъ хотя минуту усумниться о сей благости, которая привлекла навсегда къ вамъ мое почтеніе. И не взирая на то, простите ли вы мнѣ, ежели признаюсь, что нѣсколько удивляюсь, можетъ быть также тревожусь частыми посѣщеніями молодаго человѣка въ лѣты Г. Макартнея. — Милордъ, мнѣ легко оправдаться; этотъ Г. Макартней есть мой братъ. — Вашъ братъ! вы меня удивляете! что же за странная причина вамъ таить ваше съ нимъ родство? Въ самое сіе время вошла Гжа. Селвина. А! и вы здѣсь, вскричала она; Милордъ не старается ли къ пріуготовленію отъѣзда вашего, — или лучше сказать, не помогаетъ ли онъ вамъ къ замедленію онаго? — Весьмабъ щастливымъ себя считалъ, государыня моя, ежелибъ заме-

дленіе сіе отъ меня зависѣло. Потомъ извѣстила я Гжу. Селвину о вѣстяхъ, кои мнѣ принесъ Г. Макартней: тотчасъ велѣли отпустить почтовую коляску, и я послѣдовала за Гжею. Селвиною въ ея комнату, гдѣ мы разсуждали о средствѣ, какое оставалось намъ принять. Чрезъ нѣсколько минутъ другъ мой рѣшился; она написала слѣдующую записку.

Сиру Жону Бельмонту,
Баронету.

Гжа. Селвинъ приноситъ свое почтеніе Сиръ Жону Бельмонту, и проситъ его дозволить ей краткое свиданіе сегодня по утру, въ которомъ имѣетъ она ему сообщить дѣло крайней важности.

Она приказала лакею своему отнесть сіе письмо по надписи; потомъ сама пошла къ Гжѣ. Бомонѣ извѣстить ее, что отъѣздъ нашъ отсроченъ.

Отвѣтъ Сира Бельмонта принесли весьма скоро; посѣщеніе Гжи. Селвины было принято въ самое то же утро. — Она бы желала, чтобы и я немедленно съ нею ѣхала, но я ее просила избавить меня смущенія отъ свиданія столь мало предуготовленнаго. Она на то не инако со-

гласилась какъ съ сожалѣніемъ, и рѣшилась наконецъ ѣхать одна съ лакеемъ.

Отсутствіе ея не продолжалось двухъ часовъ; тысячу заключеній, тысячу страховъ происходили въ моемъ разумѣ. Я пребывала одна въ своей комнатѣ; смятеніе, въ коемъ находилась, не позволяло мнѣ ни съ кѣмъ видѣться, даже съ Милордомъ Орвилемъ. Какъ скоро увидѣла я Гжу. Сельвину изъ окна, тотчасъ побѣжала къ ней на встрѣчу, и мы съ ней пошли въ беседку.

Неудовольствіе, кое я примѣчала въ ея лицѣ, не предвѣщало мнѣ ничего добраго о успѣхѣ ея предпріятія. Молчаніе ея еще болѣе умножало мое сумнѣніе, и я спросила ее дрожащимъ голосомъ, могу ли я льститься, что нашла отца? — Ахъ! нѣтъ, любезная моя, отвѣчала она мнѣ твердодушно. — И такъ, государыня моя, возразила я съ спокойнымъ духомъ, поѣдемъ-те не мѣшкавъ: — вы меня сопроводите въ Беррихиль; тамъ по крайней мѣрѣ я увѣрена буду найти отца, которой меня приметъ.

Какъ скоро мы немного опамятовались отъ нашего изумленія, Гжа. Селвинъ согласилась объявить мнѣ о произшествіи ея свиданія; и хотя она употребляла въ повѣ-

ствованіи своемъ всю живость, вамъ довольно извѣстную, попробую и я однако же, государь мой, донесть вамъ подробности слова отъ слова.

Я нашла, сказала она мнѣ, Сиръ Жона Белмонта одного въ своей комнатѣ: онъ принялъ меня со всевозможною учтивостію. Ни мало не мѣшкавъ обьявила ему причину моего посѣщенія; но какъ скоро оное услышалъ отъ меня, то тотчасъ спросилъ меня напряженнымъ голосомъ, какъ я могла принять на себя возобновить сію старинную и странную исторію? — Я дала ему почувствовать, что слово *странно* здѣсь совсѣмъ не у мѣста, и что оно должно удивлять всѣхъ знающихъ о ужасныхъ приключеніяхъ сей *старинной исторіи*, о которой онъ говорилъ съ толикою легкостію: „ дѣянія, „ продолжала я, кои намѣреваюсь вамъ, государь мой, напомнить, достойныбъ были провозгласиться только въ жестокихъ свойствахъ Нерона и Калигулы. „ Онъ старался многократно обратить внушенія мои въ насмѣшку; но я продолжала представлять ему со всевозможною твердостію чрезвычайное его преступленіе; укоризны мои жестоко его пронзили, и онъ вскричалъ съ толикою же горячностію, какъ и нетерпѣніемъ! — *Перестаньте! государыня моя, я не*

имѣю нужды ни въ чьихъ совѣтахъ въ слѣдующемъ дѣлѣ. — Исправьте же вину вашу, ибо вы въ томъ властны. Дочь ваша не далеко отсюда, она живетъ въ Клифтонѣ; велите ей предъ себя предстать; признайте предъ всемъ свѣтомъ законное ея рожденіе, и оправдайте чрезъ то славу супруги, слишкомъ долго раздраженной. — Государыня моя, отвѣчалъ онъ мнѣ; вы ошибаетесь, ежели думаете, что я ожидалъ чести вашего посѣщенія для исполненія поправленія, коимъ обязанъ я памяти сей нещастной госпожи; дитя ея было предметомъ моего попеченія съ самаго его младенчества; я принялъ ее въ мой домъ; она несетъ мое имя и будетъ единою моею наслѣдницею. Сіе повѣствованіе казалось для меня сперва слишкомъ глупо и не заслуживающее никакого важнаго примѣчанія; но Сиръ Бельмонтъ увѣрялъ твердо, что меня обманули, ибо де таже самая женщина, которая ходила за Лади Бельмонтою въ послѣднюю ея болѣзнь, привезла дочь ея въ Лондонъ, и ему ее вручила прежде году ея возраста. Въ самое сіе время, продолжалъ онъ, я весьма не склоненъ былъ къ утвержденію слуха произшедшаго о моей женидьбѣ; и такъ я отправилъ дочь мою во Францію, и далъ ей въ надзирательницы женщину, которая

ко мнѣ ее привезла. Какъ скоро ребенокъ сей пришелъ въ возрастъ, то отдалъ ее въ монастырь, гдѣ она воспитывалась по своему состоянію; нынѣ изъ онаго ее взялъ, и теперь живетъ въ моемъ домѣ, гдѣ пользуется званіемъ и правами законнорожденнаго дитяти. Такимъ образомъ считаю, что исправилъ учиненную обиду ея матери; думаю, что оное довольно для меня тяжело было. Повѣствованіе сіе казалось для меня пустословнымъ, и ни мало не постыдилась сказать Сиру Бельмонту, что ничему не вѣрю. Онъ позвонилъ, чтобъ позвать своего парикмахера, и извинялся въ томъ, что принужденъ меня оставить; но просилъ меня пріѣхать завтра поутру, тогда онъ меня познакомитъ съ Мисъ Бельмонтою, вмѣсто того, чтобы мнѣ брать на себя трудъ ему оную представлять. Я встала въ великомъ негодованіи на него, и уѣзжая, сказала ему, что не премину содѣлать поступокъ его столь явнымъ предъ всемъ обществомъ, сколь оной безчестенъ.

Вотъ что мнѣ сказала Гжа. Селвинъ. Разсудите, какое дѣйствіе оное во мнѣ произвело! Совсѣмъ ничего не разумѣю. Какъ! сія Мисъ Бельмонтъ, которую я видѣла въ Бристолѣ, слыветъ дочерью нещастной моей матери? Она занимаетъ мѣсто при-

надлежащее вашей Евелинѣ! кто она такова можетъ быть, и на чемъ основываютъ сей обманъ! Гжа. Селвинъ окончивъ сей разговоръ, оставила меня на мои размышленія. Вы представить себѣ можете ясно, государь мой, что оныя не самыя веселыя были. Слушала со вниманіемъ повѣствованіе, весьма меня опечалившее; какъ скоро осталась одна, мнѣніе, быть столь жестоко отринутой, представилось разуму моему во всей своей силѣ.

Я пребывала въ семъ грусномъ положеніи, какъ вдругъ голосъ Милорда Орвиля вывелъ меня изъ размышленія: „Позволено ли „мнѣ войти, сказалъ онъ, не обезпокоивъ Мисъ Анвиль? „ Я въ томъ не противилась; онъ сѣлъ возлѣ меня. Страшусь, Мисъ, продолжалъ онъ, чтобы вы меня не обвинили докучливымъ; но я имѣю столько вещей вамъ сказать, столько у васъ ихъ спросить, и столь мало случаевъ видѣть васъ одну, что вы не должны ни удивляться, ни обижаться поспѣшностію, съ коею всѣми минутами воспользоваться стараюсь. Вы печальны, Мисъ, продолжалъ онъ, взявъ мою руку; не сожалѣете ли вы объ отсрочкѣ вашего отъѣзда? Надѣюсь, что нѣтъ, и осмѣливаюсь льститься, что то, что для меня есть источни-

комъ радости, не можетъ для васъ быть огорченіемъ. — Но что же съ вами сдѣлалось? вы такъ задумчивы; не огорчаетъ ли васъ что? Для чего не въ состояніи я васъ утѣшить! — да буду по крайней мѣрѣ достоинъ раздѣлить вашу печаль! Я весьма тронута была вѣжливостію сего поступка, которой во всей его силѣ чувствовала; не могла иначе отвѣчать Лорду, какъ слезами. Боже праведной! вскричалъ онъ, вы меня безпокоите; сдѣлайте милость, любезной мой другъ, не скрывайте отъ меня болѣе причину вашей печали; позвольте мнѣ оную съ вами раздѣлить. Успокойте меня, прошу васъ; скажите по крайней мѣрѣ, что вы меня не лишили вашей довѣренности, что вы не сожалѣете о милостяхъ, кои мнѣ оказывали, что я въ вашихъ глазахъ тотъ же самой Орвиль, коему вы позволили принесть вамъ въ жертву свое сердце.

Милордъ, отвѣчала я, великодушіе ваше меня восхищаетъ. Сама плакала я какъ ребенокъ. Надежда оставawшаяся мнѣ въ разсужденіи отца моего, будучи совсѣмъ опровергнута, тогда чувствовала я еще болѣе, сколь привязанность Лордова была безкорыстна, а размышленіе сіе было новымъ ударомъ моему сердцу. Милордъ продол-

жала я, какъ скоро была въ состояніи говорить, вы не знаете, на кого выборъ вашъ палъ. Сирота съ младенчества, я завишу отъ благодѣяній друга, которой сдѣлалъ милость пещись о моей бѣдности; соболѣзнованію его обязана я даже пропитаніемъ. Я отринута, не признана тѣми, коимъ ближе всѣхъ принадлежу: въ такихъ обстоятельствахъ Милордъ, могу ли льститься отличіемъ, коимъ меня удостоиваете! Нѣтъ, нѣтъ, съ великимъ сердца сокрушеніемъ чувствую безпредѣльное различіе между нами. Вы должны меня предать нещастной моей судьбинѣ; я должна обратиться въ прежнюю неизвѣстность; прибѣгну опять къ другу, лучшему другу, единому моему другу, и пролію печаль свою предъ нимъ. — Не имѣла силы окончить; сердце мое страшилось приговора, которой должна была противъ себя произнесть, и языкъ онѣмѣлъ.

Нѣтъ, никогда, вскричалъ Милордъ Орвиль съ жаромъ; сердце мое вамъ принадлежитъ, и клянусь вамъ вѣчною привязанностію. Послѣ всего вами мнѣ сказаннаго, государыня моя, долженъ я ожидать повѣствованія самаго плачевнаго о бѣдствіяхъ, вами претерпѣнныхъ; я къ тому уже готовъ; но также и въ томъ увѣренъ, что каковы бы ни были ваши нещастія, ни одно-

то сами собой не заслужили: Такъ, Мисъ Анвиль, нещастія ваши учиняютъ васъ еще дороже моему сердцу. Могу ли узнать, гдѣ найду сего великодушнаго друга, котораго вы научили меня почитать добродѣтели? прибѣгну къ нему, буду просить его согласія на наше соединеніе, и неразрывная связь соединитъ немедленно нашу судьбу; единое мое стараніе будетъ состоять въ томъ, дабы заставить васъ забыть прошедшія бѣдствія, отмстить за васъ неправедной судьбѣ.

Я располагалась отвѣчать Лорду, какъ вдругъ увидѣла Гжу. Сельвину, которая вѣроятно слышала большую часть нашего разговора. Такъ! любезная моя, сказала она мнѣ; мы не оставляемъ своего деревенскаго вкуса; я считала, что вы уже давно оставили сіе уединенное убѣжище, и искала васъ по всему дому. — Но теперь понимаю: лучшей способъ васъ найти, только спросить, гдѣ Милордъ Орвиль. Да не препятствую впрочемъ вашимъ совѣтованіямъ; вы конечно сочиняли какую нибудь пастушескую пѣсню. По окончаніи сего колкаго разговора она ушла.

Я хотѣла вытти изъ бесѣдки, но Милордъ Орвиль мнѣ въ томъ воспрепятствовалъ: позвольте, сказалъ онъ мнѣ, слѣдовать за

Гжею. Сельвиною; уже время окончить ея сумнѣнія; я буду ей говорить чистосердечно, ежели вы на то согласитесь. Я въ томъ не противилась, онъ меня и оставилъ. Я возвратилась въ свою комнату и пребыла въ оной до самаго обѣда. Послѣ того Гжа. Сельвинъ сказала, что имѣетъ до меня нужду. Какъ скоро мы находились однѣ, она мнѣ подала со всею учтивостію стулъ, просила меня сѣсть возлѣ ее, называя меня *Милади*.

Я просила ее избавить меня сего. Бѣдная невинная! возразила она, развѣ вы меня не понимаете? Намѣреніе мое есть пріучить васъ къ новому вашему титулу; оной дѣйствительно долженъ вамъ казаться новымъ, и вы можете иногда ошибиться.

Послѣ довольно долго пользовавшись моимъ смятеніемъ и давъ полную власть своимъ насмѣшкамъ, поздравила меня не шутя съ привязанностію Лорда, и увѣдомила меня, что онъ ей оказывалъ желаніе самое чистосердечное видѣть нашъ бракъ совершеннымъ какъ можно скорѣе. Она ему разсказывала всѣ приключенія моей жизни, и вмѣсто того, чтобы чрезъ то отвратиться отъ своего намѣренія, тѣмъ болѣе оказывалъ желанія поспѣшить нашимъ сопря-

женіемъ, не дожидая произведенія въ дѣйство поступка нашего въ разсужденіи моего семейства. Теперь совѣтую вамъ, продолжала Гжа. Сельвинъ, любезная моя, выттти за него какъ можно скорѣе; ничто такъ не сумнительно, какъ успѣхъ старанія нашего съ Сиромъ Бельмонтомъ; къ тому же не должно очень полагаться на молодыхъ людей въ лѣты Милорда Орвиля; въ такихъ важныхъ дѣлахъ не должно имъ оставлять время на размышленіе. — Какъ! государыня моя, вы хотите, чтобы я приписывала сію честь нечаянному чувствій его вникновенію. — Дѣлайте, что вамъ угодно; по щастію съ обѣихъ сторонъ есть не много Донъ-Кишотства, иначе бы медленность ваша могла обратиться вамъ въ величайшій вредъ. Милордъ Орвиль столь же мнѣ показался склоненъ къ любовнымъ завязкамъ, какъ будто бы родился и воспитался въ Берри-гилѣ. — Потомъ сообщила она мнѣ намѣреніе, отъ коего надѣялась получить великую пользу; оное состояло въ томъ, чтобы ѣхать съ ней вмѣсте завтра по утру къ отцу моему.

Единое мнѣніе сего свиданія меня ужаснуло; но Гжа. Сельвина представила мнѣ необходимую онаго надобность. Она считаетъ, что должно нещастное сіе дѣло до крайности

довесть, или совсѣмъ отъ онаго отстать. Справедливость ея разсужденія меня склонила, и сочла за долгъ покориться ея волѣ.

Около вечера мы прогуливались въ саду; Милордъ Орвиль не отставалъ отъ меня ни на минуту; онъ сказалъ, что наконецъ увѣдомили его о приключеніяхъ, кои я до сихъ поръ отъ него скрывала; что онъ доволенъ, будучи избавленъ сей неизвѣстности, которая его весьма терзала, но не менѣе того мучится о моемъ душевномъ спокойствіи. Также объявила я ему завтрашнее намѣреніе Гжи. Селвины, и признавалась, сколь страшилась я о произведенія онаго въ дѣйство. Онъ просилъ меня положиться въ семъ дѣлѣ на него, и предложилъ бракъ нашъ прежде сего свиданія. Я чувствительна была за сіе новое доказательство его великодушія, но дала ему примѣтить, что въ семъ дѣлѣ положусь на васъ, государь мой; къ тому же была увѣрена, что прежде нежели начинать столь важныя обязательства, вы мнѣ присовѣтуете дождаться произведенія дѣла, кое не можетъ быть долго неизвѣстнымъ; что сія предосторожность для меня нужна до тѣхъ поръ, какъ я прямо узнаю ту власть, отъ коей должна впредь зависѣть. Потомъ разго-

воръ нашъ касался до сего страшнаго свиданія, которое меня столь жестоко мучитъ, и въ послѣдствіи оное было предметомъ моего размышленія.

И такъ я приближаюсь къ сему столь давно ожиданному, столь давно желанному, столь страшному времяни, въ которомъ можно мнѣ будетъ упасть къ ногамъ отца; важное и священное имя, кое произношу съ трепетомъ. Горя усердіемъ узнать сего отца, мучусь желаніемъ любить его. О Небо! укрѣпи меня въ сіе страшное время.

ПИСЬМО LXIV.

Продолженіе письма Евелины.

Чрезвычайное волненіе, въ коемъ провела вчерашній день, препятствовало мнѣ къ вамъ писать, государь мой, такъ скоро, какъ бы оное желала; но нынѣ будучи немного спокойнѣе, стараюсь какъ можно скорѣе извѣстить лучшаго моего друга о приключеніяхъ сего дня на вѣкъ для меня замѣчательнаго.

Гжа. Селвина разсудила за благо не велѣть о себѣ докладывать. Сиръ Жонъ, сказала она мнѣ, будучи тронутъ мыслію упре-

ковъ, коихъ долженъ отъ меня ожидать, можетъ отринуть вторичное свиданіе; и такъ лучше всего намъ къ нему нечаянно пріѣхать. Главное то, чтобы онъ васъ увидѣлъ, нѣтъ нужды, отдастъ ли онъ вамъ справедливость, или нѣтъ. Мы рано поѣхали въ каретѣ Гжи. Бомоны. Милордъ Орвиль насъ туда сопроводилъ и меня оставилъ, уговаривая самыми убѣдительными выраженіями ободриться. Смятеніе мое умножалось во всю дорогу: но какъ могу изъяснить вамъ страданіе мое въ то время, какъ карета остановилась! сія одна минута страшнѣе была всего свиданія. Думаю, что меня внесли въ домъ, по крайней мѣрѣ не помню, какъ въ оной вошла; все, что знаю, есть то, что насъ ввели въ нижнюю залу. Я имѣла слабость просить у Гжи. Селвины позволенія возвратиться; увѣряла ее, что сей часъ совсѣмъ не въ состояніи снести сіе страшное свиданіе. Нѣтъ, отвѣчала она мнѣ, вы должны со мной остаться; новая отсрочка только послужитъ къ умноженію вашихъ страховъ, и ударъ, которой вы уже претерпѣли, слишкомъ тяжелъ, почему и не могу согласиться подвергнуть васъ оному вторично; потомъ велѣла о себѣ доложить.

Пришли намъ сказать, что Сиръ Бельмонтъ принужденъ былъ выѣхать за крайнею нуждою, но что немедленно возвратится. Я чувствовала себя нездоровою, а Гжа. Селвина страшась, чтобъ я не получила обморока, имѣла предосторожность отворить ближнюю комнату, и совѣтовала мнѣ въ оной пребыть до тѣхъ поръ, пока я не много оправлюсь, а она между тѣмъ уготовитъ все къ моему принятію. Перемежка сія для меня была пріятна, и я согласилась съ радостію на предложеніе Гжи Селвины. Она не успѣла затворить за мною дверь, какъ вдругъ услышала стукъ на крыльцѣ; приказы отдаваемые людямъ увѣдомили меня о пріѣздѣ Сира Бельмонта: въ первой разъ услышала *гласъ отца*! и была онымъ возмущена несказанно.

Могу вамъ въ точности, государь мой, дать отчетъ о разговорѣ его съ Гжею. Селвиною. Сиръ Бельмонтъ началъ извиненіемъ. Тѣмъ болѣе для меня досадно, сказалъ онъ ей, что заставилъ васъ дожидаться, ибо принужденъ ѣхать въ другое мѣсто; ежели имѣете какое мнѣ дать приказаніе, я очень буду радъ увидѣться съ вами въ другой разъ. — Я съ тѣмъ намѣреніемъ, государь мой, пріѣхала, чтобъ представить вамъ дочь вашу. — Весьма васъ благодарю, государы-

ня моя, за сей трудъ, но теперь только имѣлъ удовольствіе съ нею завтракать, покорной слуга, государыня моя. — Какъ же, государь мой, вы отрекаетесь ее видѣть? — Чрезмѣрно вамъ благодаренъ за желаніе, кое имѣете умножить мое семейство; но также меня извините, ежели не пользуюсь вашими услугами; у меня уже есть дочь; она имѣетъ право къ моей привязанности и въ моемъ имѣніи: не прошло еще трехъ дней, какъ имѣлъ удовольствіе найти сына; а кто знаетъ, сколько дѣтей въ послѣдствіи еще вамѣреваются на мое попеченіе отдать; но правду сказать, я доволенъ теперешнимъ моимъ семействомъ, и болѣе онаго не пріемлю. — Хотя бы у васъ была сотня дѣтей, но то, котораго Лади Бельмонтъ есть мать, заслуживаетъ отличное уваженіе, и вмѣсто того, чтобы убѣгать ея виду, вы бы должны благодарить Бога, что находите случай къ исправленію нѣкоторымъ образомъ вашего преступленія. Самую малую справедливость можете воздать блаженной памяти раздраженной супруги, признавъ ея дочь.

Съ сожалѣніемъ, государыня моя, вступаю въ разсужденіе о семъ разговорѣ; но буду о томъ говорить, ибо меня къ тому принуждаете. Будьте же извѣстны, что въ

самой сей часъ я свободенъ отъ всѣхъ укоризнъ; я призналъ вину свою, исправилъ оную; однимъ словомъ, все то сдѣлалъ, что долженъ къ отмщенію памяти нещастной супруги. Взялъ на себя старание о воспитаніи ея дочери, призналъ ее за законную свою наслѣдницу; ежели вы можете, государыня моя, показать мнѣ средства дѣйствительнѣе сихъ для исполненія долга моего и для оправданія славы покойной Лади Бельмонты, сдѣлайте милость, научите меня онымъ, и я охотно произведу ихъ въ дѣйство, каковы бы притомъ ни трудны были для моего душевнаго расположенія. Сей разговоръ по видимому прекрасенъ, но не вразумителенъ; признаюсь, что оной превосходитъ мое понятіе. Со всѣмъ тѣмъ однакожъ я не примѣчаю ничего такого, что бы могло возбранить вамъ видѣть сію молодую дѣвицу.... — И я тому не противлюсь.... Предстань же, любезная моя! вскричала она, отворя дверь, войди и покажись предъ глаза отца твоего. По произнесеніи сихъ словъ она меня вывела дрожащую изъ той комнаты, гдѣ я пребывала. Я хотѣла ей противиться, но Сиръ Бельмонтъ напередъ ко мнѣ вошелъ, и я уже была въ его присутствіи почти не примѣтивъ онаго.

Какая минута для вашей Евелины! — Я испустила невольной крикъ, и закрывъ лице обѣими руками, упала на землю безъ памяти.

Отецъ мой глядѣлъ на меня пристально, и вскричалъ голосомъ почти непонятнымъ: *Великій Боже! не уже ли Каролина моя еще на свѣтѣ!* — Гжа. Сельвина ему отвѣчала, но я не поняла, что она говорила. Сиръ Бельмонтъ обратилъ ко мнѣ свою рѣчь по нѣкоторомъ молчаніи: встань, и не страшись моего вида; — подыми голову, о ты, живой образъ нещастной моей Каролины!

Будучи тронута несказанно, привстала я и лобызала его колѣни. Такъ, такъ! вскричалъ онъ, взглянувъ на меня грознымъ видомъ; вижу, что ты ея дочь: — она живетъ, — дышетъ въ тебѣ, — вижу ее предъ собою — О! для чего она дѣйствительно не на свѣтѣ! Потомъ оттпихнулъ меня заблужденными глазами, и продолжалъ: Удались, удались! отъимите ее, государыня моя, съ глазъ моихъ долой, не въ состояніи снести ея вида; между тѣмъ вырвался изъ рукъ моихъ и убѣжалъ въ другую комнату.

Испугавшись и дрожа, я не имѣла духу его остановить; но Гжа. Селвина слѣдовала

за нимЪ и удержала его за руку; оставьте меня, сказалЪ онЪ ей, и постарайтесь о семЪ бѣдномЪ дитяти; — скажите ей, что я не варварЪ, — скажите ей, что вЪ самое сіе время желалЪ бы я претерпѣть тысячу смертей за нее: — но разумЪ мой помрачается, не вЪ состояніи болѣе ее видѣть. ОнЪ вырвался и скрылся сЪ глазЪ, какЪ вЪ бѣшенствѣ.

Не имѣла ли я причину, государь мой, ужасаться сего страшнаго свиданія? Не должна ли я была предвидѣть, что оное будетЪ столь же тяжело и соболѣзненно для отца моего, какЪ и для меня? Гжа. Селвина тотчасЪ хотѣла опять возвратиться вЪ КлифтонЪ, но я просила ее обождать не много, ибо легко случиться могло, что отецЪ мой, оправившись отЪ перваго своего взволнованія, еще допуститЪ меня кЪ себѣ. Но не имѣла сего удовольствія; СирЪ БельмонтЪ прислалЪ человѣка спросить о моемЪ здоровьѣ; также велѣлЪ сказать Гжѣ Селвинѣ, что чувствуетЪ себя весьма разстроеннымЪ, однако же надѣется имѣть честь завтра опять сЪ ней видѣться: положили, что оное свиданіе будетЪ вЪ десять часовЪ; послѣ сего мы сѣли вЪ карету: оставила домЪ сЪ сердцемЪ наполненнымЪ грусти; сіи огорчительныя слова, *не могу болѣе ее видѣть*, остались впечатлѣнны вЪ моемЪ умѣ.

зрѣніе Милорда Орвиля, которой насъ принялъ изъ кареты, уменьшило не много мою печаль. Однако не была въ состояніи извѣстить его о произшедшемъ: я просила Гжу. Селвину взять сей трудъ на себя, а сама пошла въ свою комнату. Въ оной разговаривала я съ Гжею. Клинтоною о теперешнемъ положеніи моихъ дѣлъ, и ей пришло мнѣніе, кое вдругъ истолковало жестокое забвеніе, коему я была предана. Она мнѣ сказала, что женщина, которая ходила за моею матерью въ послѣднюю ея болѣзнь, служила мнѣ кормилицею въ первые четыре мѣсяца по моемъ рожденіи; потомъ будучи отпущена, она удалилась изъ Берри-Гиля съ дочерью своею, которая меня старѣе была только шестью мѣсяцами. Гжа. Клинтонъ помнитъ, что поспѣшное ея отсутствіе показалось страннымъ во всемъ околодкѣ; но какъ уже о сей женщинѣ ничего болѣе не слышно было, ее мало по малу и забыли.

Гжа. Сельвинъ удивилась сему открытію; она согласилась съ Гжею. Клинтоною, что весьма легко быть можетъ, что отецъ мой былъ обманутъ, и что кормилица подложила собственнаго своего ребенка на мое мѣсто. Имя, которое я потомъ несла, тайна, сохраняемая о моемъ рожденіи, уединеніе, въ коемъ я жила, всѣ сіи обстоятельства

споможествовали сему обману, каковъ притомъ оной ни есть дерзокъ; однимъ словомъ, не успѣли взять сіе сумнѣніе, какъ уже оное и вѣроятнымъ казалось. — Гжа. Сельвинъ говорила, что не должно терять времяни для развѣдыванія сего заключенія; и тотчасъ послѣ обѣда она опять возвратилась къ Сиру Бельмонту съ Гжею. Клинтоною. Я ожидала въ своей комнатѣ рѣшенія сего новаго поступка; вотъ, государь мой, что я о томъ узнала.

Гжа. Селвинъ обрѣла отца моего въ великомъ волненіи; она тѣмъ начала, что извѣстила его о предметѣ, принудившемъ ее возобновить посѣщеніе ея такъ скоро; потомъ говорила ему о подозрѣніи своемъ на ту женщину, которая представила ему якобы дочь покойной Лади Бельмонты. Услышавъ сіе, прервалъ онъ ея рѣчь поспѣшно: онъ сказалъ, что оправившись отъ перьваго своего волненія, и удивившись чрезвычайному моему сходству съ покойною его супругою, мнѣніе обмана тотчасъ представилось ему; что для того велѣлъ позвать сію женщину, и разспрашивалъ ее строго; что она поблѣднѣла и казалась чрезвычайно смущенною, увѣряя однако же о невинности своей, и что дитя, кое она ему вручила, есть покойной Лади Бельмонты. Отецъ мой при-

бавилЪ кЪ тому, что сіе приключеніе приводитЪ его вЪ великое уныніе; что онЪ всегда удивлялся, находя столь мало сходства вЪ дочерЪ своей сЪ ея родителями; но никогда не сумнѢвался о праводушіи кормилицы, и не размышлялЪ о семЪ обстоятельствѢ, часто случающемся вЪ своенравствѢ природы.

Гжа. СельвинЪ просила, чтобы опять велѢли позвать сію женщину; разспрашивали ее столь же искусно, какЪ и строго; смятеніе ея было очевидно; оначасто заминалась вЪ своихЪ отвѢтахЪ; но не менѢе того утверждала, что невинна была ни вЪ какомЪ обманѢ.

О семЪ дѢлѢ легко можно удостовѢриться, сказала тогда Гжа. СелвинЪ, велите привесть Гжу. КлинтонЪ. УслышавЪ сіе имя, бѢдная нещастная перемѢнилась вЪ лицѢ и старалась убѢжать; но ей вЪ томЪ воспрепятствовали, и примѢтивЪ, что отговорки ея становились безплодны, она кинулась на колѢни прося прощенія, и во всемЪ призналась.

Вы конечно помните, любезной мой государь, женщину ГренЪ, перьвую мою кормилицу; она-то самая произвела сей скверной обманЪ. Основаніе онаго учинено сЪ разговора, которой она подслушала, и вЪ которомЪ мать моя просила васЪ о воспитаніи ея дитяти, а особливо, что еже-

ли она родитъ дочь, приложить о ней отличное стараніе, и не такъ скоро отъ себя ее отлучать. Вы въ томъ дали слово и къ тому же обѣщали матери моей, удалиться съ питомицею вашею въ деревню, ежели отецъ ея будетъ требовать усильно. Гренъ вздумала воспользоваться симъ свѣденіемъ; она не могла удержаться отъ желанія присвоить молодой своей дочерѣ имѣніе, которое столь мало уважали для меня. Она послѣдовала сему мнѣнію, и то, что ей сперва казалось преходящимъ желаніемъ, стало скоро предметомъ, къ коему она приложила прямое стараніе. Она потеряла мужа, и дочь оставалась единымъ предметомъ ея попеченія; пребываніе отца моего ей было извѣстно; она собрала, что могла, на прогоны въ пути, и распустивъ слухъ въ околодкѣ, что хочетъ поселиться въ Девонширѣ, поѣхала для исполненія своего намѣренія. — Гжа. Сельвинъ спросила ее между прочимъ, какъ она могла рѣшиться на столь смѣлое предпріятіе? Она чистосердечно отвѣчала, что не имѣла худаго намѣренія, и что обманъ сей никому не вредитъ; она думала, что сожалѣнія достойно будетъ упустить имѣніе принадлежащее законной наслѣдницѣ, и никто онымъ не воспользуется.

Намѣреніе ея совершенно исполнилось, и дѣйствительно все, казалось, ей вспомоществовало; отецъ мой ни съ кѣмъ не имѣлъ переписки въ Берри-Гилѣ; дитя скоро потомъ послали во Францію, гдѣ его воспитывали въ уединеніи; въ самое то же время существованіе мое было сокровенно; и нѣкоторой щастливой случай могъ только открыть сей совершенной обманъ.

Я здѣсь не много остановлюсь для сдѣланія нѣкоего примѣчанія, кое для меня послужило великимъ утѣшеніемъ. И тако, не отъ нечувствительности и не отъ жестокости нерадѣлъ о мнѣ отецъ мой; сіе нещастіе претерпѣвала я отъ сквернаго обмана, котораго онъ не могъ предвидѣть, и въ самое то время, какъ считала быть преданною глубочайшему забвенію, онъ мнилъ, что дочь его пользуется всѣми его милостями.

Сиръ Жонъ Бельмонтъ признается, что письмо, полученное имъ отъ Лади Говарды тому уже нѣсколько времени, весьма его смутило; онъ тотчасъ прочиталъ оное Гренѣ, а она признается, что оное было самымъ жестокимъ ударомъ, которой она претерпѣла въ семъ дѣлѣ; однако же она была столь лукава и столь смѣла, увѣривъ, что Лади Говардъ сама въ томъ обманута была. Она имѣла предосторожность прилагать отцу моему съ

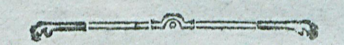
самаго начала сего обмана, что она похитила дитя безъ вашего, государь мой, вѣдома; такимъ образомъ извѣстіе о второй дочери Сира Бельмонта въ Берри-Гилѣ должно было неотмѣнно внушить въ немъ недовѣрчивость; самое зло есть то, что оная обращена была противъ тѣхъ, кои того не заслуживали; отъ сего же происходитъ коротκой отвѣтъ полученной отъ него Лади Говардою.

Гренъ призналась еще, что въ то время, какъ отъѣздъ семейства въ Англію былъ назначенъ, она считала себя пропащею; и что ей тогда инаго средства не оставалось, какъ сдѣлать сколь можно скорѣе состояніе своей дочери, что въ такомъ случаѣ она помогала стараніямъ Г. Макартнея, увѣрена будучи, что союзъ несоразмѣрной надеждѣ Мисъ Бельмонты, весьма будетъ выгоденъ для ея дочери по свѣденіи о тайнѣ ея рожденія.

Я хотѣла узнать, извѣстна ли сія молодая дѣвица о перемѣнѣ, коей она подвержена. Гжа. Селвинъ сказала мнѣ, что до сихъ поръ она ничего о томъ не знаетъ, и что ни малаго распоряженія о ея состояніи не дѣлали. Бѣдная нещастная! какъ участь ея горька! я обязана ей всей моей привя-

занностію, и всегда съ ней буду обходиться, какъ съ сестрой.

Наконецъ спросила я у Гжи Селвины, не буду ли имѣть удовольствія увидѣться съ отцемъ моимъ? Она меня совершенно въ томъ увѣрила: однако же, сказала мнѣ, Сиръ Бельмонтъ находитъ себя не въ силахъ видѣться съ вами; но препятствія сіи пройдутъ, и можетъ быть оныя уже бы миновались, ежели бы Гренъ не занимала насъ цѣлой день. Гжа Селвинъ сего дня по утру опять начала свои о семъ дѣлѣ сношенія. Я ожидаю возвращенія ея съ нетерпѣніемъ; но какъ равномѣрно я не сумнѣваюсь, чтобы вы не съ нетерпѣливостію ожидали моихъ писемъ, то отправляю письмо сіе такъ какъ оно есть, содержаніе коего не преминетъ вамъ показаться важнымъ.

ПИСЬМО LXV.

Продолженіе письма Евелины.

Съ нѣкотораго времяни, любезной мой государь, Евелина ваша ведетъ жизнь свою въ безпрестанной перемѣнѣ; каждой день становится важнѣе, и каждое приключеніе

пріуготовляетЪ другое. Гжа. СелвинЪ, по возвращеніи своемЪ вЪ КлифтонЪ, вошла сего дня поутру сЪ великою поспѣшностію вЪ мою комнату: пригоповьте себя, любезная моя, сказала она мнѣ, кЪ страшной вѣсти! АхЪ, Боже мой! что же случилось? — Вооружите себя всемЪ любомудріемЪ Берри-ГилскимЪ; — призовите себѣ на помощь всю бодрость, предавЪ себя вЪ волю судьбы со всею возможностію; — и знайте, что на будущей недѣлѣ васЪ выдаютЪ за мужЪ за Милорда Орвиля. — Вѣсть сія неожиданная привела меня вЪ чрезвычайное удивленіе, сЪ коимЪ вскричала я: о Небо! что вы говорите, государыня моя? — И дѣйствительно есть чего испугаться: здѣлаться вдругЪ Графинею, и выпти за мужЪ за человѣка, котораго обожаешь, оно-то и страшно! Я просила ее избавить меня насмѣшекЪ, и говорить со мною не шутя. Она согласилась извѣстить о произшедшемЪ; но не избавилась ея подстреканій. Бѣдной вашЪ отецЪ, сказала она мнѣ, все еще находится вЪ чрезвычайномЪ волненіи. ОнЪ говорилЪ весьма откровенно; участь обѣихЪ его дочерей равно его безпокоитЪ; онЪ страшится увидѣть ту, которую обрѣлЪ, и трепещетЪ обЪявить другой огорчительную вѣсть ея нещастія. Гжа.

Сельвинъ за благо разсудила извѣстить его о расположенiи Милорда Орвиля ко мнѣ: сiя вѣсть наполнила его радостiю; онъ на все согласенъ, даже одобряетъ поспѣшность Лордову, и охотно увидитъ бракъ нашъ совершеннымъ какъ можно скорѣе. Сиръ Бельмонтъ, продолжала Гжа. Селвинъ, заплатилъ довѣренность мою совершеннымъ вознагражденiемъ; онъ мнѣ разсказалъ любовную повѣсть Г. Макартнея, и по нѣкоторыхъ переговорахъ мы согласились, что должно помышлять о свадьбѣ обѣихъ дочерей нимало не теряя времени; и такъ, государыня моя, ежели вы любопытны прославляться имянемъ Мисъ Бельмонты, то вы не должны коснить; ибо чрезъ восемь дней о томъ и упоминать не будутъ. — Чрезъ восемь дней! — Но, государыня моя, намѣренiе сiе мнѣ кажется странно! — не спросивъ меня, — не спрося совѣту Г. Вилларса, — не узная даже и согласiя Милорда Орвиля! — Всѣ сiи препятствiя уже отвращены; ибо чѣмъ дѣло начать, васъ спросить о томъ и не думаютъ; мы уже это знаемъ, что молодая дѣвица ни руки, ни сердца не даетъ по волѣ, по видимому то разумѣется; мы къ тому же увѣрены въ Г. Вилларсѣ, онъ навѣрно вамъ истинной другъ, и можетъ ли противиться вашему благополучiю? а что ка-

сается до Милорда Орвиля, и въ томъ предупреждено уже; ибо онъ участвуетъ въ той тайнѣ. — Онъ, государыня моя! вы меня удивляете! — Такъ, безъ сумнѣнія, онъ о томъ извѣстенъ; ибо какъ скоро примѣтила я, что разсужденіе наше согласно было съ желаніемъ сего дворянина, я уговорила Сиръ Жона велѣть его позвать. — Какая мысль, государыня моя! — Сиръ Жонъ одобрилъ мое мнѣніе, и тотчасъ послалъ за нимъ лакея. Я имѣла предосторожность предупредить посланнаго, что ежели не найдутъ Милорда Орвиля въ домѣ, то должно его искать въ большой бесѣдкѣ въ саду. Это васъ приводитъ въ краску, любезная моя. Такъ! Милордъ Орвиль тотчасъ прибылъ; я представила его отцу вашему, и мы всѣ вмѣстѣ о томъ разсуждали. — Мнѣ то весьма прискорбно; что подумаетъ Милордъ Орвиль о таковой поспѣшности? Успокойтесь въ томъ, любезная моя, и положитесь на благоразуміе Милорда Орвиля. О всемъ основательно обдумано. Свадьба ваша будетъ тихая, потомъ вы поѣдете въ одно изъ помѣстьевъ вашего супруга. Мисъ ренъ и братъ вашъ, которые не имѣютъ собственнаго владѣнія, пока расположатся въ загородномъ домѣ Сира Бельмонта. — Но къ чему такая поспѣшность, любезная го-

сударыня? развѣ не льзя не много помедлить? — Я могу вамъ тысячу неоспоримыхъ причинъ сказать, но довольно и двухъ или трехъ, чемъ хочу васъ удостовѣрить, не смотря на все искуство вашего жеманства. Тѣмъ начать, что вы признаетесь, вамъ не противно будетъ оставить домъ Гжи. Бомоны, и въ такомъ случаѣ инаго не остается выбирать, какъ домъ Милорда Орвиля? — Безъ сумнѣнія, я имѣла убѣжище, бывши даже сиротою: а нынѣ признана отцемъ моимъ, должна ли быть лишенна средствъ болѣе, нежели сперьва? — Отецъ вашъ желаетъ не помрачить, сколь возможно, славу той, которая до сихъ поръ занимала ваше мѣсто: уваженіе сіе было бы трудно, ежели бы ее тотчасъ сослали; и естьли бы вамъ немедленно возвратили ваши права; симъ образомъ открылся бы обществу весь обманъ, и бѣдная дѣвица прослыла бы незаконнорожденною отъ Греншии, бывшей сперьва прачкою и кормилицею въ Берри-Гилѣ. Очень справедливо предупредить сіе неудобство, тѣмъ болѣе, что Г. Макартнею непріятно бы было таковое племя; мы въ немъ съ вами примѣчаемъ довольно гордости и самолюбія. — Ни за что на свѣтѣ не желала бы быть причиною погибели сей дѣвицы; но между

тѣмъ, государыня моя, не можно ли мнѣ возвратиться въ Берри-Гиль? — Оное не возможно; намъ то и нужно, чтобы оное сдѣлать тайно, и чрезъ то избавить отъ стыда молодую Гренъ; но также и то справедливо, чтобы вы напередъ представили себя на свѣтъ подъ имянемъ дочери Сиръ Бельмонта. Къ тому же, между нами сказано, сумнѣваюсь, чтобы сія столь чрезвычайная нѣжность была совсѣмъ безкорыстна; и что ежели только одно сіе препятствіе, то я могу васъ увѣрить, что двойная свадьба, которую мы положили, опровергаетъ всѣ препятствія. Сиръ Жонъ беретъ на себя ваше имѣніе, вы можете считать на приданое состоящее въ 30000 фунтовъ стерлинговъ чистыхъ денегъ; онъ васъ снабдитъ всемъ, и выдастъ за мужъ подъ имянемъ *Евелины Бельмонты*. Въ самое то время Г. Макартней женится на *Мисъ Полли Гренъ*, то есть, что Сиръ Жонъ выдаетъ только *одну дочь*: такимъ образомъ общество не узнаетъ участи той, которая до сихъ поръ занимала мѣсто законной наслѣдницы.

Должно было согласиться на сіи причины ежели не по удостовѣренію, по крайней мѣрѣ по снисхожденію. Опять спросила я, не буду ли имѣть позволенія увидѣться съ отцемъ моимъ? или должна считать, что на вѣкъ

лишена его лице зрѣнія? Любезная моя, отвѣчала мнѣ Гжа. Селвинъ, отецъ тебя не знаетъ; онъ думаетъ, что ты съ тѣмъ мнѣніемъ была воспитана, чтобъ его ненавидѣть, и болѣе тебя страшится, нежели любитъ. Отвѣтъ сей жестоко меня встревожилъ; я сказала Гжѣ. Сельвинѣ, сколь я желаю опровергнуть сіе предубѣжденіе, и заслужить любовь его покорностію дѣйствительно свойственною дѣтямъ: присовокупила къ тому жъ, что какъ онъ не приказываетъ мнѣ съ собою видѣться, то я весьма безпокоюсь, какое средство къ тому найтить могу.

Сего вечера у насъ было собраніе; какъ скоро всѣ сѣли за карты, Милордъ Орвиль имѣлъ со мною особливой разговоръ, и употреблялъ все свое краснорѣчіе для успокоенія меня въ томъ намѣреніи, къ которому располагаются слѣдовать. Вообразите, государь мой, удивленіе мое, какъ скоро онъ мнѣ сказалъ, что все уже пріуготовлено къ будущему вторнику, и что отецъ мой назначилъ сей день, чтобъ быть важнѣйшимъ въ жизни моей.

Какъ! во вторникъ, вскричала я почти бездыханна: О! Милордъ. — Такъ, любезная Евелина, день сей назначенъ содѣлать

меня щастливѣйшимъ изъ всѣхъ смертныхъ, и оной вамъ всегда будетъ казаться важнымъ, хотя бы отложенъ былъ на цѣлой годъ. Гжа. Сельвинъ извѣстила васъ о причинахъ побудившихъ насъ поспѣшать онымъ; прибавьте же къ тому собственное мое желанie, и вы будете, надѣюсь, довольно великодушны, чтобъ не противиться въ совершенiи моего благополучiя. Я не думаю, Милордъ, противиться волѣ моихъ друзей; даже благодарна вамъ за довѣренность вами мнѣ оказываемую: но признайтесь сами, Милордъ, что странная сiя поспѣшность должна меня тронуть. Едвали буду имѣть время получать письма изъ Берри-Гиля, и ни за что въ свѣтѣ не хочу кончить столь важное дѣло безъ согласiя достопочтеннаго Г. Вилларса.

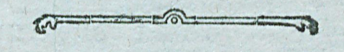
Онъ хотѣлъ самъ ѣхать въ Берри-Гиль для засвидѣтельствованiя вамъ своего почтенiя, и я одна въ томъ воспрепятствовала, увѣряя его, что уже о томъ къ вамъ писала. Потомъ онъ мнѣ предложилъ, что вмѣсто того, чтобы прямо ѣхать въ Линколншир, мы прiѣдемъ къ вамъ на мѣсяцъ. Я приняла сiе мнѣнiе съ удовольствiемъ, и не скрыла отъ любовника своего, сколь онъ меня одолжилъ симъ снисхожденiемъ. Наконецъ, государь мой, должна была склониться на

его прозьбу, и все, что могла истребовать, есть то, что свадьба наша отложена до четверга. Милордъ Орвиль взялъ на себя склонить отца моего на сію краткую отсрочку; между тѣмъ просила я его поговорить ему о чрезвычайномъ моемъ желаніи съ нимъ видѣться: онъ обѣщалъ употребить все свое стараніе для доставленія мнѣ вторичнаго свиданія.

Потомъ хотѣлъ со мною говорить о вдовьей части и о контрактѣ; но я увѣряла его, что дѣло сіе совсѣмъ для меня не извѣстно.

Теперь, любезной мой государь, позволено ли мнѣ истребовать мнѣнія вашего о сихъ распоряженіяхъ? Не думаете ли вы, что слишкомъ поспѣшно учинено? Почти стыжусь сказать, съ какою легкомысленностію на оное я согласилась: но хотя нѣсколько вы къ тому не будете согласны, буду настоять о новой отсрочкѣ. Я также располагаюсь писать немедленно къ друзьямъ моимъ въГовардъ-гровъ и къ Гжѣ. Дюваль, ихъ извѣстить о теперешнемъ положеніи моихъ дѣлъ; симъ вниманіемъ я имъ себя обязанною почитаю. Прощайте, любезнѣйшій и почтеннѣйшій мой государь; все зависитъ теперь отъ вашего рѣшенія: ожидаю онаго отъ васъ

вЪ страхѣ; но обѣщаю повиноваться вамЪ совсемЪ слѣпо.

ПИСЬМО LXVI.

Продолженіе письма Евелины.

МилордЪ Орвиль вчера тотчасЪ насЪ оставилЪ послѣ завтрака, вЪ томЪ намѣреніи, чтобЪ исполнить комисію мною на него наложенную касательно моего отца. — Во время его отсутствія Гжа. Бомона предложила намЪ прогуляться вЪ садЪ. Гжа. СелвинЪ отговорилась письмами, но Лади Луиза хотѣла намЪ быть товарищемЪ. Вниманія, коими она меня удостоивала во время завтрака, возродили во мнѣ сумнѣніе, что братЪ обЪявилЪ ей уже свое намѣреніе, и поведеніе ея вЪ послѣдствіи того способствовало кЪ удостовѣренію меня вЪ сей мысли; ибо вмѣсто того, чтобы отпустить меня, какЪ я хотѣла удалиться изЪ комнаты, она меня пригласила, и сказала голосомЪ принужденнаго удивленія: *МисЪ АнвилЪ, развѣ не будете намЪ товарищемЪ?*

Весьма подла сія скорая перемѣна: затѣмЪ не могла удержаться, чтобЪ не отвѣчать на оную сЪ презрѣніемЪ; я отринула ея приглашеніе сЪ такою же холодностію,

каковую она мнѣ до сихъ поръ оказывала. Но примѣтивъ, что отказъ мой приводилъ ее въ стыдъ, я стала не столь горда; мнѣ бы прискорбно было причинить неудовольствіе сестрѣ Милорда Орвиля. И такъ я согласилась на прогулку, тѣмъ паче, что Гжа. Бомонъ пригласила меня вторично. Намъ довольно было скучно всѣмъ троимъ: Гжа. Бомонъ, которая и такъ не много говоритъ, на сей разъ была молчаливѣе обыкновеннаго; Лади Луиза всячески старалась отвратить видъ принужденія и гордости, которой ей свойственъ; и я сама довольно понимая предметъ, коему должна была приписывать ея вѣжливость, не стала спесивиться.

Милордъ Орвиль скоро возвратился; онъ съ собою принесъ намъ веселость: вотъ точно случай, сказалъ онъ, коего я искалъ. Позвольте, Мисъ, имѣть мнѣ честь представить васъ подъ собственнымъ вашимъ имянемъ, двумъ моимъ ближнимъ роднымъ. Гжа. Бомонъ, представляю вамъ дочь Сиръ Жонъ Бельмонта, молодая госпожа, къ которой я увѣренъ, чтобы вы имѣли уваженіе и всякое предпочтеніе прежде, нежели бы знали, какова она была рода. Милордъ, отвѣчала Гжа. Бомонъ, поклонившись мнѣ весьма ласково: чинъ сей молодой госпожи, достоинство ея, ваше представленіе, суть столь

много титуловъ, изъ которыхъ бы одного довольно было для привлеченія ей моего почтенія, и надѣюсь, что во время ея пребыванія у меня, съ ней поступлено съ должнымъ къ ней уваженіемъ. Однако же еще бы болѣе приложила старанія, ежели бы имѣла удовольствіе прежде узнать родъ ея фамиліи.

Рожденіе, возразилъ Милордъ Орвилъ, ни мало не прибавитъ къ добродѣтелямъ Мисъ Бельмонты; она бы сдѣлала честь и самому вышшему чину. Сестрица, продолжалъ онъ, я увѣренъ, что вы ради будете пользоваться ея дружбою; чрезъ нѣсколько дней буду имѣть удовольствіе представить вамъ Мисъ Бельмонту подъ другимъ имянемъ, и подъ другимъ званіемъ, поцѣловавъ мою руку, соединилъ оную съ Лади Луизиною. Мы обѣ покраснѣли и смутились; она конечно отъ воспоминанія худаго поведенія противъ меня, а я отъ неожидаемаго средства, коимъ связь моя съ ея братомъ была ей объявлена. Впрочемъ приняла меня очень вѣжливо, и сказала улыбаясь, что сочтетъ себѣ за щастіе продолжать со мной знакомство. Я отвѣчала на сіе холодное привѣтствіе простымъ поклономъ, и такъ мы продолжали прогулку. Очень явственно, что Милордъ Орвилъ предупре-

дилъ уже сихъ госпожъ; думаю такъ по крайней мѣрѣ по причинѣ малаго удивленія произшедшаго отъ сего важнаго увѣдомленія.

Другія особы къ намъ присоединились, и Милордъ Орвиль увѣдомилъ меня тогда о успѣхѣ его посѣщенія. Отецъ мой, сказалъ онъ мнѣ, весьма чувствительно принялъ знаки моея привязанности, исполнилъ меня своего благословенія и согласился со мной видѣться, продолжая, что за удовольствіе почтетъ предупреждать всѣ мои желанія. Милордъ Орвиль совѣтовалъ мнѣ ѣхать сего же вечера къ нему, и также сказалъ, что хорошо сдѣлаю, ежели поѣду безъ Гжи Селвины.

Я получила пріятную сію вѣсть съ удовольствіемъ смѣшаннымъ съ страхомъ; мысль увидѣться съ отцемъ, меня тронула и занимала меня во весь день; съ нетерпѣніемъ ожидала я время моего отъѣзда.

Гжа. Бомонъ ссудила меня своей каретой, а Милордъ Орвиль просилъ неотступно позволенія меня проводить. Вы подвергаете себя неудовольствію Гжи. Селвины, сказалъ онъ мнѣ, ежели однѣ поѣдете; но естьли я съ вами буду, то ей нѣчего будетъ сказать. Она удовольствуется какой нибудь насмѣшкой; но пусть лучше насмѣ-

хается, нежели сердится. Дѣйствительно я не имѣла причины раскаеваться о моемъ на то согласіи; разговоръ Лордовъ столь для меня былъ полезенъ, и время мнѣ показалось столь коротко, что какъ мы уже пріѣхали, я думала, что только еще отправились.

Какъ скоро мы вышли изъ кареты, то Г. Макартней встрѣтилъ насъ и проводилъ въ залу: ахъ! любезной братъ, вскричала я: какъ я щастлива, что тебя здѣсь нахожу! Онъ меня за то чувствительно благодарилъ. Милордъ Орвиль простеръ руку, сказавъ ему: Г. Макартней, надѣюсь, что мы короче будемъ знакомы. Я весьма льщу себя вашей дружбой. — Вы мнѣ, Милордъ, много чести дѣлаете. — Но гдѣ сестра? ибо всегда такъ буду ее называть и почитать: страшусь, не убѣгаетъ ли она моего взора? Прошу васъ, любезной братъ, расположить ее ко мнѣ благосклонно, и увѣрить ее въ моей привязанности. — Вы истинная благость, отвѣчалъ онъ; но прошу васъ извинить въ томъ, теперь она не въ состояніи съ вами видѣться; статься можетъ въ короткое время. Лордъ Орвиль примолвилъ: конечно въ самое короткое время, надѣюсь, вы ее намъ представите, и мы будемъ имѣть удовольствіе васъ поздравить; я говорю, *мы*, и вы на то

согласны, любезная Евелина. Г. и Гжа. Макартней будутъ первыя гости, которыя у насъ будутъ жить; мы въ томъ увѣрены, государь мой, сестра ваша и я. Человѣкъ пришелъ доложить, что отецъ мой дожидается меня въ своей комнатѣ. Я просила Милорда Орвиля за мною слѣдовать; но его нѣжность въ томъ ему препятствовала, ибо отецъ требовалъ видѣться со мною неотмѣнно наединѣ. Онъ только проводилъ меня вверхъ на лѣстницу и просилъ меня, какъ можно быть смѣлѣе. Прозьбы его были тщетны; ясно представляла весь ужасъ сего свиданія, и въ важную сію минуту инаго чувствія кромѣ страха не имѣла. Наконецъ я вошла, отецъ мой принялъ меня милостиво: ты ли это, дочь моя? сказалъ онъ мнѣ. Подбѣжала къ нему, и кинулась къ его ногамъ: такъ, точно я, государь мой; я дочь ваша; щастлива, что хотите меня признать! Онъ самъ палъ на колѣни и нѣжно обнялъ меня: тебя признавать? Такъ, дитя мое, охотно; но одинъ Богъ знаетъ, съ какимъ удовольствіемъ и огорченіемъ исполняю сей долгъ. Мы оба встали и пошли въ ближній кабинетъ, которой онъ заперъ ключемъ; потомъ подвелъ меня къ окошку, и взирая на меня съ самонѣжнѣйшимъ смущеніемъ, вскричалъ: *О бѣдная*

моя Каролина! и по изреченіи сихъ словъ произшесъ потокъ слезной. Должно ли вамъ сказать, государь мой, что зрѣлище сіе и меня заставляло проливать изобильныя слезы?

Я хотѣла опять обнять его колѣни, но онъ меня удержалъ, и кинувшись на софу, пребывалъ на оной въ положеніи доказывающемъ жесточайшую печаль.

Съ почтеніемъ взирая на столь горестное души его смущеніе, не осмѣлилась ниже подумать оное прервать; стояла вдали и ожидала въ молчаніи, пока онъ опомнится. Но вдругъ, какъ умъ потерялъ, вскочилъ, и вскричалъ голосомъ, отъ котораго я задрожала: Ну, дочь моя! довольно ли ты унизила отца твоего? — Ежели сіе доказательство моей слабости тебя удовольствовало, выдь и не мучь меня долѣе твоимъ присутствіемъ. Приказъ столь строгой и столь неожиданной ударилъ меня какъ громовая стрѣла; я пребыла неподвижна и нѣма, въ безъизвѣстіи, хорошо ли я слышала. Выдь! говорю я тебѣ, возразилъ онъ съ горячностію, удались, по крайней мѣрѣ изъ жалости; оставь, ежели мнѣ должно не терять разсудка, — оставь меня навсегда.

Повинуюсь, отвѣчала я трепеща, и тотчасъ пошла къ дверямъ; но не дошедъ, воротилась невольнымъ движеніемъ, и пала

къ его ногамъ: не откажите, государь мой, благословеніе дочери вашей; одну сію милость она отъ васъ проситъ; сотворите ей оную, и видъ ея не будетъ уже вамъ тягостенъ, Ахъ! не достоинъ тебя благословлять, не достоинъ называть тебя дочерью моею — не достоинъ жить на свѣтъ. — О Боже! для чего не могу возвратить прошедшаго, и быть при днѣ твоего рожденія, — или по крайней мѣрѣ для чего не могу уничтожить жестокое сіе воспоминовеніе! — Дай Боже! чтобы присутствіе мое не столь вамъ было тягостно; вмѣсто того, чтобы умножать ваше огорченіе, оно могло бы оное утишать. Ахъ, государь мой! съ какою благодарностію доказала бы я вамъ мою привязанность, даже не щадя своей жизни. — Возможно ли, чтобъ таковы были твои чувствія? Приди, Евелина моя, встань, мнѣ должно пасть къ твоимъ ногамъ. Такъ, палъ бы на колѣни, ползалъ бы какъ червякъ, катался бы какъ пыль, ежели бы симъ уничтоженіемъ могъ загладить свою вину, получить отъ тебя прощеніе супруги, кою я раздражилъ!

Ахъ! государь мой, лучше сего разумѣйте мое сердце; увы! ежели бы въономъ зрѣли всю великость дочерней привязанности, все участіе, кое пріемлю въ вашей пе-

чали, конечно бы избавили меня сихъ огорчительныхъ разговоровъ, — вы бы не стращали меня отриновеніемъ вашего присутствія, отнять отъ меня вашу родительскую любовь. Возможно ли, дитя мое, чтобы ты меня не ненавидѣла? Дочь нещастной Каролины можетъ ли взирать на меня не кленя? Не на то ли ты рожденна, чтобы меня презирать? Воспитана, дабы клясть меня, мать твоя не съ тѣмъ ли тебя благословила, чтобы имѣть меня въ омерзѣніи? — Нѣтъ, нѣтъ, имѣйте лучшія объ ней мысли также и о мнѣ. Тогда вынула изъ записной книжки письмо матери моей, и облобызавъ оное, подала Сиру Бельмонту.

Оное вырвалъ онъ у меня съ нетерпѣливостію: подай, это ея рука — отъ кого пришло сіе письмо? — отъ кого ты оное имѣешь? — для чего я прежде его не получилъ? — Я не отвѣчала на сіи вопросы; жестокость оныхъ меня испугала, и я продолжала сохранять почтенной на себя принятой видъ.

Подошелъ къ окну, стоялъ у онаго въ молчаніи, глаза обращены на подпись письма; дрожалъ какъ листокъ, потомъ подошелъ ко мнѣ: открой оное, сказалъ онъ, ибо я не въ силахъ. Едва и я смогла ему

повинуясь то учинить: однако же распечатала оное; опять взялЪ письмо, и какЪ будто не смЂлЪ оное читать, ходилЪ по комнатЂ большими шагами: знаешь ли ты содержаніе онаго? спросилЪ онЪ меня. НЂтЪ, государь мой, оное никогда не распечатывала. НаконецЪ готовился кЪ чтенію онаго, прочтя оное поспЂшно, поднялЪ глаза кЪ небу, письмо упало изЪ рукЪ, и онЪ вскричалЪ: ТакЪ, Каролина моя, ты торжествуешь вЪ пребываніи святыхЪ, — ты будешь благополучна вЪ вЂчности, — а я погибЪ на вЂкЪ! На минуту замолчалЪ, потомЪ будучи отягченЪ отчаяніемЪ, палЪ на землю, крича: Нещастной, недостойной жизни и зрЂнія свЂта! вЪ какую пропасть скрою я себя!

Не возможно мнЂ было долЂе сего терпЂть, подошла кЪ нему, и не смЂя еще говорить, употребляла слезы и ласки для облегченія его горести. ОнЪ всталЪ и опять взялЪ письмо: Ты хочешь, чтобы я тебя призналЪ, любезная Каролина! — Конечно ты будешь удовольствована, хотя бы оное мнЂ стоило послЂдней капли крови. О! для чего ты не свидЂтелемЪ всЂхЪ ужасностей, вЪ коихЪ душа моя теряется! ВсЂ мученія на свЂтЂ ничего не значатЪ предЪ чинимыми мнЂ симЪ письмомЪ!

Опять оное прочиталЪ: Евелина, сказалЪ онЪ мнѣ, она проситЪ меня тебя принять; хочешь ли ты мнѣ помочь исполнить ея волю? ВЪ состояніи ли ты признать отцемЪ погубителя твоей матери? — Какой страшной вопросЪ? я отЪ онаго дрожала.

Я долженЪ возстановить ея славу, и признать дочь ея; сЪ такими договорами она меня прощаетЪ. Я уже все то учинилЪ, что отЪ меня зависѣло для оправданія ея чести предЪ цѣлымЪ свѣтомЪ; и сЪ какою радостію желалЪ бы принять вЪ объятія мои дочь ея, прижать ее кЪ сердцу моему, снискать вЪ ея привязанности покой и утѣшеніе мое: но я онаго не достоинЪ, знаю; увы! заслужилЪ печаль преступленіями своими. Нѣсколько разЪ старалась я прервать рѣчь его, все было тщетно, и отЪ печали языкЪ отнялся. Глаза его безпрестанно обращены были на письмо; особливо замѣтилЪ сіи слова: *дитя мое, не моги походить на мать твою*; онЪ повторилЪ оныя громко, вскрича: Какая горесть вЪ сихЪ словахЪ! поди сюда Евелина моя, погляжу еще на тебя! АхЪ, праведный Боже! возможно ли быть сходнѣе сего! вотЪ глаза ея, ротЪ, всѣ черты ея. О дитя мое! дитя мое! — Вообразите себѣ, госу-

дарь мой, (ибо тщетно буду стараться представить вамъ сію картину,) — вообразите ужасъ мой, когда увидѣла отца моего, падшаго на колѣни предо мною. — О ты, сказалъ онъ мнѣ, образъ матери твоей мною умерщвленной! виждь отца твоего у ногъ твоихъ; виждь, до которыхъ поръ онъ себя уничижаетъ для испрошенія избавить его твоей ненависти. Говори со мною подъ имянемъ той супруги, кою я погубилъ; да узнаю твоими устами, что она не совсѣмъ отвергаетъ страшныя угрызенія, коими я терзаюсь. — Ахъ! отецъ мой, въ какое состояніе вы меня приводите? Встаньте, сдѣлайте милость! встаньте; не опровергайте порядка естества, встаньте! я прошу на колѣняхъ вашего благословенія. — Да благословитъ тебя Богъ, дочь моя! не осмѣлюсь самъ онаго сдѣлать. Онъ нѣжно меня поцѣловавъ, продолжалъ: Добронравіе твое меня восхищаетъ; я ошибался тебя страшась; чувствія твои ничего не оставляли бы желать лучшему отцу; буду стараться пріучать глаза свои смотрѣть на тебя не съ толикимъ отвращеніемъ. Можетъ быть время придетъ, въ которое буду наслаждаться всѣмъ утѣшеніемъ, кое бы долженъ чувствовать, имѣя такую дочь; — но теперь я долженъ быть одинъ; мнѣ на-

добно предаться размышленіямъ; оныя суть страшны, и за тѣмъ я не хочу, чтобы ты ихъ со мною раздѣляла. Прощай, мое дитя, не безпокой себя: не въ состояніи пребыть съ тобою, Евелина; лице твое *пронзаетъ* мое сердце, — каждой твой взглядъ напоминаетъ мнѣ мать твою. Рыданія и вздохи препятствовали ему болѣе сего сказать; онъ вырвался изъ моихъ объятій, и хотѣлъ уйти; но я удержала его изъ всей силы. Ахъ, государь мой, не помышляете ли вы меня покинуть? не опять ли я стала сирота? О! любезной мой отецъ, не покидайте меня, прошу васъ; сжальтесь надъ дочерью вашею, и не лишайте ее отца, котораго любовь ей такъ нужна.

Ты не знаешь, чего отъ меня требуешъ, дитя мое; мученія, коими душа моя теперь терзается, слишкомъ сильны, и не въ силѣ сносить оныя долѣе, мнѣ должно тебя оставить. Не думай, чтобы оное было по жестокости; очень отъ того отдаленъ, будь въ томъ увѣрена, и возьми о мнѣ лучшее мнѣніе. Милордъ Орвиль поступилъ съ тобою великодушно, надѣюсь, что ты съ нимъ будешь благополучна. Да благословитъ тебя Богъ, Евелина моя! люби меня, ежели можешь, или по крайней мѣрѣ не не-

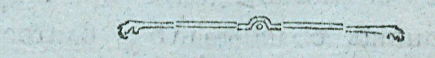
навидь; старайся помѣстить меня въ твоемъ сердцѣ, не забывай, что я твой отецъ.

Не говорю вамъ, государь мой, о волненіи моемъ; оное не могло далѣе простираться. Отецъ мой опять облобызалъ, благословилъ меня, и вышелъ вонъ изъ комнаты такъ скоро, что я не могла его удержать; оставилъ меня залитую въ слезахъ. Вы, государь мой, будучи столь милостивы къ вашей Евелинѣ, вы легко представите, сколько я претерпѣла въ семъ свиданіи. Молю Бога, окончить какъ можно скорѣе угрызенія отягчающія отца моего и возвратить спокойствіе сердцу его.

Какъ скоро не много успокоилась, то пошла къ Милорду Орвилю, которой ожидалъ меня съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Опять была свидѣтелемъ жалостнаго зрѣлища; Г. Макартней увѣдомилъ меня, что будущій супругъ мой установилъ судьбу нещастной, которая до сихъ поръ несла имя дочери Сиръ Бельмонта. Онъ хочетъ, чтобы она продолжала слыть моей сестрой, и въ такомъ званіи она бы сохранила право на будущее наслѣдство отца моего, ибо по строгости законовъ она ни малаго не имѣетъ на то права.

О Милордъ Орвиль! единое мое стараніе въ жизни будетъ доказать тебѣ лучше

нежели словами, сколь я чувствую всю великость твоей щедрости и благородство твоихъ чувствій.

ПИСЬМО LXVII.

Продолженіе письма Евелины.

Мы получили теперь извѣстіе, что Баронетъ Клементъ выѣхалъ изъ Англіи. Сей поступокъ служитъ послѣднимъ доказательствомъ моего удостовѣренія о его обманѣ, и все мое великодушіе изчезаетъ о моемъ объ немъ сожалѣніи, хотя я его и простила. *Пріуготовленія* продолжаются, какъ будто бы уже мы получили ваше согласіе. Сколько я ни желала отсрочки, Милордъ Орвиль однако же ни мало не сумнѣвается о вашемъ одобреніи.

Макартней только сей часъ отъ меня ушелъ. Отецъ мой его ко мнѣ присылалъ. Онъ велѣлъ ему меня увѣрить о его ко мнѣ отеческой любви и благоволеніи, также спросить меня, что скорая перемѣна моего состоянія наполняетъ ли всѣ мои желанія, или что нибудь еще остается мнѣ желать, что онъ можетъ для меня сдѣлать? Макартней между тѣмъ отдалъ мнѣ тысячу

фунтовъ стерлинговъ, кои должна я употребить на собственныя мои нужды; отецъ мой хочетъ, чтобъ я сію сумму издержала на платье приличное по ому состоянію, къ коему призываюсъ.

Излишнее будетъ сказать вамъ, государь мой, сколь чувствительно приняла я сей знакъ милости, и письменно за то отца моего благодарила; также написала ему чистосердечно, что главной предметъ теперь меня занимающій есть его спокойствіе, и когда оное ему возвратится, тогда всѣ желанія моего сердца исполнятся. Я не могла ничего иного больше сказать. Срѣтаются въ жизни нашей такія минуты, въ которыя чувствія содѣлываютъ насъ столь безсмысленными!

ПИСЬМО LXVIII.

Продолженіе письма Евелины.

Время приближается, въ которое могу надѣяться съ вами увидѣться, любезной мой государь; между тѣмъ провождаю жизнь безпрестанно въ величайшемъ волненіи; не сплю; сонъ кажется убѣгаетъ равно великой радости, какъ и жестокихъ печалей; провожаю

часть ночи въ продолженіи ежедневной моей записки.

Мы вчера ввечеру сговорились ѣхать въ Бадъ, котораго я еще не видала, и сегодня поутру поѣхали тотчасъ послѣ завтрака. Отъѣхавъ полмили отъ Клифтона, увидѣли мы почтовую коляску, которая гналася за нами, и какъ скоро насъ настигла, услышили мы голосъ кричащей къ нашимъ лакеямъ: гей! вы лакеи! скажите, не тутъ ли Мисъ Анвиль находится?

Я тотчасъ узнала Капитана Мирвана. Милордъ остановилъ немедленно карету. Капитанъ вышелъ вонъ изъ коляски. Я усмотрѣла Мисъ Мирвану, и тотчасъ вышла, дружески ее принявъ. Я оставляю вамъ объяснять, съ какою радостію увидѣлась я съ другомъ своимъ. Посѣщеніе любезной моей Марьи случилось весьма кстати, и причиняетъ мнѣ великое удовольствіе. Сія пресовершенная дѣвица какъ скоро услышала о перемѣнѣ моего состоянія, просила отца своего ѣхать въ Клифтонъ; прозьбы ея присоединенныя къ неотступнымъ желаніямъ Лади Говарды и Гжи. Мирваны, согласили Капитана. Они пріѣхали къ Гжѣ. Бомонѣ нѣсколько минутъ спустя послѣ нашего отъѣзда, и не много имѣли труда нагнать. Мисъ Мирвана отдала мнѣ два письма, одно отъ

Лади Говарды и Гжи. Мирваны, содержащія поздравленія самыя обязательнѣйшія; другое отъ Гжи. Дюваль: но къ великому моему удивленію отъ васъ, государь мой, ни строки не получила; молчаніе ваше крайне меня печалитъ.

Гжа. Дюваль, кажется, весьма радуется вѣстямъ, кои я ей сообщила. Но чрезвычайная простуда препятствуетъ ей ѣхать въ Бристоль. Она оканчиваетъ увѣреніемъ меня, такъ какъ вы мнѣ проговаривали, государь мой, что ежели выду за Милорда Орвиля, то буду нѣкогда единственною ея наслѣдницею. Первой шагъ къ щастію насъ скоро возноситъ на высочайшую степень; но сколь мало все сіе въ разсужденіи вашего здоровья, и ежели я не буду имѣть щастія видѣть наслажденіе всѣхъ чувствій моего презѣльнаго возблагодаренія, въ нѣдрахъ вашихъ водворящееся.

ПИСЬМО LXIX.

Отъ Г. Вилларса къ Евелинѣ.

Всѣ мои желанія свершились! Евелина моя благополучна и добродѣтели ея получаютъ истинное возмездіе, имъ должное. Такъ, дитя мое, твое благополучіе начертано

огненными словами въ моемъ сердцѣ; ихъ впечатлѣніе не изгладимо. Тщетно нещастіе хотѣло бы отяготить меня еще мышцею своею; всуе бы старалось оно исторгнуть у меня единственное препитаніе оставшееся въ моей старости; надлежало бы ему начать ниспроверженіемъ слабаго зданія моего бреннаго тѣла, но не сокрушитъ моихъ чувствій, пока останется хотя капля крови въ моихъ жилахъ.

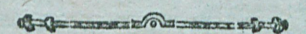
Ты требуешь моего согласія! — Сколь выраженіе сіе слабо въ сравненіи горячности, съ коею на оное соглашаюсь! Ты всегда была, Евелина моя, радость, утѣшеніе и смѣю сказать, горделивость моей жизни; могу ли противиться твоему благополучію, я, которой бы желалъ купить оное цѣною моей жизни?

Поспѣши, дитя мое, утѣшить меня своимъ присудствіемъ; ускори пріѣздомъ своимъ принять благословеніе, которое горю желаніемъ излить на тебя отъ изобилія моего сердца. Но послушай также молитву мною приносимую къ Богу въ столь торжественныхъ обстоятельствахъ: даруй Боже, чтобы благополучное состояніе, въ которое переходишь, не ослѣпило тебя! Полагай всегда славу свою въ сохраненіи чистаго и непорочнаго сердца. Не могу помышлять безъ содроганія о той

минутѣ, которая тебя къ моимъ обьятіямъ приведетъ, и весьма страшусь, чтобы движеніе сіе не слишкомъ было тяжело для отца тебя обожающаго. Но нѣтъ, я старъ; лѣты, огорченія и немощи изнурили сложеніе мое; однако же радость быть свидѣтелемъ твоего благополучія, изцѣлитъ всѣ болѣзни мои, и заставитъ забыть все непостоянство щастія. Единая щедрота, о которой молю Бога, состоитъ во томъ, чтобы умереть въ твоихъ обьятіяхъ. Такъ, дитя мое, ты закроешь глаза мои; ты услышишь изъ умирающихъ моихъ устъ желанія и благословеніе, кои излію на тебя при отхожденіи за порогъ изъ свѣта сего.

Не смущайся, любезная моя, о томъ, что сіи размышленія могутъ что-либо печальное вмѣщать для тебя; оныя сходны съ моими лѣтами; вижу приближающійся свой конецъ спокойнымъ окомъ: да будетъ и твой также благополученъ! Удовольствуясь жизнію и благополучіемъ, да снидешь во гробъ столь же обожаема и оплакиваема, какъ ты будешь скорбѣть обо мнѣ! — Да оставишь ты вторую Евелину, достойную преданія твоего имяни и твоихъ добродѣтелей!

Артуръ Вилларсъ.

ПИСЬМО LXX.

Отъ Евелины къ Г. Вилларсу.

Любезной мой государь! ко мнѣ принесено письмо, которое, не знаю, какимъ случаемъ пропадало. Тотчасъ узнала вашъ почеркъ, и весьма обрадовалась. Милордъ Орвиль скоро узналъ по моему движенію, откуда сіе письмо, и зная, что содержаніе онаго долженствовало быть нужнымъ къ нашему благополучію, просилъ меня разпечатать. Но открывъ оное, не имѣла силы до конца прочесть. Согласіе ваше столь милостивое, и между тѣмъ столь торжественное, нѣжность вашихъ выраженій, благонадежность, не имѣть больше въ пути предполагаемыхъ препятствій къ благополучному моему сопряженію съ превожделѣннымъ сердца моего предметомъ; всѣ сіи размышленія живо представились моему разуму. Проливала слезы благодарности и удовольствія, и отложила чтеніе до спокойнаго времяни. Между тѣмъ Милордъ Орвиль нетерпѣливо желалъ узнать, что вы ко мнѣ пишете. Труднобъ было мнѣ его въ томъ не удовольствовать; а дабы удовлетворить его желанію, отдала ему ваше письмо.

Онъ также былъ тронутъ вашею благостію, облобызалъ вашего имяни начертаніе,

и оказалъ мнѣ свою радость въ израженіяхъ наиласкательнѣйшихъ. Онъ восхищается удовольствіемъ представить вамъ вашу Евелину, увѣнчанную щастіемъ и честію отъ него происходящими.

Оканчиваю, государь мой, употребленіемъ теперь въ первой и чаятельно въ послѣдній разъ имяни вашей всеусерднѣйшей дочери,

Евелины Бельмонты.

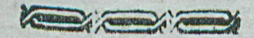
ПИСЬМО LXXI.

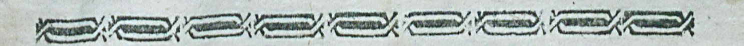
Отъ Евелины къ Г. Виллapсу.

Все свершилось, любезной мой государь, и судьба вашей Евелины рѣшилась. Сегодни сочетаюсь я бракомъ съ любовникомъ сердца моего предъизбраннѣйшимъ. Сего дня возжигаю я ему ѳиміамъ благодарности, нѣжнѣйшей любви и вѣчной приверженности.

Не имѣю времяни къ вамъ больше писать; почтовая коляска уже готова, и въ короткое время лечу повергнуться въ объятія лучшаго человѣка, не смѣю сказать, лучшаго въ свѣтѣ отца.

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ.

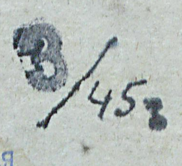
Въ первой и второй Части.

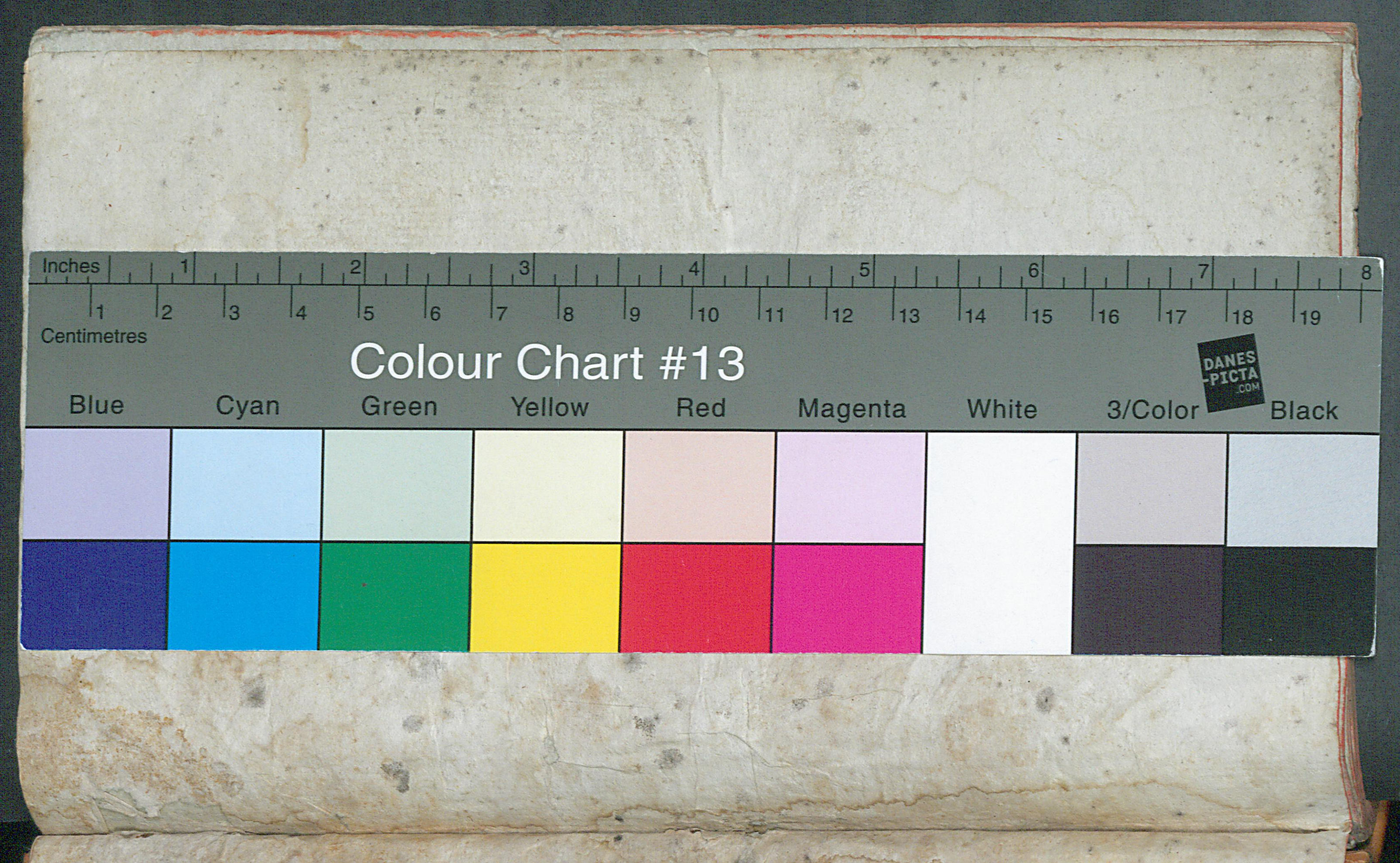
Стр.	стро.	Напеча.		Читай.
33	26	подошедъ	-	подошелъ
65	7	отвезти	-	отвесть
152	8	стыдился	-	стыдился бъ
154	28	привести	-	привезти
191	22	простите	-	прочтите
195	20	и онъ	-	онъ

Въ третьей Части.

48	5	благоразумной	неблагоразумной
129	8	въ отвѣтѣ	въ отвѣтъ

3/45

Colour Chart #13
Inches
Centimetres
Blue
Cyan
Green
Yellow
Red
Magenta
White
3/Color
Black
DANES PICTA .COM

